„ЗЕМЛЯ-НАРОДУ“.

Н. Огановскій.

РЕВОЛЮЦІЯ НАОБОРОТЪ

(Разрушеніе общины).

ПЕТРОГРАДЪ
Типографія «ЗАДРУГА», Гончарная ул, д 24
1917

Первые итоги „великой реформы“ *).

I.

Основныя задачи правительственной аграрной программы.

Вторая „великая реформа“ — „второе раскрѣпощеніе“, по выраженію проф. Герье,—дѣйствуетъ пятый годъ. За это время она успѣла развернуться на столько широко, что громадное значеніе ея для экономической и политической жизни нашей страны стало для всѣхъ очевиднымъ. Конечно, строгая и точная оцѣнка ея результатовъ еще далеко впереди: но уже сейчасъ изъ тумана огульныхъ цифръ офиціальной статистики и безчисленныхъ противорѣчивыхъ мнѣній, слуховъ, отрывочныхъ фактовъ, приводимыхъ литературой разныхъ направленій, начинаютъ вырисовываться первые признаки, первыя вѣхи, которыми намѣчается путь, пролагаемый аграрной реформой въ экономической жизни народныхъ массъ, и по этимъ признакамъ можно, хотя бы приблизительно, установить, на сколько осуществляются въ дѣйствительности основныя цѣли правительства, съ небывалой энергіей творящаго свою „революцію наоборотъ“, и на сколько способна эта революція разрѣшить наболѣвшій аграрный вопросъ.

Реформа 1861 г. сулила простому народу „домашнее благополучіе“, всей странѣ—„благо общественное“, развитіе производительныхъ силъ; но не дала ни того, ни другого. Вмѣстѣ съ урѣзанными надѣлами она дала народу одну свободу—свободу плодиться и множиться. Задерживаемый крѣпостнымъ правомъ, естественный приростъ послѣ реформы удвоилъ населеніе за 50 лѣтъ. Но производительность земли за это время, если и развилась, то очень слабо; относительно слабо эволюціонировала и индустрія, и города не могли поглотить и десятой доли прироста сельскаго населенія. Въ Европѣ весь приростъ ушелъ въ города и за океанъ; у насъ, отъ земли ему было „некуда податься“, и та же самая площадь, при почти одинаковой производительности, должна была прокормить двойное количество населенія. Аграрная проблема за 45 лѣтъ послѣ первой реформы

*) Написана въ 1911 году.

не только не была разрѣшена, но обостреніе земельной нужды дошло до своего предѣла и въ 1905 г. подняло всю стомилліонную массу крестьянъ, сплотившуюся въ единодушномъ требованіи прирѣзки *земли*, требованіи, подкрѣпленномъ слишкомъ внушительными доводами, чтобы можно было его игнорировать.

Жалобы на „утѣсненіе въ землѣ", крики: „все одно—безъ земли намъ смерть" — раздавались во всѣхъ концахъ Россіи, несмотря на большую разницу въ обезпеченности землей у крестьянъ различныхъ районовъ. Острое малоземелье почувствовалъ и киргизъ съ сотней десятинъ на кибитку, и самарскій мужикъ съ десяткомъ и болѣе десятинъ душевого надѣла, и захудалый дарственникъ центральныхъ районовъ со своими „тремя сажнями" на душу. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ аграрное движеніе проявлялось сильнѣе какъ разъ въ многоземельныхъ мѣстностяхъ. Это вполнѣ понятно, такъ какъ въ многоземельные районы перетекало населеніе изъ центра, приростъ здѣсь шелъ убыстреннымъ темпомъ и гораздо сильнѣе нарушалось равновѣсіе между суммой потребностей населенія и тѣмъ количествомъ продуктовъ, которое давала земля при старыхъ, экстенсивныхъ системахъ хозяйства. Вообще, во всѣхъ районахъ населеніе увеличивалось быстрѣе средствъ существованія, получаемыхъ отъ земли: знаній и капиталовъ, необходимыхъ для интенсификаціи хозяйства у крестьянъ не было,—отсюда единственное средство создать себѣ мало-мальски сносную возможность существованія крестьяне видѣли въ прирѣзкѣ земли.

Это всеобщее ощущеніе остраго крестьянскаго малоземелья передалось и въ интеллигентскіе слои общества. Кто хоть слегка помнитъ содержаніе безчисленныхъ книгъ и брошюръ по аграрному вопросу этой эпохи, тотъ можетъ подтвердить, что оно, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, сводилось къ такой элементарной схемѣ: крестьяне бунтуютъ, потому что они голодны: а голодаютъ они, потому что у нихъ земли мало.

Представители лѣвыхъ, среднихъ и даже, отчасти, правыхъ направленій сходились на этомъ пунктѣ и разрѣшеніе аграрной проблемы одинаково видѣли въ томъ, что земли прибавить крестьянамъ необходимо теперь же. Сколько прибавить земли, откуда ее взять и на какихъ условіяхъ передать крестьянамъ—каждая партія рѣшала по своему; но мы можемъ смѣло сказать, что подавляющее большинство тогдашнихъ общественныхъ направленій выставляло главнымъ способомъ разрѣшенія аграрнаго вопроса устраненіе крестьянскаго малоземелья.

Голосъ всего народа, почти всѣхъ слоевъ общества нашелъ себѣ выраженіе въ вотумѣ первой Государственной Думы, за что, какъ извѣстно, она и была разогнана. Съ тѣхъ поръ правительство взвалило всю тяжесть аграрнаго вопроса на свои плечи — ему первому придется принять удары при пораженіи, или надолго торжествовать, укрѣпивши свои позиціи, при по-

бѣдѣ. Отвергнувъ рѣшеніе аграрной проблемы, выставленное первой Думой, подавивши возстаніе силой, правительство, тѣмъ не менѣе, не могло оставить эту проблему неразрѣшенной или отдѣлаться полумѣрами. И для него стало яснымъ, что тогда не будетъ ему мало-мальски спокойной жизни: какъ говорилось тогда, на штыки можно опереться, но усидѣть на нихъ нельзя. Уже одна внѣшняя зависимость русскихъ финансовъ отъ иностранныхъ капиталовъ требовала и серьезнаго внутренняго успокоенія, возможнаго только при сносномъ „домашнемъ благополучіи" народныхъ массъ, и развитія производительныхъ силъ страны Фундаментомъ для того и для другого въ Россіи можетъ быть только удачное, радикальное разрѣшеніе аграрнаго вопроса Вотъ почему министерство Столыпина, укрѣпивши свою власть, немедленно приступило къ проведенію въ жизнь собственнаго плана аграрной реформы.

Каковы же основныя цѣли этой реформы? Изъ предыдущаго видно, что аграрный вопросъ у насъ сводился къ вопросу о недостаточности средствъ существованія, добываемыхъ крестьянами изъ земли. Разрѣшить его можно было бы двумя способами или расширеніемъ крестьянскаго землепользованія — прирѣзкой земли, или интенсификаціей сельскаго хозяйства, т. е, развитіемъ производительности земли, при которомъ одна и та же площадь давала бы удвоенное количество продуктовъ

Первый способъ—дополнительное надѣленіе землей, въ размѣрахъ на столько широкихъ, чтобы оно дало возможность и сноснаго существованія большинству крестьянъ, и нѣкотораго накопленія средствъ и силъ, необходимыхъ для дальнѣйшаго постепеннаго перехода къ улучшеннымъ системамъ земледѣлія, — для правительства былъ органически непріемлемъ. Самые элементарные разсчеты показываютъ, что даже доведеніе крестьянскихъ надѣловъ до потребительныхъ нормъ, при экстенсивномъ хозяйствѣ, потребовало бы почти цѣликомъ весь фондъ удобныхъ помѣщичьихъ, казенныхъ, удѣльныхъ и монастырскихъ земель. Для правительства, связаннаго съ крупнопомѣстнымъ классомъ узами самаго тѣснаго родства, такая реформа равнялась бы самоубійству.

Поэтому министерство Столыпина остановилось на второмъ способѣ и построило свой планъ на немедленномъ поднятіи уровня крестьянскаго хозяйства. Но, дѣйствуя, главнымъ образомъ, въ своихъ интересахъ, оно выдвинуло впередъ не хозяйственно-экономическую, а политическую сторону реформы.

Опытъ пореформенной эпохи показалъ, что крупное частное и, въ особенности, дворянское землевладѣніе катится по наклонной плоскости съ возрастающей скоростью, и удержать его паденіе не могли ни милліарды выкупныхъ и ссудныхъ капиталовъ, ни прямыя и косвенныя льготы и субсидіи. На мѣсто дворянскаго землевладѣнія выростаетъ крестьянское—и съ этимъ неизбѣжнымъ процессомъ необходимо считаться. Помѣщичій

классъ становится слишкомъ мизернымъ, чтобы правительство могло опереться только на него одного, крупная буржуазія городовъ численно невелика и не всегда „законопослушна“; ясно, что изъ крестьянской среды необходимо выдѣлить классъ мелкой сельской буржуазіи, который могъ бы служить опорой для правительства и оплотомъ противъ недовольства остальной крестьянской массы, направленнаго до сихъ поръ исключительно на помѣщиковъ. Созданіе такого класса и является главной задачей правительственной аграрной политики.

Этотъ новый классъ, чтобы выполнить свое назначеніе, долженъ обладать тремя свойствами Прежде всего, онъ долженъ быть политически консервативнымъ Но консерватизмъ покоится на довольствѣ, а довольство создается экономическимъ благополучіемъ; слѣдовательно, второе необходимое свойство этого класса — онъ долженъ быть матеріально обезпеченнымъ, зажиточнымъ, — словомъ, сильнымъ экономически. Однако, экономически сильны и мелкіе деревенскіе кулаки-паразиты, но они вредны и для народа, такъ какъ высасываютъ изъ него соки, а сами не создаютъ хозяйственныхъ цѣнностей, вредны и для правительства, такъ какъ этими соками питается и казна. Правительству нуженъ не классъ соціальныхъ паразитовъ, а классъ хозяевъ, самостоятельныхъ производителей, способныхъ двинуть впередъ развитіе производительныхъ силъ нашей страны, такой богатой дарами природы и такой бѣдной продуктами человѣческаго труда. Отсюда третій существенный признакъ этого будущаго класса — его хозяйственная прогрессивность.

Наконецъ, чтобы явиться прочной опорой существующаго строя, чтобы создать необходимый для государства и націи сельско-хозяйственный прогрессъ, новый классъ долженъ быть количественно весьма значительнымъ, долженъ исчисляться не тысячами, а милліонами хозяйствъ Конечно, всѣхъ довольными сдѣлать нельзя; но среди крестьянъ и сейчасъ имѣются довольно обширные слои „сильныхъ“, могущіе явиться фундаментомъ для созиданія такого класса.

Такимъ образомъ, правительство спроектировало комбинацію, удовлетворяющую и его собственнымъ политическимъ интересамъ, и назрѣвшимъ хозяйственно-экономическимъ нуждамъ страны. Соединеніе политики съ экономикой придало реализаціи правительственнаго плана особый отпечатокъ. На первое мѣсто выдвинута не реорганизація хозяйства, а переворотъ въ формахъ земельной собственности. Первой своей задачей правительство поставило уничтоженіе общины и созданіе института личной земельной собственности, какъ вслѣдствіе искренняго убѣжденія, что община препятствуетъ сельско-хозяйственному прогрессу, такъ и потому, что мелкіе земельные собственники, судя по примѣру Западной Европы, наиболѣе консерва-

тивны. Эта первая стадія аграрной реформы получила мѣткое названіе „землеразстройства“: понятно, что ограничиться только землеразстройствомъ значило бы не рѣшить аграрную проблему, а только ухудшить существующее положеніе вещей. И критики правительственной программы вначалѣ не напрасно укоряли правительство въ томъ, что у него преобладаютъ разрушительныя тенденціи. Но теперь уже ясно, что за разрушеніемъ слѣдуетъ созиданіе, за землеразстройствомъ—з е м л е у с т р о й с т в о, какъ необходимая предпосылка сельско-хозяйственной эволюціи. Изъ всѣхъ различныхъ формъ землеустройства, министерство Столыпина остановилось на хуторской, наиболѣе способной привить крестьянамъ чувство уваженія къ священной частной собственности, своей и чужой. На хуторахъ крестьянинъ изолированъ отъ остальной деревенской массы, онъ невольно становится къ ней во враждебныя отношенія и весь пропитывается узко-собственническими инстинктами. Вмѣстѣ съ тѣмъ хуторская форма землеустройства лучше всѣхъ другихъ способствуетъ прогрессу земледѣлія. Здѣсь у крестьянина вся его земля „въ одномъ глазу“, а приближеніе земли къ земледѣльцу сразу повышаетъ производительность его труда въ нѣсколько разъ: становится возможной тщательная обработка полей, интенсивное удобреніе. Сейчасъ милліоны десятинъ пустуютъ подъ жалкими общественными выгонами, тощимъ кустарникомъ, заболоченнымъ лугомъ: хуторяне расчистятъ кустарники, осушатъ луга, превратятъ въ плодородную пашню никуда негодный выгонъ. Процвѣтетъ земля—процвѣтутъ и крестьяне на хуторахъ. Процвѣтутъ крестьяне—процвѣтетъ и государство. Развитіе производительныхъ силъ, при консервативномъ направленіи умовъ, взамѣнъ современнаго паденія этихъ силъ, при всеобщемъ недовольствѣ—вотъ что обѣщаетъ правительству планомѣрно проведенная аграрная реформа Такая реформа надолго укрѣпитъ существующій „правопорядокъ“, а это, естественно, является конечной цѣлью министерства Столыпина.

Но вѣдь эта реформа—ставка на сильныхъ. Сильные, выдѣлившись изъ общины, переселившись на хутора, захватятъ большую часть надѣльной земли и приберутъ къ своимъ рукамъ, при посредствѣ крестьянскаго банка, весь запасъ земли, перетекающій отъ помѣщиковъ къ крестьянамъ, такъ какъ эти земли продаются только въ видѣ хуторовъ и отрубовъ. Слабые неминуемо сдѣлаются еще слабѣе и въ значительной части потеряютъ землю. Какова же ихъ дальнѣйшая судьба, чѣмъ они будутъ существовать и не станутъ ли они грозной опасностью для всеобщаго порядка и спокойствія? Но правительство, повидимому, мало безпокоится по этому поводу. Слабые, конечно, легко могутъ превратиться въ чистыхъ пролетаріевъ; но, если въ Европѣ сельскій пролетаріатъ уходитъ въ города и переселяется за океанъ, то вѣдь и у насъ онъ можетъ дѣлать то же самое

Современемъ подъемъ производительныхъ силъ отзовется и на развитіи индустріи, пока же правительство усиленно пропагандировало переселеніе въ Сибирь. Наконецъ, прогрессъ сельскаго хозяйства подыметъ спросъ на рабочія руки и со стороны помѣщиковъ, и со стороны хуторянъ. Увеличеніе сельскаго пролетаріата имѣетъ свою хорошую сторону въ томъ, что у помѣщиковъ не будетъ недостатка въ рабочихъ рукахъ, на которыя они не переставали жаловаться до сихъ поръ. Что касается до политической опасности, то сельскій пролетаріатъ гораздо менѣе способенъ къ организаціи, чѣмъ городской; съ другой стороны, ему будутъ противостоять не только помѣщики, но и свои братья—хуторяне, бывшіе однообщественники Классовый антагонизмъ между милліонами хуторянъ и милліонами батраковъ гораздо безопаснѣе, чѣмъ такой же антагонизмъ между десятками и сотнями фабрикантовъ и милліонами рабочихъ: въ первомъ случаѣ, даже физически, обѣ стороны будутъ равносильны, и хуторянамъ врядъ ли понадобится полицейская или военная поддержка, безъ которой промышленный капитализмъ не обходился ни въ одной странѣ. Слабый крестьянинъ, въ качествѣ батрака у хуторянина, будетъ гораздо производительнѣе, чѣмъ теперь: хозяинъ-мужикъ сумѣетъ заставить его работать гораздо лучше, чѣмъ онъ работалъ раньше на своихъ трехъ десятинахъ

Итакъ, правительственная, аграрная программа, взамѣнъ заботы о слабыхъ элементахъ крестьянства, заботы, являвшейся основной идеей большинства общественныхъ направленій до сихъ поръ, построена на заботѣ о с и л ь н ы х ъ. Цѣлью правительственной политики является созданіе значительнаго по величинѣ, политически-консервативнаго, хозяйственно-прогресивнаго и экономически-сильнаго класса собственниковъ-хуторянъ. Выяснить, на сколько соотвѣтствуютъ первые итоги реформы этой цѣли, и является задачей дальнѣйшаго изложенія.

II

Помощь слабымъ

Но прежде, въ видахъ болѣе яснаго представленія о дѣйствительномъ ходѣ аграрной реформы, намъ придется охарактеризовать, въ общихъ чертахъ, другую сторону дѣятельности правительства, въ которую оно было вовлечено революціоннымъ подъемомъ 1905 г.

Растерявшись въ моментъ революціи, правительство сдѣлало нѣсколько шаговъ въ сторону помощи слабымъ. „Высочайшимъ манифестомъ 1905 г. на крестьянскій поземельный банкъ возложена обязанность помогать м а л о з е м е л ь н ы м ъ крестьянамъ въ расширеніи, покупкою, площади ихъ владѣнія, на льготныхъ условіяхъ и предоставлены необходимыя для того средства. Засимъ, 12 и 28 авг. 1906 г. высочайше повелѣно

передать для той же цѣли крестьянскому банку часть удѣльныхъ земель и предназначить къ продажѣ крестьянамъ также пригодныя для сельско-хозяйственной обработки казенныя земли*). Въ изданіи центр. ст. к-та „Статистика землевладѣнія 1905 г.“ мы находимъ указанія на размѣры земельнаго фонда, которымъ правительство собиралось въ ту пору помогать малоземельнымъ онъ состоялъ изъ 1.5 милл дес. уже купленной банкомъ у помѣщиковъ земли, 8,3 мил дес., предложенныхъ помѣщиками, 7,6 мил. дес. казенныхъ и 2,1 мил дес. удѣльныхъ земель, всего изъ 19,5 мил. дес.—цифры, на первый взглядъ, довольно солидной. Малоземельныхъ дворовъ, имѣющихъ менѣе 5 дес. на дворъ, указанное изданіе насчитываетъ около 3 милліоновъ: слѣдовательно, изъ этого фонда возможна была прибавка по 6,5 дес на дворъ. Но если бы даже правительство осуществило свои обѣщанія,—фондъ для малоземельныхъ оказался бы значительно меньшаго объема: большинство казенныхъ земель, назначенныхъ къ продажѣ, лежитъ на сѣверѣ—въ Архангельской, Вологодской, Пермской губ, или на юго-востокѣ—въ Астраханской, Самарской; тамъ же расположены и удѣльныя земли. Архангельская, Вологодская, Астраханская губ. ничѣмъ не лучше Сибири и киргизскихъ степей: вмѣсто того, чтобы здѣсь платить деньги за землю, крестьянамъ выгоднѣе было ее получить даромъ въ азіатскихъ предѣлахъ. Главную основу фонда, поэтому, должны составить помѣщичьи земли, которыя, въ моментъ паники, казна могла закупить сравнительно дешево и въ большемъ числѣ. Если крестьяне, разсчитывая на даровую прирѣзку, вначалѣ ихъ не покупали, то, послѣ подавленія возстанія и „твердаго курса“, принятаго правительствомъ въ аграрномъ вопросѣ, слѣдовало разсчитывать на то, что разочаровавшись въ своихъ мечтахъ, крестьяне набросятся на банковскія земли. Такъ и случилось: съ 1906 г крестьянскія покупки растутъ въ геометрической прогрессіи, но параллельно съ этимъ банкъ сокращаетъ свои собственныя операціи по пріобрѣтенію помѣщичьихъ имѣній.

	Банкомъ	Крестьянами. (въ тыс. дес.)		
	куплено у помѣщиковъ.	непосредственно у банка.	черезъ посредство банка	всего куплено крестьянами.
1906 г. . . .	1144	40	483	523
1907 г . . .	1520	191	742	933
1908 г . . .	573	332	687	1019
1909 г. . . .	173	551	676	1227
1910 г	170	763	787	1550
Итого . .	3580	1877	3375	5252

*) Александровскій, К. В. „Законъ 14-го іюня 1910 г“. стр 2.

За три послѣднихъ года покупка земель крестьянами достигла небывалой высоты, и, въ общемъ, за первое пятилѣтіе послѣ революціи ими пріобрѣтено только на 3 мил. дес. меньше чѣмъ за всѣ 23 года дѣятельности крестьянскаго банка до революціи (8 276 тыс. дес. за 1883—1905 г. г.) Ясное дѣло, что сокращеніе собственныхъ операцій банка зависѣло не отъ паденія спроса на землю со стороны крестьянъ, а отъ другихъ причинъ Банкъ усиленно закупалъ земли въ годы паники, но не потому, что онѣ были дешевы въ эти годы—банкъ, какъ извѣстно, платилъ помѣщикамъ значительно дороже, чѣмъ могъ бы платить въ это время,—а съ противоположной цѣлью, чтобы не допустить до раззорительнаго для помѣщиковъ паденія цѣнъ. Въ 1908 г цѣны стали подниматься.—и банкъ счелъ свою обязанность выполненной

Кромѣ 3,6 мил десятинъ, купленныхъ у помѣщиковъ, банку передано 1,2 мил дес. удѣльныхъ земель, почти цѣликомъ въ періодъ 1907—8 г г. Казенныхъ земель до 1 янв. 1911 г. продано только 281 тыс. дес —большинство ихъ (3,8 мил. дес.), какъ и до революціи, сдается въ аренду Въ итогѣ, вмѣсто обѣщанныхъ 19,5 мил десятинъ, весь земельный фондъ банка къ 1 іюля 1910 г (включая земли, купленныя банкомъ и оставшіяся за нимъ) составилъ 5,3 мил. дес.—почти вчетверо менѣе Но и этотъ фондъ расположенъ такъ, что онъ далеко не соотвѣтствуетъ цѣли, провозглашенной манифестомъ 3-го ноября 1905 г. Если мы распредѣлимъ губерніи по проценту малоземельныхъ дворовъ и посмотримъ, какъ располагается банковскій фондъ въ этихъ губерніяхъ, то увидимъ:

	Число малоземельныхъ дворовъ (въ тыс.).	Банковскіе земельные запасы (въ тыс дес.).	На 1 малозем дворъ приходится дес. банковскихъ запасовъ.
8 губ. имѣющихъ, свыше 30% малоземельныхъ .	1447	588	0,4
10 губ.—20—30% . .	667	974	1,5
13 „ —10—20% . .	569	1588	2,8
18 „ —до 10% . . .	145	1987	13,7

Банковскій фондъ расположенъ обратно пропорціонально крестьянской земельной нуждѣ: гдѣ maximum малоземельныхъ, тамъ minimum запасовъ банка и наоборотъ. Въ одной Самарской губ. у банка 944 тыс. дес., въ Саратовской, часть которой тоже является многоземельной,—777 тыс. дес.: вообще, большая половина земель банка сосредоточена въ среднемъ и нижнемъ Поволжьѣ, гдѣ, до сихъ поръ, потомки екатерининскихъ фаворитовъ владѣютъ огромными латифундіями. Здѣсь волны аграрнаго движенія достигли наибольшей высоты, здѣсь наиболѣе потрясено было этимъ движеніемъ помѣстное земле-

владѣніе, — сюда и направились главныя усилія банка на пріобрѣтеніе земли по „справедливой“, для гг. землевладѣльцевъ, оцѣнкѣ.

Концентрація земельнаго фонда въ относительно многоземельныхъ районахъ съ самаго начала тормазила покупку земель крестьянами, тормазитъ она и теперь. въ губерніяхъ, имѣющихъ до 20% малоземельныхъ, продано и запродано по 1 іюля 1910 г. 36,8% земельнаго запаса, а въ губерніяхъ, гдѣ процентъ малоземельныхъ выше 20—66,9%, почти вдвое болѣе.

Вслѣдствіе той же тенденціи—спасать помѣщиковъ, банкъ вмѣсто того, чтобы способствовать пониженію цѣнъ, поднялъ ихъ на небывалую высоту, и десятина его земли, продававшаяся въ 1906 г. по 71 рублю, въ 1909 г. дошла до 136 рублей. Тяжесть высокихъ цѣнъ усиливается землеустроительной политикой, въ которую втянутъ почти весь земельный запасъ банка: хутора и отруба, въ силу техническихъ условій, въ огромномъ большинствѣ, представляютъ довольно крупные участки — по 13½ дес. въ среднемъ. Землеустроительная политика окончательно исказила первоначальную цѣль образованія фонда, провозглашенную манифестомъ 3-го ноября, и вмѣсто помощи малоземельнымъ получилась для нихъ тяжелая кабала.

Къ 1911 г. у банка осталось 3,6 мил. дес: изъ этого количества болѣе милліона десятинъ уже запродано, около милліона (954 тыс.) банкъ не продаетъ, частью потому, что онѣ находятся въ долгосрочной арендѣ, частью вслѣдствіе ихъ непригодности для продажи (лѣсныя площади, промышленныя имѣнья, неудобныя земли). Ничтожный, сравнительно съ земельной нуждой крестьянъ, остатокъ въ 1,7 мил. дес. расположенъ преимущественно на окраинахъ—онъ уже землеустроенъ и ждетъ „крѣпкихъ“ хуторянъ. Такимъ образомъ, манифестъ 3-го ноября постигла та же судьба, что и манифестъ 17 октября· оба они, пока что, ликвидированы.

Ликвидируется, въ значительной степени самъ собой, хотя и противъ желанія правящихъ сферъ, и другой способъ помощи малоземельнымъ—переселеніе. Дѣлая ставку на сильныхъ, правительство разсчитывало значительную долю слабыхъ сплавить въ Сибирь. И, дѣйствительно, широко рекламировавши переселеніе, оно добилось такого успѣха, что само не могло справиться съ эмиграціоннымъ потокомъ, хлынувшимъ въ Азію, и принуждено было дважды его останавливать Но съ 1909 г. переселенческое движеніе начинаетъ падать и растетъ потокъ обратныхъ переселенцевъ—грозный потокъ раззорившихся, выбитыхъ изъ колеи, потерявшихъ свои надѣлы на родинѣ. озлобленныхъ людей.

	Переселенцевъ (безъ ходоковъ) въ тыс душъ		На 100 прямыхъ переселенцевъ приходится обратныхъ.
	Прошло въ Азію	Вернулось назадъ	
Въ 1906 г. . . .	139 1	13 7	9.8
„ 1907 „	427 3	27 2	6,4
„ 1908 „ . .	664.8	45,1	6 8
„ 1909 „ . . .	619 3	83.3	13.5
„ 1910 „	316,2	114,9	36,4
„ 1911 „ (по 21 сент	166.5	84 4	50 2

Въ 1910 г по 21 сент прошло въ Сибирь 296,6 тыс переселенцевъ—почти въ двое болѣе, чѣмъ въ настоящемъ году; процентъ обратныхъ за то же время равнялся только 26,8, т е былъ вдвое менѣе нынѣшняго Такъ какъ неудачные переселенцы возвращаются изъ Сибири, главнымъ образомъ, осенью, то въ нынѣшнемъ году надо ожидать возврата до двухъ третей переселенцевъ.

Упадокъ переселенческаго движенія официальные органы объясняютъ двойнымъ хорошимъ урожаемъ въ Европейской Россіи и неурожаемъ въ Сибири. Въ „Обзорѣ за 1909 г.“ приводится такое доказательство связи переселенческаго движенія съ урожаемъ: „въ первое полугодіе отчетнаго года, когда урожаи еще не опредѣлился окончательно, число прямыхъ переселенцевъ достигло 524,480 чел.; превысивъ движеніе перваго полугодія 1908 года на 37.974 чел ; за второе же полугодіе 1909 г , когда урожаи уже отразился на настроеніи и планахъ крестьянъ, число прошедшихъ за Уралъ переселенцевъ составило всего 94 840—меньше, чѣмъ въ 1908 г. на 83 431 чел или 47%· (стр 97)

Доказательство довольно наглядное: но, несомнѣнно, кромѣ этой временной причины на сокращеніе прямого и ростъ обратнаго переселенческаго движенія вліяетъ и болѣе постоянный факторъ—сокращеніе запасовъ наиболѣе удобныхъ и близъ лежащихъ земель въ Западной Сибири. Неустроенныхъ „самовольцевъ“ уже набралось за Ураломъ 700 тыс. душъ и главные кадры обратныхъ составляются изъ этихъ самовольцевъ, потерявшихъ надежду когда-либо устроиться самостоятельно на новыхъ мѣстахъ. Неустроенные переселенцы мыкаются въ качествѣ арендаторовъ и батраковъ у мѣстнаго населенія въ Западной Сибири, въ то время, какъ въ Восточной пустуютъ сотни тысячъ заготовленныхъ участковъ Чтобы урегулировать распредѣленіе переселенцевъ по разнымъ сибирскимъ областямъ, министерство проектируетъ прекратить даровую раздачу земель въ болѣе удобныхъ районахъ запада и пустить ихъ въ продажу. „Переходъ отъ даровой раздачи переселенческихъ участковъ къ назначенію денежной платы въ лучшихъ, переполненныхъ теперь переселенцами районахъ Западной Сибири,—говорится въ министерской запискѣ,—вѣрнѣе всякихъ иныхъ мѣръ по упо

рядоченію ходачества и переселенія ограничитъ наплывъ сюда ходоковъ и семейныхъ переселенцевъ".

Эта мѣра, проведенная широко, сильно подорветъ переселенческое движеніе не только въ Западную Сибирь, но и въ другія области, а главное, всей своей тяжестью ударитъ по „слабымъ", малоземельнымъ и маломощнымъ переселенцамъ

Въ дореволюціонный періодъ, и особенно до постройки желѣзной дороги, переселялся преимущественно мужикъ-середнякъ: „богатому незачѣмъ было идти, бѣдному не на что". Желѣзная дорога, нѣкоторыя льготы и пособія облегчили доступъ къ переселенію для бѣдняковъ, и процентъ ихъ въ средѣ эмигрантовъ сильно возросъ. Такъ, въ Харьковской губ. изъ переселенцевъ 1898—1904 гг. безземельныхъ и малоземельныхъ (до 4 дес на дворъ) было 52,7%, а въ 1905 — 1908 гг. — 72.8%, въ Черниговской губерніи средній размѣръ крестьянскаго землевладѣнія—8,2 дес на дворъ, а у переселившагося въ 1906—1908 г —3,9 дес Въ большинствѣ уѣздовъ ¾ переселенцевъ имѣли менѣе 3-хъ десятинъ на дворъ Малоземельный крестьянинъ—въ то же время и маломощный: у него и усадьба плохая, и инвентарь грошевый, и земли почти нѣтъ для продажи. Такому крестьянину удастся, при помощи ликвидаціи своего имущества, добыть небольшую сумму, которой можетъ хватить только на проѣздъ до ближайшихъ районовъ Сибири, да, съ прибавкой ссуды, на первое обзаведеніе. Продвинуться на Дальній Востокъ, разработать глухія таежныя участки—ему просто не подъ силу: и въ ближнихъ мѣстахъ, на болѣе легкихъ участкахъ пройдетъ нѣсколько лѣтъ, прежде чѣмъ его хозяйство окрѣпнетъ Наваливать же на него, какъ разъ въ самый критическій моментъ его новой жизни, платежи на землю—значитъ, пришибить его такъ, что онъ потомъ уже никогда не поднимется.

Эта мѣра въ связи съ проектомъ сибирскаго землеустройства, показываетъ, что и въ Сибири правительство отбросило свою прежнюю тенденцію помощи слабымъ и собирается дѣлать ставку на сильныхъ *) Удастся ли эта ставка—покажетъ ближайшее будущее; но если офиціальныя сферы сами ставятъ ростъ переселенческаго движенія въ непосредственную связь съ неурожаями на мѣстахъ—значитъ, онѣ понимаютъ, что на Сибирь разсчитываютъ не богатые слои деревни, а раззоренные, маломощные ея элементы. И этимъ элементамъ проектируемая продажа земель ставитъ непреодолимую преграду для созданія мало-мальски сноснаго самостоятельнаго хозяйства на новыхъ мѣстахъ

*) Въ 1911 г. переселенческое управленіе собирается не столько переселять крестьянъ изъ Европейской Россіи—оно само разсчитываетъ, что переселятся въ этомъ году не болѣе 40 тыс. семействъ,—сколько „землеустраивать" старыхъ поселенцевъ, разбивать ихъ земли на хутора и отруба, на что ассигнуется большая половина испрашиваемаго 28-милліоннаго фонда.

Итакъ, за четыре года пореволюціонной эпохи правительство совершенно оставило мысль о помощи „слабымъ“ въ какой-либо формѣ. Оба, разсмотрѣнные сейчасъ, вида этой помощи оно собирается окончательно приспособить къ осуществленію своей аграрной программы, центромъ которой является „ставка на сильныхъ“. И въ Европѣ, и въ Азіи, и на перешедшихъ къ крестьянамъ частныхъ и на надѣльныхъ земляхъ оно рѣшило способствовать „процессу выдѣленія и обособленія... отдѣльныхъ наиболѣе крѣпкихъ хозяйственныхъ единицъ“. Правительственный планъ пріобрѣлъ стройный, цѣльный и законченный видъ, охвативши всѣ самые отдаленные уголки сложной аграрной проблемы. Наше соціальное законодательство, до сихъ поръ, не знало ничего подобнаго по смѣлости и стройности замысла; и передъ своеобразной красотой этого плана склонились не только тѣ, кто всегда привыкъ преклонять колѣна передъ власть имѣющими, но и значительная часть оппозиціи, уже мечтающая о томъ, что частная собственность на землю и хуторизація создадутъ „недостающій теперь соціальный базисъ для русскаго либерализма, и непосильная настоящему задача будетъ разрѣшена“ *). Посмотримъ теперь, склонилась ли передъ этимъ планомъ реальная жизнь народныхъ массъ.

III.

Землеразстройство.

Мы сказали выше, что первой задачей правительства, при проведеніи въ жизнь своего плана, является разрушеніе общины. Только во вновь колонизуемыхъ странахъ, не имѣющихъ исторически-сложившихся формъ землепользованія, правительственному землеустройству предоставляется полный просторъ. Но и въ Западной Европѣ, и въ Россіи, прежде чѣмъ правительства взялись за землеустройство, сельское населеніе прожило много вѣковъ и такъ или иначе разрѣшило, по своему, землеустроительныя задачи. Государственная власть, при проведеніи своего плана, должна или приспособить его къ уже существующимъ формамъ землеустройства и землепользованія, или разрушить ихъ, если эти формы не соотвѣтствуютъ правительственнымъ цѣлямъ. Наше министерство избрало второй путь: землеустройство оно начало съ з е м л е р а з с т р о й с т в а—съ уничтоженія общиннаго уклада. Почему правительству понадобилось разрушить общину?

Мы не склонны обвинять правительство въ томъ, что оно предприняло разрушеніе общины съ одной исключительной цѣлью произвести разслоеніе, поселить классовый антагонизмъ въ

*) См. замѣтку князя Е. Трубецкого въ „Русской Мысли“. 1911 г. № 2.

крестьянской средѣ. Дѣйствительно, главная цѣль его—„ставка на сильныхъ“, но не надо забывать, что мощь этихъ сильныхъ въ представленіи правительства должна базироваться на хозяйственномъ прогрессѣ. Кулаки-паразиты, сами не производящіе хозяйственныхъ благъ, будутъ только задерживать, а не развивать производительныя силы народа, будутъ способствовать всеобщему оскудѣнію, а это оскудѣніе, рано или поздно, отразится и на положеніи самого правительства. Съ другой стороны, эти паразитарные элементы не могутъ разростись до размѣровъ количественно обширнаго класса: въ каждой деревнѣ ихъ будетъ по 2—3 человѣка, иначе они станутъ поѣдать другъ друга. А правительству нуженъ большой численно классъ хозяйственныхъ мужичковъ, самостоятельныхъ производителей цѣнностей, стоящій на его сторонѣ. Однимъ словомъ, хозяйственно-экономическая сторона правительственной аграрной программы не отдѣлима отъ политической: обѣ срослись, какъ сіамскіе близнецы, и невыполненіе одной половины программы влечетъ за собой гибель другой.

И если министерство Столыпина, или, вѣрнѣе, его покойный представитель, стремились разрушить общину, то не только потому, что она, по представленію большинства, препятствуетъ разслоенію деревни, но и вслѣдствіе убѣжденія во вредѣ общины для сельско-хозяйственной эволюціи*). Это убѣжденіе съ нимъ раздѣляютъ весьма многіе, даже противники правительственной политики вообще, даже нѣкоторые изъ прогрессивныхъ крестьянъ. И, чѣмъ далѣе идетъ разрушеніе общины, тѣмъ больше у нея появляется идейныхъ враговъ, тѣмъ рѣже становятся ряды ея защитниковъ и тѣмъ безнадежнѣе дѣлается ихъ позиція.

Расколъ по вопросу объ общинѣ начался не со вчерашняго дня не только въ средѣ ученыхъ—историковъ и экономистовъ, но и въ сѣрой крестьянской массѣ. Типичный образецъ такого раскола даютъ „Матеріалы всероссійскаго съѣзда крестьянъ-старообрядцевъ въ Москвѣ 22—25 февраля 1906 г.“ На этомъ съѣздѣ фигурировали представители рядового безпартійнаго крестьянства. Большинство вопросовъ, касавшихся наболѣвшихъ нуждъ крестьянской жизни, прошло почти безъ спора: одинъ вопросъ объ общинѣ,—о желательности сохранить ее или уничтожить—потонулъ въ безконечныхъ словопреніяхъ закончившихся всеобщимъ гамомъ и крикомъ, и опредѣленной резолюціи не было вынесено. Хотя за общину высказывалось, повидимому, большинство, но главный доводъ ея противниковъ такъ и не

*) Въ недавно прекратившимся журналѣ „Бодрое Слово“ мы указывали, что хуторомапія—наслѣдственная идея въ роду Столыпиныхъ, что Д. А. Столыпинъ еще 40 лѣтъ назадъ первый насаждалъ хутора въ своихъ имѣньяхъ (уничтоженные его наслѣдниками) и проповѣдывалъ въ статьяхъ и брошюрахъ тѣ самыя идеи, съ которыми покойный премьеръ началъ производить эксперименты надъ всей Россіей.

былъ опровергнутъ, а этотъ доводъ, въ глазахъ многихъ, имѣетъ рѣшающее значеніе. „Община мѣшаетъ удобренію земли и своевременной обработкѣ полей,—заявили противники общины Опытомъ доказано, что община не даетъ такихъ результатовъ урожая, какъ подворное владѣніе, что испытано нами, подписавшими таковые факты“ Главный доводъ сторонниковъ общины на съѣздѣ лежалъ въ другой плоскости. община способствуетъ болѣе равномѣрному, справедливому распредѣленію земли между крестьянами. Оба эти довода проходятъ красной нитью въ большинствѣ споровъ и въ интеллигентской средѣ, а между тѣмъ, и тотъ и другой, по нашему личному мнѣнію, не совсѣмъ правильны по существу Вотъ почему, мы позволимъ себѣ нѣсколько остановиться на этомъ вопросѣ.

Главный доводъ противниковъ общины. она препятствуетъ прогрессу сельскаго хозяйства. Доводъ этотъ, какъ вытекаетъ изъ его смысла, долженъ опираться на предшествующій опытъ для доказательства его справедливости необходимо установить на фактахъ, и при томъ не единичныхъ, а массовыхъ *), что община, дѣйствительно, тормазила сельско-хозяйственный прогрессъ. Такъ и поступаютъ противники общины: они, прежде всего, ссылаются на примѣръ Западной Европы. Въ Европѣ, дескать, была община и трехполье, принудительный сѣвооборотъ и голодовки: уничтожилась община — появилось травосѣяніе, и плодосмѣнъ. урожаи удвоились и крестьяне стали благоденствовать. Это доказательство чрезвычайно популярно: его можно найти въ любой статьѣ литературныхъ враговъ общины, и, благодаря милліонамъ брошюръ, разосланныхъ черезъ администрацію по деревнямъ, оно знакомо болѣе грамотнымъ крестьянамъ.

Но это доказательство — совершенно негодное, ибо оно фактически невѣрно: русской уравнительно-передѣльной общины, зародыши которой появились у насъ лишь съ конца московской эпохи и которая не переставала развиваться до самаго послѣдняго времени,— Европа не знала. По словамъ г. Билимовича, у германцевъ „частное фактическое обладаніе непосредственно перешло въ частную собственность. Этому ходу противорѣчили бы періодическіе уравнительные передѣлы полей И новѣйшія изслѣдованія опровергли доводы въ пользу ихъ существованія“ **). Въ Германіи и въ другихъ европейскихъ странахъ, до конца среднихъ вѣковъ, существовало два вида крестьянскаго землепользованія: подворное, распространившееся на усадьбы, пашни и, отчасти, луга, и общее совмѣстное пользованіе крестьянами данной деревни другими угодьями: лѣсами,

*) Единичныхъ фактовъ прогресса с. хозяйства въ общинѣ, какъ справедливо замѣчаетъ г. Билимовичъ, можно набрать сколько угодно но они еще ничего не доказываютъ.

**) См. „Германское землеустроительное законодательство“.

пастбищами, водами, пустошами, которые передѣлу не подвергались. Затѣмъ подворное пользованіе превратилось въ частную собственность, а общественныя угодья частью были захвачены помѣщиками, частью разверстаны между дворами; небольшіе остатки ихъ (альменды) сохранились до сихъ поръ. Эти смѣшанныя формы землепользованія выросли изъ древней волостной общины (марки), существовавшей и въ Россіи въ соотвѣтственную эпоху. Но въ Европѣ волостная община превратилась въ подворное землепользованіе, а это послѣднее — въ частную собственность, а въ Россіи довольно короткій періодъ подворнаго пользованія смѣнился передѣльной общиной, функціонирующей, главнымъ образомъ, въ предѣлахъ тѣхъ угодій, которыя стали раньше всего предметомъ частнаго обладанія. Какъ и почему произошло расхожденіе формъ землепользованія—для насъ сейчасъ не интересно: намъ важно лишь установить, что Европа, въ данномъ случаѣ, намъ не указъ: современная русская передѣльная община есть, дѣйствительно, „самобытное" явленіе, и при томъ, сравнительно, недавняго происхожденія.

Разъ нельзя опереться на примѣръ Европы,— приходится ограничиться рамками одной Россіи. Въ Россіи существуетъ и подворное, и общинное землевладѣніе· дѣйствительно, въ массѣ, подворники прогрессивнѣе общинниковъ. Но ихъ прогрессивность объясняется совсѣмъ иными факторами, чѣмъ формы землепользованія. Подворники расположены на западѣ, общинники — на востокѣ отъ нихъ. Интенсификація земледѣлія идетъ у насъ съ запада на востокъ, такъ какъ она зависитъ, главнымъ образомъ, отъ густоты населенія, а на западѣ населеніе гораздо болѣе сгущено. Общинники ближайшаго къ западу промышленнаго центра, того самаго района, въ которомъ община самаго древняго происхожденія и въ которомъ, какъ показываютъ, напримѣръ, данныя по Владимірской губ., она развивается до сихъ поръ, ведутъ несравненно болѣе культурное хозяйство, чѣмъ пермяки, уфимцы, самарцы, — жители губерній, гдѣ передѣльная община возникла еще надавно и не успѣла сложиться въ опредѣленныя устойчивыя формы.

И внутри общинной Россіи существуетъ множество деревень, гдѣ крестьяне почти никогда не передѣлялись, т. е. крестьяне которые фактически являются подворниками: но кто изъ противниковъ общины когда-либо доказалъ, что въ этихъ мертвыхъ общинахъ земледѣліе болѣе интенсивно?..

Наконецъ, развѣ крестьянское земледѣліе общинной Россіи стоитъ на одномъ мѣстѣ?.. Мы не будемъ приводить набившаго всѣмъ оскомину примѣра московскаго травосѣянія, но новѣйшія работы по этому вопросу показываютъ, что почти на всѣмъ пространствѣ великой россійской равнины уже началась ломка старыхъ пріемовъ экстенсивнаго хозяйства, и все яснѣе становится, что близокъ неизбѣжный переходъ нашего земледѣлія въ интен-

ивный фазисъ развитія производительности земли Въ этихъ работахъ (кстати сказать, изданныхъ на казенныя средства *), констатирующихъ повсемѣстное распространеніе улучшенныхъ орудій и пріемовъ, мы не находимъ ни одного намека на то, чтобы община препятствовала такому распространенію. По словамъ одного изъ авторовъ этихъ работъ (кн Масальскаго), при изученіи официальныхъ, земскихъ и частныхъ матеріаловъ по этому вопросу, „предъ нами развертывается картина, не только не имѣющая ничего общаго съ тѣмъ безпросвѣтнымъ будущимъ крестьянскаго сельскаго хозяйства, которое представляютъ себѣ широкіе круги общества, но и поражающая еще небывалой у насъ интенсивностью стремленія крестьянъ къ агрикультурнымъ улучшеніямъ“. Другой авторъ (г. Морачевскій), резюмируя изложенные въ своей книгѣ факты, приходитъ къ выводу, что „крестьянское хозяйство, въ техническомъ отношеніи, постепенно совершенствуется, при чемъ его прогрессъ становится особенно замѣтнымъ за послѣднее десятилѣтіе. Результаты с.-хозяйственнаго производства у крестьянъ, мало по малу, повышались и при этомъ также въ наибольшей мѣрѣ за послѣднее десятилѣтіе“

Болѣе или менѣе замѣтный прогрессъ крестьянскаго хозяйства наблюдался съ 80-хъ годовъ: чѣмъ ближе къ нашему времени, тѣмъ ходъ его становился все быстрѣе: плугъ вытѣснялъ соху на всемъ пространствѣ отъ Балтійскаго моря до Чернаго; почти такъ же развивалось и навозное удобреніе, возрастала покупка молотилокъ, сѣялокъ и другихъ орудій, и земскіе сельскохозяйственные склады, начавши съ сотенъ тысячъ рублей, торгуютъ теперь на 6—7 милліоновъ въ годъ. Заводилось въ десяткахъ губерній и сотняхъ уѣздовъ сначала угловое, потомъ и полевое травосѣяніе. Случаи производства самими крестьянами серьезныхъ меліорацій все учащались; расширялись попытки къ улучшенію животноводства, птицеводства, садоводства, огородничества и т д И кое-гдѣ, какъ вѣнецъ всѣхъ частичныхъ улучшеній, наблюдалась коренная реорганизація системы полеводства или трансформація сѣвооборотовъ Въ результатѣ, общая урожайность крестьянскихъ полей росла систематически и этому росту, повидимому, вовсе не препятствовало развитіе общинно-передѣльнаго механизма, констатированное данными, собранными К Р. Качоровскимъ по 66 у. у. разныхъ губерній. Эволюціонировало сельское хозяйство—крѣпла и жизнеспособная община: гдѣ у кого изъ враговъ общины есть факты, доказывающіе, что, если бы община не развивалась, а умирала,—сельское хозяйство въ Россіи прогрессировало бы сильнѣе, чѣмъ мы видимъ теперь?

*) Мы говоримъ о книгѣ В. Морачевскаго „Успѣхи крестьянскаго хозяйства въ Россіи“ и о статьяхъ кн Масальскаго „Явленія прогресса въ современномъ крестьянскомъ хозяйствѣ“ („Сельское хозяйство и лѣсоводство“ 1910 г.)

Такихъ фактовъ противники общины не приводятъ, а слѣдовательно, ихъ аргументація не имѣетъ реальнаго базиса исторической дѣйствительности сельскаго хозяйства въ Европѣ и въ Россіи. Они могутъ исходить только изъ апріорныхъ предпосылокъ, утверждая, что структура общиннаго землепользованія, сама по себѣ, связываетъ общинниковъ по рукамъ и ногамъ черезполосностью, принудительнымъ сѣвооборотомъ, не позволяетъ разстаться съ традиціоннымъ трехпольемъ, лишаетъ иниціативы наиболѣе предпріимчивыхъ членовъ, убиваетъ всякую охоту улучшить свой участокъ, который черезъ нѣсколько лѣтъ перейдетъ къ другому и т. д. Всю сложную апріорную аргументацію противниковъ общины можно свести къ двумъ главнымъ положеніямъ: 1) отсутствіе частной собственности на землю уничтожаетъ у общинника увѣренность въ продуктивности его труда. К. Р. Качоровскій приводитъ съ своемъ „Народномъ правѣ“ такой доводъ крестьянина: „желаю перехода въ подворное владѣніе... потому желаю—не успѣю удобрить загона, который не далъ настоящаго плода, какъ онъ переходитъ въ руки нерадивца, общественнаго трутня и пьяницы, который продаетъ за дешевую цѣну и пропиваетъ“. Увѣренность, что частная собственность является главнымъ стимуломъ для сельско-хозяйственной эволюціи, такая сильная въ Европѣ 100 лѣтъ тому назадъ, теперь, подъ давленіемъ цѣлаго ряда противоположныхъ фактовъ, сильно ослабѣла. И, дѣйствительно, трудно говорить о прогрессивномъ значеніи частной собственности, когда въ двухъ передовыхъ въ сельско-хозяйственномъ отношеніи странахъ Западной Европы—Великобританіи и Бельгіи—почти всѣ земледѣльцы ведутъ свое хозяйство на арендуемыхъ земляхъ. Организація общины, какъ и долгосрочная аренда, вполнѣ допускаетъ законы и обычаи, которые обезпечиваютъ держателю земли оплату всѣхъ затратъ, вложенныхъ имъ въ его участокъ. И не тѣми или иными формами земельной собственности создается прогрессъ сельскаго хозяйства, а факторами, лежащими совсѣмъ въ иной плоскости,—главнымъ образомъ, ростомъ и уплотненіемъ населенія и его культурнымъ и соціальнымъ развитіемъ.

2) Другой аргументъ болѣе серьезенъ: община нераздѣльно связана съ чрезполосицей и принудительнымъ сѣвооборотомъ. Разъ наше правительство ставитъ во главу угла прогрессъ сельскаго хозяйства,—оно неминуемо должно покончить съ общиной, такъ какъ безъ уничтоженія отрицательнаго вліянія чрезполосицы немыслимъ переходъ къ интенсивному земледѣлію. Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы подвергнемъ подробному анализу вопросъ о вредномъ значеніи чрезполосицы, а пока скажемъ только, что въ извѣстныхъ рамкахъ мы признаемъ значеніе этого аргумента. Но, спрашивается, развѣ у подворниковъ не существуетъ чрезполосицы, еще болѣе вредной, чѣмъ общин-

лая, такъ какъ въ общинѣ она регулируется волей большинства, а у подворниковъ она зачастую зависитъ отъ прихоти каждаго отдѣльнаго хозяина". „Нельзя сказать, говоритъ г Дензинъ, что подворное владѣніе не можетъ породить чрезполосицу. Въ Россіи есть примѣры, какъ при исключительно подворномъ землевладѣніи въ Черниговской и Полтавской губ. развилась страшная чрезполосица, для уничтоженія которой было образовано особое межеваніе" [1]) Исторія европейскаго землеустройства еще болѣе богата фактами, указывающими на крайнее развитіе того, наиболѣе вреднаго, вида чрезполосицы, который носитъ названіе „путаницы полосъ" Не будемъ много распространяться по этому поводу: сошлемся на главнаго представителя научной официальной литературы г. Кофода, начинающаго свой двухтомный трудъ о крестьянскихъ хуторахъ такими словами. „спорятъ о томъ, что хуже—общинное или подворное владѣніе въ настоящемъ ихъ видѣ. Въ одномъ только сошлись всѣ знающіе сельское хозяйство вообще, а хозяйство русскаго крестьянства въ особенности, а именно въ томъ, что хуже всего, страшнѣйшее зло деревни, главный тормазъ для ея сельско-хозяйственнаго развитія—не юридическая форма владѣнія надѣльной землей, а внутри-надѣльная чрезполосица Зло это почти одинаково чувствуется, какъ при общинномъ, такъ и при подворномъ владѣніи и, чѣмъ далѣе, тѣмъ вреднѣе оно становится, вслѣдствіе непремѣннаго дробленія всѣхъ участковъ двора при каждомъ раздѣлѣ его".

Разъ подворное владѣніе не только не спасаетъ отъ чрезполосицы, но даже усиливаетъ ея вредъ, то ясно, что община, какъ юридическая форма владѣнія, здѣсь не причемъ: виновата не община, а форма поселенія, одинаково присущая и общинному, и подворному землевладѣнію, виновата деревня. Пока существуетъ деревня—чрезполосица возникаетъ неизбѣжно: уничтожить въ зародышѣ возможность чрезполосицы можно, только разселивши крестьянъ по хуторамъ Если же хуторизація почему либо невозможна или нежелательна—общину не слѣдуетъ трогать ибо подворная деревня усилитъ отрицательныя стороны чрезполосицы.

Итакъ, центральные доводы противниковъ общины, какъ формы землевладѣнія, не выдерживаютъ критики ни съ фактической стороны, ни со стороны логичности приводимой аргументаціи. Но неправильнымъ намъ кажется и главный аргументъ сторонниковъ общины, — что община препятствуетъ разслоенію крестьянъ. Въ любой общинѣ мы найдемъ безземельныхъ „пролетаріевъ" и многоземельныхъ „капиталистовъ", безлошадныхъ и многолошадныхъ, нанимающихъ батраковъ и идущихъ въ батраки,—словомъ, цѣлую гамму дворовъ различной экономической

[1]) Дензинъ. „Межеваніе и землеустройство въ Россіи" Пенза 1909 г.

силы, и массовыя статистическія цифры не даютъ указаній на меньшую разслоенность общинниковъ сравнительно съ подворниками*), или у живыхъ общинъ сравнительно съ мертвыми. Это понятно: передѣлы равняютъ землю по семейному составу дворовъ, а семейный составъ чрезвычайно разнообразенъ,—онъ и служитъ главной основой крестьянской неоднородности, какъ у общинниковъ, такъ и у подворниковъ Съ другой стороны, вѣдь и въ общинѣ хозяйство индивидуально и идетъ борьба между хозяйствами различной силы, при чемъ слабыя, неустойчивыя хозяйства передаютъ свое право на землю другимъ. Община важна не съ этой стороны, она важна въ настоящемъ, какъ страховой союзъ для обезпеченія прирастающаго населенія землей, она важна для будущаго, какъ зародышевая ячейка грядущаго коллективизма. Какъ она ни плоха сейчасъ, но только въ ней могутъ сохраниться тѣ чувства, тѣ психическія настроенія массъ, которыя облегчатъ переходъ къ земледѣльческой производительной кооперації. Частная собственность на землю убиваетъ эти чувства: и не даромъ, первыя попытки земледѣльческихъ артелей создаются на Западѣ на чужой, арендованной, а не на с в о е й землѣ. Между тѣмъ, чѣмъ дальше идетъ сельско-хозяйственный прогрессъ, тѣмъ большого обобществленія онъ требуетъ отъ мелкихъ трудовыхъ производителей и мы видимъ, что въ Западной Европѣ число поклонниковъ частной земельной собственности все убываетъ наростаетъ стремленіе сохранить остатки общественныхъ угодій, и новое аграрное законодательство въ разныхъ странахъ уже дѣлаетъ попытки пойти навстрѣчу грядущему обобществленію земли.

Общій выводъ изъ всего изложеннаго будетъ таковъ: массовые факты до сихъ поръ не доказываютъ, что наша „самобытная“ русская община препятствовала сельско-хозяйственной эволюціи. Единственнымъ серьезнымъ препятствіемъ для дальнѣйшаго перехода въ интенсивный фазисъ земледѣлія служатъ нѣкоторыя отрицательныя стороны чрезполосицы, связанной вообще съ деревенской формой поселеній, присущей какъ общинному, такъ и подворному землевладѣнію. Можно, какъ увидимъ дальше, свести до minimum'а вредное вліяніе чрезполосицы, сохранивши деревню, и тогда нѣтъ оправданія уничтоженію общины съ хозяйственно-экономической точки зрѣнія. Но для того, чтобы уничтожить чрезполосицу совсѣмъ, необходимо разселить и подворныя, и общинныя деревни по хуторамъ. И только такой радикальной хуторизаціей можетъ быть, отчасти, оправдано уничтоженіе общины, таящей въ себѣ зародыши элементовъ, необходимыхъ для слѣдующей, еще болѣе высокой ступени

*) У подворниковъ, повидимому, только число безземельныхъ и безпосѣвныхъ относительно больше, чѣмъ у общинниковъ это, вѣроятно, результатъ свободной мобилизаци земли (напр, въ Полтавской губ)

сельско-хозяйственной эволюціи — ступени коллективнаго хозяйства.

Итакъ, если правительство искренно стремится къ облегченію крестьянамъ перехода въ интенсивный фазисъ сельскаго хозяйства—уничтожить общину оно можетъ только тогда, когда оно увѣрено въ возможности хуторизаціи всей Россіи. Но кромѣ хозяйственно-экономической, правительство преслѣдуетъ и политическую цѣль — выдѣленіе изъ общины сильныхъ элементовъ деревни. Посмотримъ, на сколько осуществилась эта цѣль въ дѣйствительности до сихъ поръ и на сколько вообще двигается впередъ разрушеніе общины.

За 4½ года, до 1 апрѣля 1911 г, всего подано заявленій о выходѣ изъ общины 2.116,6 тыс., что по отношенію къ общему количеству общинниковъ Европейской Россіи (9,2 милліона) составляетъ 23%. Укрѣпили за собой землю въ частную собственность 1.510,1 тыс. дворовъ съ 10 942 тыс. дес. Таковы огульныя цифры „землеразстройства“. Нѣтъ сомнѣнія, онѣ велики: если выдѣлъ изъ общины пойдетъ дальше такимъ же темпомъ, община черезъ 20 лѣтъ должна исчезнуть. Но за послѣднее время подача заявленій начинаетъ сильно ослабѣвать. Въ среднемъ за мѣсяцъ подано заявленій.

До 1 ноября 1907 г	13,5 тысячъ	
Съ 1 „ 1907 г. по 1 ноября 1908 г .	60,6	„
„ 1 „ 1908 г. 1 мая 1909 г . . .	79,4	„
„ 1 мая 1909 г.—1 янв 1910 г . .	48,9	„
„ 1 янв.—1 іюля 1910 г.	41,0	„
„ 1 янв. 1910 г.—1 апр 1911 г	25,4*)	„

Ослабленіе это, отчасти, объясняется неточностью офиціальныхъ цифръ, давно отмѣченной въ литературѣ: достаточно указать, что до 1 іюля 1910 г поданныхъ заявленій числилось 1.959 тыс., а до 1 авг —1 913 тыс. Официозъ „Извѣстій земскаго отдѣла“, изъ котораго мы беремъ эти данныя, объясняетъ убыль „выключеніемъ всѣхъ тѣхъ домохозяевъ, заявленія коихъ не получили дальнѣйшаго движенія“. Но подобную убыль можно констатировать, если не въ общихъ итогахъ, то по отдѣльнымъ губерніямъ, не только въ числѣ заявленій о выдѣлѣ, но и въ числѣ окончательно укрѣпившихся и даже въ числѣ выдѣлившихся къ одному мѣсту. Отсюда ясно, что офиціальная статистика до сихъ поръ еще не наладилась. Хорошо хоть, что официозы не пытаются прятать этихъ ошибокъ.

Однако, какъ бы ни была плоха офиціальная статистика, другихъ источниковъ нѣтъ, приходится строить на ней свои выводы Отбросивъ извѣстный процентъ на ошибки, т. е. вѣро-

*) Такъ какъ, въ теченіе іюля 1910 г. въ офиціальныхъ отчетахъ показана убыль, а не прибыль заявленій о выходѣ, то этотъ мѣсяцъ въ разсчетъ не принятъ.

тно, на стремленіе мѣстныхъ администраторовъ отличиться, бывшее, на первыхъ порахъ, особенно интенсивнымъ, мы все-таки должны констатировать рѣзкое паденіе числа заявленій, начавшееся со второй половины 1909 г. *) Случайная ли это заминка, или она зависитъ отъ какихъ-либо серьезныхъ причинъ,—вопросъ настолько жгучій, что на немъ стоитъ остановиться, несмотря на то, что офиціальные источники въ данномъ случаѣ глухи и нѣмы, и подойти къ его рѣшенію можно лишь косвенными путями.

Единственныя манипуляціи, которыя допускаютъ офиціальныя цифры, это—группировка губерній по областямъ. Чтобы не загромождать выкладками журнальной статьи, мы разбили всѣ 41 губернію выдѣла на 5 областей: 1) южную и юго-восточную окраины—Новороссію и низовое Поволжье (со Ставропольской губ.), 2) земледѣльческій центръ со среднимъ Поволжьемъ, 3) два подстоличныхъ промышленныхъ района—пріозерный и московскій, 4) юго-западъ и западъ (4 губ. Малороссіи и 2 Бѣлоруссіи) и 5) сѣверъ и сѣверо-востокъ. Три русскія области представляютъ, въ общемъ, послѣдовательныя стадіи сельскохозяйственной эволюціи, южныя и юго-восточныя окраины только что пережили періодъ переложнаго земледѣлія и здѣсь еще не вполнѣ установилось урегулированное трехполье; земледѣльческій центръ переживаетъ кризисъ экстенсивнаго трехполья, дошедшаго до своего конца; этотъ кризисъ былъ пережитъ промышленными центрами значительно раньше и сейчасъ здѣсь развивается переходъ къ улучшеннымъ системамъ полеводства. Четвертая русская область, сѣверъ, не входитъ въ эту схему по климатическимъ условіямъ. Что же касается пятой—запада, то исторія общины въ этой области, пережившей владычество польскаго феодализма, слишкомъ своеобразна: община здѣсь введена была сверху, въ 40-хъ гг. XIX в. и до сихъ поръ не успѣла окрѣпнуть. Распредѣленіе заявленій о выдѣлкѣ по 5 очерченнымъ областямъ, въ разные періоды времени, рисуетъ поступательный ходъ разрушенія общины *вглубь* страны.

Первыми бросились на выдѣлъ крестьяне самыхъ экстенсивныхъ юго-восточныхъ окраинъ: до 1908 г. отсюда поступила почти половина всѣхъ заявленій о выдѣлѣ; въ слѣдующій періодъ, до половины 1909 г., на первое мѣсто выступилъ уже земледѣльческій центръ (40% заявленій), а за послѣднее время это первенство начинаетъ оспаривать центръ промышленный.

За 4 года движеніе къ выдѣлу широкой волной разлилось по всей общинной Россіи, и теперь немного уже найдется мѣстностей, гдѣ бы не наблюдалось попытокъ, хотя бы у нѣсколь-

*) А. В. Пѣшехоновъ констатировалъ въ „Русск. Вѣд." паденіе числа укрѣпленій, хотя и не такое сильное. Укрѣпленія слѣдуютъ за заявленіями и паденіе числа заявленій должно отразиться на укрѣпленіяхъ позже и не такъ интенсивно.

кихъ крестьянъ, развязаться съ общиной. Казалось бы, что абсолютное количество стремящихся къ выдѣлу, захватывая все новыя области, должно было увеличиться, а между тѣмъ, какъ мы сейчасъ видѣли, число заявленій обнаружило рѣзкое паденіе. Очевидно, волна выдѣла, разливаясь вширь, теряла высоту своего подъема Это доказывается второй нашей табличкой, на которую просимъ читателя обратить усиленное вниманіе.

На 1000 общинниковъ въ каждой области ежемѣсячно, въ среднемъ, подавали заявленія о выдѣлѣ

	Югъ и юго-востокъ	Западъ.	Земледѣльч. центръ	Промышл. центръ.	Сѣв. и сѣв.-востокъ	Всѣ области.
До 1 ноября 1907 г.	5,2	2,8	0,9	0,5	0,4	1,4
1 ноября 1907 г.—1 ноября 1908 г.	14,6	7,9	7,2	3,7	2,7	6,7
1 ноября 1908 г —1 мая 1909 г. .	15,6	15,8	9,1	6,6	1,7	8 9
1 мая 1909 г —1 января 1910 г. .	7,3	6,1	5,0	4,8	2,1	4,9
1 января— 1 іюля 1910 г . . .	8,6	5,2	4 6	4,8	1 4	4,7
1 августа 1910 г. 1 апрѣля 1911 г.	6,1	2,5	3,1	1 8	1,0	2,8
Всего до 1 апр 1911 г подали заявленія изъ 1000 общинниковъ. . .	472,3	320,3	236,9	172,5	77,9	234,9

Во всѣхъ областяхъ стремленіе къ выдѣлу растетъ до 2-ой половины 1909 г. Съ этого времени всюду оно падаетъ, при чемъ, чѣмъ выше былъ подъемъ, тѣмъ круче стало паденіе. Максимальнаго подъема относительный ростъ заявленій достигъ на юго-восточныхъ и юго-западныхъ окраинахъ; послѣ 1 мая 1909 г. волна выдѣла упала здѣсь болѣе чѣмъ вдвое. Тѣмъ не менѣе, и сейчасъ окраинные районы, по относительному числу заявленій, занимаютъ первое мѣсто (47,2 и 32% заявленій). Третья область по выдѣлу—земледѣльческій центръ: волна подъема въ полтора раза слабѣе, но и паденіе ея не такъ уже круто; въ общемъ, заявила о выдѣлѣ четвертая часть общинниковъ. Въ центрѣ промышленномъ и подъемъ, и паденіе волны выдѣла ослабѣваютъ еще въ полтора раза, и число заявленій, пока, достигло только шестой части общинниковъ. Наконецъ, на сѣверѣ мы видимъ очень небольшія колебанія цифръ выдѣла, не имѣющія такой правильности, какъ въ предыдущихъ областяхъ, и итогъ заявившихъ составляетъ 7,8% всѣхъ общинниковъ.

Въ общемъ, картина выдѣловъ, обрисованная этой таблицей, если исключить западъ, гдѣ, какъ мы говорили, исторія общины была совсѣмъ иная, чѣмъ въ остальной Россіи, напоминаетъ поверхность пруда, въ одинъ изъ угловъ котораго бросили большой камень: вокругъ этого мѣста на юго-востокѣ поднялась большая волна, эта волна нѣсколько позже достигла средины пруда, здѣсь ужъ она, естественно, оказалась меньшихъ размѣровъ, и чѣмъ далѣе отъ мѣста паденія камня, тѣмъ волны

эти становятся все меньше и почти замираютъ въ противоположномъ углу, на сѣверо-востокѣ.

Камень—законъ 9 ноября, брошенный въ общину изъ Петербурга, брошенный на томъ основаніи, что община препятствуетъ сельско-хозяйственному прогрессу, вызвалъ максимальную волну разрушенія общины, какъ разъ въ противоположномъ углу Россіи—въ многоземельныхъ областяхъ самаго экстенсивнаго хозяйства, гдѣ такъ еще недавно царило переложное земледѣліе и захватное право, гдѣ общинныя традиціи не могли сложиться въ крѣпкую и стройную организацію просто потому, что территорія этихъ областей заселена болѣе или менѣе плотно только нѣсколько десятковъ лѣтъ назадъ. Очевидно, что наибольшій успѣхъ закона 9 ноября въ самыхъ экстенсивныхъ областяхъ никоимъ образомъ не оправдываетъ намѣреній правительства, предпринявшаго разрушеніе общины съ цѣлью расчистить путь земледѣльческому прогрессу.

Не оправдывается на дѣлѣ одна сторона правительственной программы: не осуществляется и другая—политическая задача—выдѣлъ изъ общины „крѣпкихъ и сильныхъ“ элементовъ деревни. Кажется, такъ естественно было ожидать, что первыми бросятся на выдѣлъ „многодушники“, сильные дворы, которымъ передѣльный механизмъ грозилъ бы въ дальнѣйшемъ потерей части надѣла. Въ дѣйствительности, оказалось какъ разъ на оборотъ.

	На 1 выдѣлившійся дворъ приходится дес (а)	Средній размѣръ общиннаго надѣла. (б)	Процентное отношеніе. (а) къ (б)
Югъ и юго-вост. . .	9,5	13,4	70,9
Юго-зап.—западъ .	6 6	7 1	93,0
Земледѣл. центръ . .	5 1	9,0	56.6
Промышл. центръ .	7,5	9.0	83 3
Сѣверъ и с-вост .	14,0	20,2	69 3
Всѣ области . . .	7,2	11,1	64.9

Ни въ одной области размѣръ выдѣленныхъ участковъ не достигаетъ средняго размѣра общиннаго надѣла по всей Россіи: онъ составляетъ только $^2/_3$ этого послѣдняго. Выше всего онъ на западѣ, а менѣе всего—въ земледѣльческомъ центрѣ. И чѣмъ дальше идетъ дѣло, тѣмъ шире распространяется вліяніе закона 9-го ноября, тѣмъ малоземельнѣе становятся выдѣляющіеся дворы.

	Средній размѣръ выдѣленныхъ участ.
До 1 мая 1908 г	7,81 дес
1 мая—1 ноября 1898 г . . .	7,69 „
1 ноября 1908 г—1 мая 1909 г.	7,47 „
1 мая 1909 г.—1 янв. 1910 г .	7,07 „
1 янв —1 іюля 1910 г.	6,81 „
1 іюля 1910—1 авг. 1911 г .	6,48 „

Въ литературѣ широко распространено мнѣніе, что выдѣлъ изъ общины захватилъ два крайнихъ слоя крестьянства. „Кромѣ многоземельныхъ домохозяевъ, которые поспѣшили пристроить имѣвшіеся у нихъ лишніе надѣлы, видное мѣсто среди первыхъ „укрѣпленцевъ", какъ извѣстно, повсюду занимали разные безхозяйственные крестьяне, начиная съ устроившихся болѣе или менѣе сносно на сторонѣ и кончая мѣстными „пропойцами" и „забулдыгами". Въ послѣднее же время во многихъ мѣстностяхъ въ процессъ укрѣпленія оказались вовлеченными средніе слои крестьянства, наиболѣе отрицательно относившіеся все время къ новому порядку владѣнія надѣльной землей" *).

Наши таблички, на сколько могутъ быть доказательными огульныя среднія цифры, не вполнѣ подтверждаютъ это укоренившееся мнѣніе Если и выдѣляются два крайнихъ слоя, а не одинъ, то, во всякомъ случаѣ, верхній многоземельный слой составляетъ меньшинство, подавляющее же большинство укрѣпленцевъ, при томъ большинство—систематически растущее, рекрутируется изъ малоземельныхъ низшихъ слоевъ. Что же касается до среднихъ крестьянъ, то, надо полагать, что и они, подобно верхнимъ слоямъ, принимаютъ все меньшее участіе въ въ выдѣлѣ. Средніе слои, конечно, занимаютъ весьма видное мѣсто при разверстаніи цѣлыхъ селъ на хутора и отруба, такъ какъ ихъ вообще въ нашихъ деревняхъ большая половина; они же принимаютъ большое участіе и при выдѣлѣ полосъ къ одному мѣсту: это ясно видно изъ того, что средній размѣръ сведенныхъ къ одному мѣсту участковъ равенъ 10,7 дес —на половину выше участковъ всѣхъ укрѣпившихся дворовъ. Вообще, средніе слои, повидимому, укрѣпляются главнымъ образомъ, съ цѣлью землеустройства. Но хозяевъ, стремящихся выйти изъ общины только для того, чтобы свести свои участки на хутора и отруба, далеко не такъ много: къ 1911 г. подало заявленій объ единоличномъ землеустройствѣ 730 тыс. общинниковъ; двѣ трети этихъ заявленій относятся къ цѣлымъ селамъ, которыя, если не ошибаемся, въ общій подсчетъ заявленій о выдѣлѣ не входятъ **). Исключая ихъ, получаемъ, что на 2 милліона заявленій о выдѣлѣ приходится, круглымъ счетомъ, только 260 тыс. заявленій о землеустройствѣ, т. е только восьмая часть укрѣпляющихся стремится, въ дальнѣйшемъ, къ самостоятельному хозяйству на хуторахъ и отрубахъ. Если же наше предположеніе невѣрно и заявленія цѣлыхъ селъ въ общій подсчетъ включены,—то и въ такомъ случаѣ тяготѣніе къ новому типу хозяйства охватываетъ лишь одну треть всѣхъ, разстающихся съ общиной.

*) См. ст. А. В. Мѣшехонова: „Разрушеніе общины" въ „Русск. Вѣдомостяхъ" № 4.

**) На это, по крайней мѣрѣ есть указаніе въ рѣчи П А Столыпина, сказанной на засѣданіи Государственнаго Совѣта 15 марта 1910 года.

Остальныя $^2/_3$ принадлежатъ почти сплошь къ малоземельнымъ. Они не особенно заботятся о прогрессѣ сельскаго хозяйства и своего въ частности, эти „крѣпкіе и сильные“ съ 3—5 десятинами надѣла. Какія же цѣли преслѣдуютъ они, выдѣляясь изъ общины?..

Въ 1909 г., состоящій при московскомъ обществѣ сельскаго хозяйства Комитетъ о ссудо-сберегательныхъ и промышленныхъ товариществахъ предпринялъ анкету, въ программу которой, между прочимъ, входило и нѣсколько вопросовъ, касающихся выдѣла изъ общины. Анкета вышла неудачной: на нѣсколько тысячъ разосланныхъ бланковъ получено всего около 300, не всегда удовлетворительныхъ, отвѣтовъ. Но, при почти полномъ отсутствіи массоваго матеріала, эта анкета можетъ дать хоть какое нибудь освѣщеніе интересующаго насъ вопроса, и мы приносимъ глубокую благодарность хозяевамъ этихъ матеріаловъ за разрѣшеніе воспользоваться ими для нашей статьи. Въ анкетѣ между прочимъ, стоялъ вопросъ: для чего крестьяне выдѣляются изъ общины? Полученные отвѣты, въ сведенномъ видѣ, распредѣляются такъ

Для продажи	73	отвѣта
Чтобы при передѣлѣ земля не отошла къ другимъ	38	„
Для улучшенія хозяйства	26	„
Лишеніе сыновей права на полученіе земли	2	„

Отвѣты, въ большинствѣ, давались сельской администраціей и относятся къ 123 общинамъ 30 губ., въ которыхъ были случаи выдѣловъ. Судя по нимъ, большинство и, конечно, малоземельное большинство выдѣляется для продажи своихъ надѣловъ. Правда, по офиціальнымъ матеріаламъ, изъ 1350 тыс. укрѣпившихся къ 1 марта 1910 г. продало свою землю всего 129 тыс. дворовъ—менѣе 10 процентовъ. Однако, другіе, тоже офиціозные, источники утверждаютъ, что продажа надѣловъ распространена гораздо сильнѣе. Такъ, въ органѣ харьковской землеустроительной комиссіи „Землеустройство и землепользованіе“ мы читаемъ: „Укрѣпляютъ, чтобы выгоднѣе продать: укрѣпленные надѣлы дороже цѣнятся, подъ нихъ даются большія ссуды. Количество продажъ укрѣпленныхъ надѣловъ очень в е л и к о: нѣтъ возможности дать точную ихъ цифру; она не можетъ быть добыта изъ волостныхъ канцелярій въ видѣ надежнаго матеріала, для личныхъ же изслѣдованій нѣтъ времени“ *). Авторъ связываетъ продажу укрѣпленной земли съ переселеніемъ. Связь эту констатируютъ и матеріалы анкеты

*) См. № 29 журнала 1910 г. статья „Землеустроительныя работы въ Валковскомъ у. Харьковской губ.“

Другой представитель офиціозныхъ сферъ сообщаетъ: „Въ Ставропольской губерніи развита скупка надѣловъ. Очень часто укрѣпившіе землю крестьяне продаютъ, пропиваютъ, или переселяются въ Сибирь... Можно считать доказаннымъ, что въ такихъ случаяхъ укрѣпленія, когда предполагается сверстываніе укрѣпленныхъ полосъ къ однимъ мѣстамъ, скупка надѣловъ въ однѣ руки происходитъ значительно слабѣе, а послѣ отвода участковъ въ натурѣ и вовсе прекращается“ *). Но мы видѣли, что сверстывать полосы къ однимъ мѣстамъ собирается незначительное меньшинство укрѣпленцевъ, а въ дѣйствительности сверстала надѣлы пока ничтожная часть.

Опираясь на признаніе офиціальныхъ лицъ, мы можемъ утверждать, что указанная сейчасъ цифра продажъ весьма сильно преуменьшена; но и казенные отчеты констатируютъ быстрое ихъ увеличеніе: къ 1 авг. 1908 года было продано 18,4 тыс. надѣльныхъ участковъ, а за послѣдніе полтора года— 111 тыс., вшестеро болѣе. И a priori необходимо предположить, что большинство малоземельныхъ выдѣляется изъ общины съ цѣлью продажи: на 3—5 десятинахъ хуторскаго хозяйства завести нельзя при современномъ уровнѣ крестьянскаго земледѣлія.

Собирающіеся продать и продающіе укрѣпленные надѣлы крестьяне дѣлятся на три категоріи: 1) На городскихъ жителей, ремесленниковъ, рабочихъ и проч., давно отставшихъ отъ земли и пользующихся удобнымъ случаемъ для болѣе или менѣе выгодной ликвидаціи своего надѣльнаго права 2) На упалыя хозяйства физически неспособныхъ лицъ—вдовъ, бобылей, сиротъ. Такихъ хозяйствъ, безъ работниковъ мужскаго пола, въ деревнѣ довольно много—болѣе 8%, по даннымъ 138 у.у. (земско-статистическія матеріалы). Они и въ общинѣ не вели, по большей части, своего хозяйства, а сдавали землю въ аренду. Такъ какъ общество, при передѣлѣ, можетъ отнять у нихъ землю даромъ, то имъ выгоднѣе продать ее до передѣловъ. 3) На переселенцевъ, въ широкомъ смыслѣ этого слова. Обыкновенно, подъ этимъ терминомъ имѣютъ въ виду только переселяющихся въ Сибирь. Но мы не разъ указывали въ нашихъ работахъ, что наряду съ передвиженіемъ изъ Европы въ Азію, существуетъ, вѣроятно, еще болѣе интенсивное передвиженіе крестьянъ внутри Европейской Россіи, тоже съ запада на востокъ и съ сѣвера на югъ. Изъ подворныхъ губерній запада народныя массы передвигаются въ земледѣльческій центръ или въ Поволжье, изъ земледѣльческаго центра сначала въ Новороссію, потомъ на Сѣверный Кавказъ. Подворники, напр., Полтавской и Кіевской губ., очень часто, пользуясь дороговизной земли на мѣстѣ, продавали

**) Ордынскій В. „Очерки современнаго положенія землеустройства въ Европейской Россіи“ „Сельское хозяйство и лѣсоводство“. 1910 г., май.

свои клочки по 200—300 руб за десятину, а въ центрѣ Россіи покупали банковскія земли, платя верховъ по 20—30 руб., т. е. имѣя возможность пріобрѣсти 10 дес. вмѣсто одной. Несомнѣнно, теперь, когда право продавать надѣлы пріобрѣли не только подворники, но и общинники, это Drang nach Osten, подталкиваемое разницей цѣнъ на землю, должно было увеличиться въ нѣсколько разъ *), тѣмъ болѣе, что пріобрѣтать можно не только банковскія, но и надѣльныя земли; и мы увидимъ дальше, что надѣльная земля зачастую стала переходить не только въ руки своихъ, но и иноуѣздныхъ покупщиковъ.

Такое переселеніе можно назвать переселеніемъ большого района; но и переселенцы малаго района—на купленные хутора и отруба, а ихъ правительство стремится расплодить какъ можно больше, должны продавать свои надѣлы

Вообще „внутреннее“ переселеніе крестьянъ, т. е. разселеніе ихъ въ предѣлахъ Европейской Россіи, значительное до закона 9-го ноября, послѣ него должно разростись до обширныхъ размѣровъ и развить продажу надѣловъ.

Переселеніе въ Азіатскую Россію, какъ констатируется самыми разнообразными источниками, связано съ выдѣломъ и продажей надѣловъ тѣснѣйшими узами. Это видно изъ распредѣленія переселенцевъ этого рода и выдѣлившихся изъ общины по разнымъ областямъ.

	Выдѣлившихся дворовъ (по 1 окт. 1911 г.).	Переселенцевъ обоего пола) 1907—1910 гг.*)	На 100 выдѣлившихся дворовъ приходится душъ переселенцевъ.
	(въ тысячахъ).		
Югъ и юго-востокъ**) . . .	389	354	91
Земледѣльческій центръ . .	550	544	99
Промышленный центръ . .	228	81	36
Сѣверъ и сѣверо-востокъ . .	55	62	114

Кромѣ промышленнаго центра, въ остальныхъ областяхъ числа выдѣлившихся дворовъ и переселившихся душъ почти совпадаютъ; въ промышленномъ центрѣ, гдѣ переселеніе въ Азію,

*) Въ Калужской и Тульской губ. образовались даже „переселенческія конторы“, скупающія у помѣщиковъ земли и перепродающія ихъ выходцамъ изъ Малороссіи.

**) Переселенцы взяты по тѣмъ губерніямъ, по которымъ есть свѣдѣнія о выдѣлѣ. Западъ и исключенъ изъ сопоставленія, такъ какъ нѣтъ дѣленія переселенцевъ на подворниковъ и общинниковъ. За 1910 г. по 9 губ. нѣтъ свѣдѣній за 2-ое полугодіе, но переселеніе изъ этихъ губерній ничтожно и повліять на точность выводовъ не могло.

ственно, развито слабо, взамѣнъ переселенцевъ, вѣроятно, горожане продаютъ надѣлы въ усиленномъ масштабѣ.

До закона 9-го ноября переселенцы продавали свои земли гораздо рѣже: теперь, судя по даннымъ Харьковской, Черниговской и Полтавской губ., подавляющее большинство ликвидируетъ свои надѣлы. Въ Харьковской губ. за 1904—6 гг. только 3.8% переселенцевъ продали, а 4,6% сдали въ аренду, въ 1907—8 гг. процентъ ликвидировавшихъ такимъ образомъ поднялся до 35.4% и 32.6%—всего 68% переселившихся дворовъ (сдача въ аренду, если переселеніе удачно, часто предшествуетъ продажѣ). Въ Черниговской губерніи въ 1906 г. продали надѣлы 51.1% переселенцевъ, а въ 1907—8 гг. уже 74,7%. Въ Полтавской губ. изъ 1137 переселившихся въ 1909 г. дворовъ не продало землю всего 6 человѣкъ.

Связь укрѣпленій съ переселеніемъ особенно ярко подтверждается приведенными выше хронологическими сопоставленіями обоихъ явленій. Со второй половины 1909 г. переселеніе упало: съ этого же момента быстро падаетъ стремленіе къ выдѣлу изъ общины. Такъ какъ переселеніе сократилось, отчасти, благодаря урожаю, то возникаетъ гипотеза, что урожай повліялъ и на сокращеніе выдѣла. Эта гипотеза подкрѣпляется еще тѣмъ соображеніемъ, что „укрѣпленцы“, равно какъ и переселенцы—въ большинствѣ малоземельные, маломощные крестьяне, неустойчивое хозяйство которыхъ легче всего разрушается подъ ударами неурожаевъ и голодовокъ. Однако, и на паденіе переселенческаго движенія, кромѣ временнаго вліянія—подъема урожайности, воздѣйствовалъ и болѣе устойчивый факторъ—сокращеніе запасовъ удобныхъ земель въ ближайшихъ районахъ Западной Сибири. Точно также, и на сокращеніе выдѣла, кромѣ временнаго, долженъ вліять и постоянный факторъ—уменьшеніе тѣхъ слоевъ малоземельныхъ крестьянъ, изъ которыхъ рекрутируется главный контингентъ укрѣпленцевъ. Быть можетъ, теперь законъ 14 іюня 1910, открывшій широкій просторъ для коренного уничтоженія всѣхъ безпередѣльныхъ общинъ, подольетъ масла въ потухающій пламень „землеразстройства“, но есть основаніе думать, что и до закона 14 іюня разрушались, преимущественно, мертвыя и полумертвыя общины; запасъ ихъ къ настоящему моменту сильно поубавился, и пламень, пожирающій общину, разгорится не такъ ярко, какъ можно было бы ожидать отъ новаго закона...

Если выдѣляются не сильные, а слабые элементы деревни, если они, въ значительномъ числѣ, стремятся только продать свои участки, то, быть можетъ, продаютъ ихъ они „сильнымъ“ хозяевамъ, и хоть не прямо, но косвенно этимъ самымъ достигается основная цѣль правительства—созданіе крѣпкаго класса консервативныхъ хозяйственныхъ мужичковъ?

Официальныя данныя говорятъ, что 129 тыс. дворовъ продали свои надѣлы 112 тыс. покупателей Мы не знаемъ экономическаго положенія этихъ покупателей: можетъ быть, это малоземельные, можетъ быть, и кулаки-скупщики. Точныхъ данныхъ о распредѣленіи покупателей по экономическимъ слоямъ мы почти не имѣемъ, за исключеніемъ опубликованныхъ въ недавно появившихся земскихъ изданіяхъ по Полтавской и Черниговской губ

Черниговская губ.			Полтавская губ.		
	% распред. покупателей	% распред. купленной земли		% распред. покупателей	% распред. купленной земли
Безземъ . . .	11,0	9,4	Безземъ. . . .	10,1	6,7
До 5 дес. . .	48,6	37,8	До 3 дес. . . .	29,0	18,5
5—10 дес . .	25,5	31,6	3—9 дес. . . .	38,5	40,4
10—15 дес . .	7,3	10,8	9—15 дес . .	11,3	34,4
Св 15 дес . .	7,6	10,4	Св. 15 дес. . .	11,1	

Большинство покупателей и почти половина купленной земли приходятся на долю безземельныхъ и малоземельныхъ. Свѣдѣнія изъ другихъ источниковъ, впрочемъ, отрывочнаго характера, рисуютъ діаметрально противоположную картину. Беремъ опять официозный журналъ: „Землеустройство и землепользованіе“. Членъ землеустроительной комиссіи пишетъ: „При послѣднемъ объѣздѣ Бахмутскаго уѣзда мною замѣчено очень печальное и нежелательное явленіе, а именно: надѣльныя земли крестьянъ начинаютъ переходить въ руки не только своихъ односельцевъ — мужиковъ-кулаковъ, покупающихъ землю за наличныя деньги, но и въ руки постороннихъ лицъ“. Въ одномъ мѣстѣ землю приторговали греки изъ Маріупольскаго уѣзда, въ другомъ нѣмцы—по 230 руб. за десятину наличными деньгами. „На мой вопросъ, зачѣмъ крестьяне допускаютъ до того, что ихъ надѣльную землю начинаютъ скупать греки, одинъ изъ крестьянъ возразилъ самымъ серьезнымъ образомъ, что греки покупаютъ землю не для себя, а для нихъ— алексѣевцевъ, такъ какъ греки сами эти земли обрабатывать не будутъ, а будутъ сдавать имъ въ аренду по 15 и 20 рублей. Выходитъ, что за 10 лѣтъ алексѣевцы заплатятъ аренды 200 рублей, и земля будетъ все-таки чужая“.

Подобныхъ фактовъ можно найти очень много въ текущей литературѣ *), но и этотъ достаточно характеренъ. Обращаемъ вниманіе читателей на подчеркнутыя нами слова: скупщики-кулаки покупаютъ землю за наличныя деньги, чтобы сдавать ее въ аренду. У скупщиковъ есть наличныя деньги, а у ихъ конкурентовъ—малоземельныхъ и средне-земельныхъ, которые, быть

*) См. напр., брошюру Дроздова „Около земли“.

ходитъ. И рады бы дать дороже, деньги водятся очень рѣдко. Между тѣмъ, переселенцу, горожанину, обѣднѣвшему хозяину деньги нужны сейчасъ же: покупатель, способный выложить ихъ на столъ передъ продавцемъ, естественно останется побѣдителемъ. Купивши землю, кулакъ сдаетъ ее въ аренду, а потому сверстывать полосы къ одному мѣсту ему прямо не выгодно вѣдь гораздо легче эксплуатировать крестьянъ, если полосы будутъ разбросаны по всему полю. Можно сдать по сосѣдству большему количеству крестьянъ, взять подороже за близость участковъ можно понадѣлать преградъ для пастьбы и прогона скота и заставить оплачивать ихъ устраненіе, какъ дѣлаютъ это помѣщики, такъ неохотно разстающіеся со своей чрезполосицей Вообще, чрезполосица съ крестьянскими землями для ловкаго человѣка—золотое дно

56 статья закона 14 іюня, которая запрещаетъ скупать въ одни руки болѣе 6 душевыхъ надѣловъ,—слабое орудіе противъ спекулятивной скупки земель Гораздо болѣе дѣйствительной мѣрой борьбы была бы выдача ссудъ для покупки надѣловъ малообезпеченнымъ слоямъ крестьянъ или сельскимъ обществамъ. Съ 1907 г функціонируетъ операція ссудъ подъ залогъ надѣльныхъ земель по 1910 г. выдано всего 3.558 тыс рублей — въ томъ числѣ 1.950 тыс. — для уплаты за надѣлы, купленные у переселенцевъ. Считая даже по 75 руб. за десятину (надѣльныя земли продаются вдвое дешевле среднихъ цѣнъ даннаго района) получаемъ, что за эту ссуду можно было бы купить 26 тыс десятинъ, тогда какъ даже по офиціальнымъ даннымъ, только къ началу 1910 г продано 640 тыс. десятинъ, въ дѣйствительности же, вѣроятно, много больше. Ясно, какъ микроскопична эта ссудная операція Правительство, не безъ основанія, боится ея расширенія; но, если бы оно не стремилось къ разрушенію общины, оно могло бы расширить безъ боязни ссуды подъ коллективный залогъ общинныхъ земель; и эту идею уже предлагаетъ авторъ цитированной сейчасъ статьи Но такая операція усилила бы роль общины, и для правительства она будетъ не подходящей Безъ нея же проданные надѣлы очень часто попадутъ въ руки класса соціальныхъ паразитовъ, класса, вреднаго не только для народа, но и для государственной казны..

Вотъ, стало быть, что пока даютъ первые итоги „землеразстройства“ они даютъ результаты въ значительной долѣ *противоположные* цѣлямъ правительственной аграрной программы. Правительство стремится разрушить общину, чтобы расчистить дорогу сельско-хозяйственному прогрессу: но разрушается община, главнымъ образомъ, въ районахъ, отсталыхъ въ сельско-хозяйственномъ отношеніи. Правительство разсчитываетъ, что на выдѣлъ бросятся „крѣпкіе и сильные“ мужики, съ прямой цѣлью вести самостоятельное хозяйство на новыхъ началахъ; тѣ же казенные матеріалы убѣдительно доказываютъ, что огром-

ная масса выдѣлившихся—малоземельные бѣдняки, стремящіеся развязаться съ надѣломъ, а скупаютъ у нихъ землю или малоземельные, если они раздобудутъ деньжонокъ, или, вѣроятно, чаще, скупщики-кулаки, паразитарный слой, невыгодный для государства и народа.

Итакъ, „землеразстройство“ ни прямо, ни косвенно, не способствуетъ созданію класса хозяйственно-прогрессивныхъ и сильныхъ экономически крестьянъ—будущаго оплота существующаго строя. Посмотримъ, создается ли этотъ классъ вторымъ актомъ правительственной политики.

IV.

Землеустройство

Съ каждымъ годомъ становится все яснѣе, что сельское хозяйство Россіи начинаетъ вступать въ фазисъ интенсивнаго земледѣлія. По направленію съ запада на востокъ и съ сѣвера на югъ, вмѣстѣ съ переливающимся потокомъ земледѣльцевъ, все шире распространяются улучшенные сѣвообороты, удобреніе, усовершенствованныя орудія и болѣе тщательные пріемы обработки. Неизбѣжность перехода на слѣдующую ступень сельскохозяйственной эволюціи становится ясной не только обществу, но и самимъ крестьянамъ и пробудившемуся сознанію народа, какъ будто идетъ навстрѣчу правительство, выставившее лозунгомъ своей реформы „замѣну стихійной власти земли надъ крестьяниномъ разумной властью крестьянина надъ своей землей“. Чтобы реорганизація крестьянскаго хозяйства на началахъ интенсивнаго земледѣлія совершалась возможно быстрѣе, планомѣрнѣе, продуктивнѣе для невѣжественныхъ обнищалыхъ массъ, необходима дружная помощь со стороны правительственныхъ, земскихъ и общественныхъ силъ. Эта помощь во всемъ свѣтѣ и у насъ конкретно выражается въ трехъ формахъ: въ формѣ агрономическаго содѣйствія и руководства культурными начинаніями, въ формѣ экономической поддержки—организаціей кредита и кооперацій всякаго рода и въ формѣ землеустройства въ тѣсномъ смыслѣ, т. е. въ измѣненіи конфигураціи площади отдѣльныхъ хозяйствъ, примѣнительно къ новымъ системамъ земледѣлія Центромъ тяжести своей агрикультурной дѣятельности правительство избрало землеустройство, предоставивъ агрономическую помощь (если не считать хуторянъ) земствамъ, насажденіе кооперацій—общественнымъ элементамъ (кромѣ кредита), поскольку они смогутъ и сумѣютъ создать таковыя въ рамкахъ полицейскаго строя. За то „землемѣріемъ“ правительство занялось вплотную само, мотивируя это тѣмъ, что безъ правительственнаго землеустройства, какъ безъ фундамента, нельзя построить зданія раціональнаго хозяйства.

Выше мы указывали, что общинная и подворная деревни въ землеустроительномъ отношеніи страдаютъ однимъ общимъ недостаткомъ, присущимъ вообще деревенской формѣ поселеній— именно, чрезполосицей. Но не всякая чрезполосица одинаково вредна и подлежитъ обязательному уничтоженію. Г. Бруцкусъ, въ своей талантливой брошюрѣ: „Землеустройство и разселеніе за границей и въ Россіи“ сводитъ всѣ указанія на вредъ чрезполосицы и деревенской формы поселеній къ четыремъ главнымъ: 1) принудительный сѣвооборотъ; 2) экстенсивно эксплуатируемыя земли общаго пользованія; 3) узко-и мелкополосица, 4) длинноземелье.

1) Принудительный сѣвооборотъ зависитъ, во 1-ыхъ, отъ отсутствія проѣзда къ каждой полосѣ, во 2-хъ — отъ пастьбы скота по парамъ и жнивамъ. Чрезполосица, заграждающая свободный проѣздъ ко всѣмъ полосамъ, встрѣчается чаще въ подворныхъ, чѣмъ въ общинныхъ деревняхъ*). Справиться съ ней можно и безъ сверстыванія полосъ къ одному мѣсту при помощи ихъ правильной нарѣзки съ обязательнымъ выходомъ на дорогу. Гоньба скота по парамъ и жнивамъ связана не столько съ чрезполосицей, сколько съ трехпольнымъ сѣвооборотомъ и недостаткомъ особыхъ выгоновъ и сѣнокосовъ. Введя въ посѣвъ кормовыя травы, увеличивъ продуктивность луговъ и пастбищъ, улучшивъ кормленіе скота отбросами корнеплодовъ, наконецъ, переведя его на стойловое содержаніе, можно и при чрезполосицѣ покончить съ принудительнымъ сѣвооборотомъ.

2) Общія экстенсивныя пользованія, главнымъ образомъ, выгоны, если они пригодны подъ посѣвъ, и сейчасъ уже распахиваются очень сильно. Переходъ къ улучшеннымъ системамъ съ травосѣяніемъ позволяетъ обратить ихъ цѣликомъ въ болѣе культурныя угодья.

3) Узкополосица очень вредна: она создаетъ невозможность поперечной обработки, засореніе травами межниковъ, потерю земли подъ этими послѣдними (въ Ярославской губ. 7.000 дес., въ Суджанскомъ у. при 840 полосахъ — 109 дес.), перебрасываніе сѣмянъ при сѣвѣ на чужія полосы, потерю удобренія и влаги, и пр. Но узкополосица вовсе не обязательно связана съ деревней и чрезполосицей вообще. Переверстывать на широкія полосы начали ярославскіе крестьяне еще въ 1890-хъ гг. (извѣстная ярославская полевая сотня), а теперь это движеніе разростается вполнѣ самостоятельно въ Петербургской и Московской губ. и современная земельная разруха, несомнѣнно, дастъ ему сильный толчекъ. Землеустроительная дѣятельность въ Западной Европѣ въ послѣднее время все чаще и чаще сводится только къ такому частичному складыванію полосъ, уничтожаю-

*) Даже правительственные органы признаютъ, что общинные распорядки позволяютъ „уменьшать періодически внутри надѣльную чрезполосность“. (Изв. земск. отдѣла, 1908 г., № 1 Объяснит. записка къ проекту землеустройства).

щему безъ рѣзкихъ хозяйственныхъ переворотовъ почти всю вредоносность чрезполосицы.

Такимъ образомъ, деревенская форма поселеній, а въ особенности община, не служатъ помѣхой къ устраненію трехъ перечисленныхъ отрицательныхъ сторонъ чрезполосицы.

4) Только длинноземелье, дѣйствительно, является результатомъ деревенскихъ, притомъ крупныхъ поселеній. По Соковнину, въ Курской губ. у 46% общинъ дальній конецъ поля отстоитъ болѣе 3 верстъ отъ усадьбы, у 27% — болѣе 5 верстъ и у 332 общинъ — болѣе 10 верстъ. Въ Ряжскомъ уѣздѣ Рязанской губ. болѣе половины крестьянскаго населенія имѣютъ надѣлы дальше 6 верстъ; въ Каневскомъ уѣздѣ Кіевской губерніи поля бываютъ удалены на 6 — 10 верстъ отъ усадьбы, въ Смоленской губ. надѣлы растягиваются на 10 — 15 верстъ; и это въ земледѣльческомъ и промышленномъ центрахъ; на юго-восточныхъ окраинахъ села въ нѣсколько тысячъ дворовъ встрѣчаются сплошь и рядомъ, и до дальняго конца поля въ такихъ селахъ разстояніе доходитъ до 30—40 верстъ. Длинноземелье усилено у насъ неправильнымъ размежеваніемъ крестьянъ: очень часто усадьбы находятся не въ серединѣ, а на краю надѣльной земли— надѣлъ тянется „холстомъ“, какъ говорятъ крестьяне. Представимъ себѣ площадь надѣловъ въ 25 кв. верстъ, шириной въ 1 версту, при чемъ усадьба стоитъ въ углу этой площади. до дальняго конца поля будетъ отъ села 25 верстъ. Превративши этотъ длинный прямоугольникъ въ квадратъ, поставивъ усадьбы посерединѣ, мы тѣмъ самымъ сократимъ разстояніе ровно въ десять разъ.

Длинноземелье усиливаетъ чрезполосность: такъ какъ крестьяне разбиваютъ надѣлы на полосы по двумъ главнымъ признакамъ—по качеству почвы и по отдаленности отъ усадьбы. Ясное дѣло, что если бы разстояніе не было велико, чрезполосица убавилась бы, въ иныхъ случаяхъ, наполовину. Дальность полосъ составляетъ главное препятствіе для интенсификаціи земледѣлія. Въ своихъ основныхъ трудахъ по аграрному вопросу мы не разъ указывали, что черезъ всю сельско-хозяйственную исторію красной нитью проходитъ тенденція территоріальнаго дробленія хозяйствъ, возникающая, въ значительной мѣрѣ, благодаря необходимости сокращать при интенсификаціи размѣры культивируемой площади. Киргизъ-кочевникъ, переходя отъ чисто кочевого къ смѣшанному пастушеско-земледѣльческому хозяйству, сжимаетъ тысячеверстные кочевые пути до десятковъ верстъ. Земледѣлецъ, переходя отъ перелога на трехполье, перестаетъ строить лѣтніе хутора-заимки за десятки верстъ отъ постояннаго жилья. При современномъ трехпольѣ у насъ участки, лежащіе ближе къ деревнѣ, всегда заняты болѣе высокими, трудоемкими культурами, лучше обработаны и удобрены; на дальнихъ поляхъ сохраняются отжившіе пріемы, сѣются болѣе грубые, сѣрые хлѣба. Наконецъ, переходъ на плодосмѣнъ не позволяетъ

удалять поля болѣе, чѣмъ на версту отъ усадьбы, иначе издержки на перевозку тяжестей (удобренія, урожаевъ), повышающіяся въ нѣсколько разъ, уже не покрываются валовымъ доходомъ. Мы собираемся подняться на слѣдующую ступень сельско-хозяйственной эволюціи,—для этого безусловно необходимо придвинуть землю ближе къ крестьянину въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ она слишкомъ удалена.

Приближеніе земли къ крестьянину возможно только путемъ разселенія большихъ деревень Разселеніе бываетъ единоличное и групповое Единственный видъ единоличнаго разселенія—хутора. Правительственные отчеты постоянно смѣшиваютъ хутора съ отрубами, но, какъ увидимъ дальше, отрубная система, несомнѣнно, представляетъ изъ себя разновидность группового разселенія. Хуторизація является самымъ радикальнымъ средствомъ уничтоженія не только вредной, но и всякой чрезполосицы Съ технической точки зрѣнія, хутора тамъ, гдѣ они возможны, почти идеальное совершенство. Мы говоримъ „почти", потому что и въ техническомъ смыслѣ хутора имѣютъ свои маленькія неудобства, напримѣръ, затрудненія при использованіи на мелкихъ хуторахъ крупныхъ машинъ: паровыхъ плуговъ и молотилокъ, которыя приходится таскать съ хутора на хуторъ. Все-таки хутора, въ смыслѣ приближенія земли къ крестьянамъ, являются наиболѣе идеальной формой землеустройства: но, какъ и всякій идеалъ ихъ устройство возможно далеко не вездѣ и не всегда.

Формы разселенія зависятъ отъ цѣлаго ряда различныхъ причинъ, въ томъ числѣ историческаго характера (какъ бывшая нѣкогда грозной опасность вражескихъ нашествій, остатки родового быта, или исторически сложившіяся привычки различныхъ національностей и расъ), но такого рода причины надо считать временными и измѣнчивыми Болѣе постоянны физико-географическія условія, опредѣляющія и формы, и размѣры поселеній; въ числѣ этихъ условій надо считать наиболѣе важными: 1) количество почвенныхъ водъ, 2) расположеніе естественныхъ угодій—земли, удобной для пашни, луговъ, выгоновъ, лѣса и пр Общеизвѣстно, что у насъ величина деревенскихъ поселеній растетъ съ сѣвера на югъ и юго-востокъ. Огромная разница между размѣрами поселеній въ черноземной полосѣ (Европейской Россіи) характеризуется такой табличкой:

Группы селеній по размѣрамъ:	Изъ 100 селеній находится въ полосѣ	
	не черноземной	черноземной
до 10 душъ об. п	63.0	37 0
10—100 „ „ „	78.5	21.5
100—500 „ „ „	67,9	32,1
500—5 т. „ „ „	23,3	76,7

Въ черноземной полосѣ большинство сельчанъ тѣснится въ селахъ, имѣющихъ болѣе 500 душъ, и главная причина этой разницы въ величинѣ селеній черноземной и нечерноземной полосы лежитъ въ природныхъ условіяхъ обѣихъ полосъ. Эти условія отражаются и на крестьянскихъ, и на владѣльческихъ земляхъ. Если вы развернете недавно изданный отчетъ крестьянскаго банка по покупкѣ и продажѣ земель за 1906—10 гг. и всмотритесь въ приложенные о б р а з ц о в ы е планы имѣній, разверстанныхъ на хутора и отруба, то вы сразу увидите, какая огромная разница въ распланировкѣ естественныхъ угодій и водъ существуетъ у насъ между нечерноземной и черноземной полосой. Въ первой планы такъ и пестрятъ всѣми красками: тутъ оранжевый кусочекъ пашни, рядомъ синее озерко, рѣчка, за ними зеленый лужокъ, а возлѣ него маленькая рощица. Понятно, какъ легко разбить эти участки на хутора и нарѣзать каждому хутору по куску нужнаго угодья. А взгляните на планы черноземной полосы: однотонная оранжевая краска пашни покрываетъ весь планъ; на краю его тоненькая жилка какой-нибудь рѣки, вдоль рѣки — длинная и узкая полоса заливныхъ луговъ, и больше ничего—ни озера, ни рощи. Какъ въ такихъ условіяхъ нарѣзать хутора, когда даже большимъ деревнямъ ихъ надѣлы отмежевывались „холстами“, перпендикулярно къ водянымъ артеріямъ, именно потому, что иначе зачастую невозможно было выдѣлить всѣ нужныя угодья и дать доступъ къ водѣ.

Намъ скажутъ: зачѣмъ естественныя угодья, когда ихъ можно замѣнить искусственными, лугъ—сѣянной травой, выгонъ—просто излишенъ при стойловомъ содержаніи, вмѣсто рощицы пусть хуторянинъ насадитъ плодовый садъ Да, но пока онъ научится сѣять травы, его скотина, безъ кормовъ, успѣетъ передохнуть. Нарѣзка хуторовъ, сама по себѣ, удовлетворяетъ только о д н о м у изъ цѣлаго ряда условій, необходимыхъ для перехода къ интенсивному хозяйству: кромѣ приближенія крестьянина къ землѣ, для интенсификаціи нужно накопленіе капиталовъ, культуры и наглядный опытъ удачнаго примѣненія агрономическихъ познаній въ условіяхъ именно этой мѣстности, въ этомъ климатѣ и на такой же почьѣ. Накопленныхъ капиталовъ у массы населенія нѣтъ; знаній, а главное—выясненныхъ результатовъ долгихъ опытовъ нѣтъ не только у крестьянъ, но даже у агрономовъ, только недавно приступившихъ къ нимъ вплотную. Поэтому естественныя (особенно кормовыя) угодья долго будутъ составлять необходимый элементъ хуторского хозяйства, и гдѣ ихъ нѣтъ или они расположены большими, далеко отстоящими другъ отъ друга площадями,—тамъ невозможна нарѣзка хуторовъ въ одномъ кускѣ, и приходится пашню нарѣзать въ одномъ мѣстѣ, выгонъ—въ другомъ, сѣнокосъ—въ третьемъ, т. е. хуторизація теряетъ все свое значеніе.

Но естественныя угодья все же не такъ важны, какъ вода „Хуторское разселеніе всецѣло зависитъ отъ условій водоснабженія“—говоритъ никто иной, какъ П. А. Столыпинъ: безъ воды хутора абсолютно невозможны, а при маленькихъ колодцахъ, будутъ влачить жалкое существованіе въ болѣе или менѣе засушливыхъ мѣстностяхъ. Чѣмъ интенсивнѣе система земледѣлія, тѣмъ больше потребность въ водѣ, такъ какъ тѣмъ гуще и выше выростаютъ полевыя культуры, поглощающія почвенную влагу, и никакія знанія, никакой опытъ не могутъ замѣнить воды. Хуторизація, безъ достаточнаго орошенія, возможна въ сухихъ районахъ только на большихъ площадяхъ и при чисто зерновомъ (или выгонномъ), хищническомъ хозяйствѣ, которое черезъ нѣсколько лѣтъ, или, на лучшихъ почвахъ—черезъ нѣсколько десятилѣтій, истощаетъ землю, и приводитъ къ необходимости или переселиться на новыя мѣста, или создать гигантскую систему орошенія.

Итакъ, хуторская форма разселенія требуетъ двухъ непремѣнныхъ техническихъ условій: достаточнаго количества воды и комплекса необходимыхъ естественныхъ угодій. Третье условіе, зависящее уже не отъ природы, а отъ человѣка—дорожная сѣть. На обязанности землеустроительныхъ учрежденій лежитъ такая распланировка дорогъ, которая бы давала доступъ къ каждому хутору и сокращала до возможнаго минимума разстояніе отъ ближайшаго торговаго и культурнаго центра.

Если въ техническомъ отношеніи хуторизація, тамъ, гдѣ она возможна, представляетъ идеальную форму землеустройства, то въ экономическомъ и культурномъ смыслѣ она страдаетъ довольно значительными дефектами, главный изъ которыхъ—изолированность хуторского хозяйства и хуторской жизни вообще. Деревенскій житель находится въ постоянномъ общеніи съ людьми; на хуторахъ люди теряютъ и дурныя, и хорошія стороны этого общенія. Возможно, какъ говорятъ офиціозы, что сокращается пьянство, но, въ нашихъ условіяхъ, падаетъ и культурность населенія: уменьшается посѣщеніе не только кабаковъ, но и школъ и церквей. Сберегается трудъ, затрачиваемый при переѣздахъ съ полосы на полосу, но тратится излишнее время на поѣздки для покупки всякой нужной мелочи. Скотъ не гоняется за десятки верстъ на пастбище, но нужно отрядить члена семьи въ качествѣ пастуха. Уменьшаются доходы отъ того, что хуторяне не въ курсѣ колебаній цѣнъ и продаютъ „по нуждѣ“ скупщикамъ, пріѣхавшимъ къ нимъ, дешевле, чѣмъ на сосѣднемъ базарѣ. Сторонніе заработки падаютъ. Вообще изолированный хуторянинъ безпомощнѣе сельчанина при столкновеніи съ внѣшнимъ міромъ, а между тѣмъ, самый типъ хуторского хозяйства, въ связи съ грядущей интенсификаціей, дол-

женъ усилить роль обмѣна въ крестьянскомъ бюджетѣ, т. е увеличить связь хуторянъ съ внѣшнимъ міромъ. Возрастаетъ и сбытъ своихъ продуктовъ и покупка хозяйственныхъ предметовъ: тутъ и скажется потребность въ самыхъ разнообразныхъ кооперативахъ, организація которыхъ такъ же нужна интенсивному хозяйству, какъ и вода.

По этому поводу г. Бруцкусъ замѣчаетъ: „указываютъ, что при хуторскихъ разселеніяхъ... разобщенное населеніе дичаетъ, проникается чрезвычайнымъ индивидуализмомъ, между тѣмъ какъ сельско-хозяйственный прогрессъ настоятельно требуетъ объединенія сельскаго населенія въ кооперативы; жалуются, что хуторяне хуже посѣщаютъ школу и церковь. Какъ въ настоящее время считается общепризнаннымъ, всѣ эти возраженія имѣютъ значеніе лишь въ опредѣленныхъ условіяхъ, но на абсолютное значеніе претендовать не могутъ... Состоятельное сельское населеніе, при культурной помощи государства можетъ преодолѣть всѣ затрудненія, возникающія вслѣдствіе его разобщенія. Мы видимъ, что какъ разъ въ странахъ хуторскихъ разселеній, въ Даніи, Швеціи, Соединенныхъ Штатахъ въ Канадѣ, крестьянство достигло наивысшаго уровня культуры. Въ частности, датское крестьянство опередило крестьянство всѣхъ другихъ странъ прекрасной организаціей своихъ кооперативныхъ предпріятій. Эти факты вполнѣ достаточны для того, чтобы убѣдить насъ въ томъ, что возраженія культурнаго порядка противъ хуторовъ имѣютъ лишь условный характеръ“ *). Условія, сводящія къ нулю указанныя возраженія противъ хуторовъ—состоятельность и культурность крестьянъ и культурная помощь государства; этихъ условій у насъ пока нѣтъ, и прежде, чѣмъ разсаживать крестьянъ по хуторамъ, надо сдѣлать ихъ богатыми и культурными.

Послѣднее условіе для организаціи хуторовъ—наличность достаточнаго количества удобной земли. Всѣ перечисленныя сейчасъ страны хуторского разселенія — страны многоземельныхъ крестьянъ. На трехъ десятинахъ, исключая высококультурный типъ хозяйствъ (садъ, огородъ, виноградникъ), хутора завести нельзя: во 1-хъ, потому, что на такомъ клочкѣ не найдется всѣхъ нужныхъ естественныхъ угодій, во 2-хъ,— хуторское хозяйство изолировано, на сторонніе заработки оно не можетъ разсчитывать и всѣ средства для существованія должно добыть отъ земли. Поэтому minimum хуторского участка долженъ совпадать съ потребительной нормой, т. е. давать полное обезпеченіе крестьянской семьѣ. Даже г. Кофодъ для удачнаго примѣненія хуторского устройства находитъ необходимымъ

*) Бруцкусъ. „Землеустройство и разселеніе“. стр. 7.

„чтобы количество имѣющейся въ распоряженіи земли было достаточно для образованія такихъ хуторовъ. которые при данныхъ условіяхъ могли бы не только кормить нормальнаго состава семью въ теченіе круглаго года, но и давать ей постоянное занятіе, по крайней мѣрѣ, въ теченіе лѣтняго времени *), т. е. авторъ настаиваетъ не на потребительной, а даже трудовой нормѣ, и съ нимъ нельзя не согласиться, потому что прогрессирующій хуторянинъ не можетъ довольствоваться такимъ участкомъ, который бы обезпечивалъ ему только пропитаніе, но не давалъ излишковъ, необходимыхъ для дальнѣйшаго расширенія и улучшенія хозяйства „Самое серьезное препятствіе распространенію хуторского хозяйства, продолжаетъ г Кофодъ, встрѣтится, несомнѣнно, со стороны малоземелья. Не даромъ во всѣхъ районахъ разселенія въ Россіи говорятъ, что переходъ къ хуторскому хозяйству не помогаетъ малоземельнымъ, не даромъ законодательства скандинавскихъ странъ, поощряя разселеніе, позаботились о предоставленіи возможности малоземельнымъ оставаться въ селеніяхъ". Словомъ, массовое разселеніе на хутора у насъ, какъ и вездѣ, требуетъ „прирѣзки земли", которую съ такимъ негодованіемъ отвергло наше правительство

Послѣднее условіе — юридическаго характера: согласіе всѣхъ землевладѣльцевъ, интересы которыхъ затрагиваетъ хуторизація. При частной собственности и чрезполосицѣ какой-либо совладѣлецъ можетъ запротестовать противъ выдѣла своихъ земель къ одному мѣсту, и это обстоятельство требуетъ очень сложной и тонкой юридической организаціи

Вотъ 7 главныхъ условій, чтобы хуторизація могла осуществиться, окрѣпнуть и стать полезной для народа и государства три изъ нихъ техническаго характера—вода, комплексъ естественныхъ угодій, дорожная сѣть. три культурно-экономическаго свойства — состоятельность, культура и многоземелье Послѣднее условіе — юридическая возможность хуторизаціи Тамъ, гдѣ этихъ условій на лицо нѣтъ, европейскія правительства избираютъ менѣе радикальныя формы землеустройства Къ такимъ формамъ принадлежатъ·

1) Измѣненіе фигуры участка и регулированіе дорогъ, при чемъ число полосъ остается неизмѣннымъ. Этотъ видъ землеустройства полезенъ при путаницѣ полосъ, когда онѣ нарѣзаны не прямоугольниками, а кривыми или ломаными линіями, безъ доступа къ дорогамъ Путаница полосъ чаще бываетъ при частномъ землевладѣніи, и въ Европѣ много усилій посвящено ея исправленію.

*) Кофодъ. „Борьба съ чрезполосицей въ Россіи и заграницей" Изд. 2. стр 115

2) Неполное складываніе полосъ (коммассація) особенно выгодно въ пересѣченныхъ мѣстахъ и на разнокачественныхъ участкахъ, а также при узкополосицѣ. Складываніе полосъ облегчается групповымъ разселеніемъ, позволяющимо уничтожить дробленіе полосъ по разстоянію отъ усадьбы.

3) Полное складываніе полосъ—отрубная система, обычно связанная съ групповымъ разселеніемъ. Наши офиціозы, не знаемъ, умышленно, или нѣтъ, соединяютъ въ отчетахъ хутора и отруба. Но отруба это—не хуторъ, а деревня. Правда, эта деревня должна быть сравнительно небольшихъ размѣровъ, но тѣмъ не менѣе она все таки остается: дворы отрубной деревни стоятъ рядомъ и къ усадьбѣ каждаго двора примыкаетъ отрубъ его надѣла. Получается лучеобразное расхожденіе отрубовъ отъ усадьбы, какъ центра, къ периферіи полей. Если позволяютъ природныя условія, въ одинъ отрубъ включаются всѣ угодья; если нѣтъ—нарѣзаются отдѣльно отруба каждаго угодья, при чемъ пастбища, иногда сѣнокосы, сохраняются въ общемъ пользованіи, вплоть до перехода къ стойловому кормленію. При разнокачественности почвы и пашня нарѣзается въ 2—3 мѣстахъ, или призводится качественное уравненіе земель.

Система отрубовъ, сравнительно съ хуторской, во много разъ облегчаетъ задачу межеванія: дорожная сѣть сокращается, гидротехническія задачи упрощаются, исчезаетъ вопросъ объ угодьяхъ. Съ другой стороны, всѣ крупнѣйшіе недостатки чрезполосицы сводятся до minimum'а, и въ то же время земля достаточно приближается къ крестьянину, который остается въ обществѣ себѣ подобныхъ. Въ отвѣтахъ на анкету Московскаго Общества сельскаго хозяйства мы нашли такую замѣтку одного, повидимому, интеллигентнаго крестьянина. „лично мнѣ, измученному общественной неурядицей и земельной нуждой (у меня одинъ надѣлъ), во снѣ и на яву снится маленькій поселокъ въ нѣсколько домовъ на отрубной землѣ по 10—12 дес. на семью, гдѣ возможно полное соревнованіе въ хозяйственномъ отношеніи и неотчужденность человѣка отъ человѣка въ дѣлѣ личномъ".

Таковы главныя формы землеустройства· онѣ разбиваются на двѣ группы — единоличное и групповое, при чемъ къ единоличному мы причисляемъ только хутора, а три вида урегулированія чрезполосицы — выпрямленіе полосъ, неполное складываніе и отруба—представляютъ разновидности группового землеустройства, наиболѣе совершенной формой котораго является отрубная система.

Въ дальнѣйшемъ мы разсмотримъ, какъ, въ зависимости отъ наличности перечисленныхъ условій, видоизмѣняются эти формы въ Америкѣ, Европѣ и Россіи и какой типъ землеустройства практически насаждаетъ наше правительство.

Выше мы указали, что для раціональной организаціи хуторского хозяйства необходимы 7 главныхъ условій вода, разнообразіе естественныхъ угодій, дорожная сѣть, зажиточность и культурность крестьянъ, относительное многоземелье и, наконецъ, отсутствіе юридическихъ препятствій для размежеванія общинныхъ или подворно-чрезполосныхъ и частныхъ владѣній на хуторскіе участки. Въ зависимости отъ наличности или отсутствія этихъ условій, въ Америкѣ и Западной Европѣ нашли себѣ примѣненіе различныя формы землеустройства: хутора, отруба и простая коммассація (сверстка полосъ).

Хуторская система, въ самомъ чистомъ видѣ, проведена въ заокеанскихъ странахъ, не имѣвшихъ за плечами тысячелѣтней исторіи землевладѣнія Въ 1784 г. всѣ незаселенныя земли Соединенныхъ Штатовъ были признаны собственностью государства и, въ теченіе 100 лѣтъ, съ тѣхъ поръ, правительство отвело 750 мил. акровъ въ цѣляхъ колонизаціи. За это время на пріобрѣтеніе земель и землеустройство израсходовано 400 м. долларовъ *).

Общеизвѣстна система нарѣзки хуторовъ въ центрѣ и на западѣ Соединенныхъ Штатовъ. Площадь каждаго штата дѣлится на квадраты—townschip'ы (городскія округа) въ 36 кв. миль каждый; townschip дѣлится на 36 секцій, а секція—на 4 homestead'а, хуторскихъ участка по 60 десятинъ (160 акровъ) Прежде, чѣмъ колонизовать незаселенныя территоріи, американцы провели желѣзныя дороги, давшія возможность поселенцамъ сразу развернуть экстенсивную эксплуатацію земель не для собственнаго потребленія, а съ цѣлью продажи продуктовъ. Сложныя машины, только и примѣнимыя на большихъ площадяхъ, повысили производительность труда, и безъ того высокую, вслѣдствіе естественнаго плодородія почвы. Экстенсивныя системы земледѣлія безъ удобренія и крупныхъ меліорацій могли держаться только до тѣхъ поръ, пока земля не была истощена и пока подъ зерновыя культуры отводились не особенно значительныя части homestead'овъ. За 50 лѣтъ (1850—1900 гг.) площадь подъ фермами утроилась (съ 108,6 мил. дес. до 311,8 мил. дес.) и, сверхъ того, поднялся процентъ обработанной земли—съ 38,5% въ 1850 г. до 57,4% въ 1890 г. Если бы американцы были менѣе энергичнымъ и культурнымъ народомъ, ихъ земледѣліе пережило бы, въ результатѣ хищнической экстенсивной распашки полей, кризисъ, подобный европейскому и русскому кризису, послѣдовавшему за развитіемъ зернового трехполья. Намеки на такой кризисъ уже появились къ концу XIX в.; но американцы предупреждаютъ его усиленнымъ примѣненіемъ удобренія, улучшенныхъ способовъ обработки, и въ

*) Синельниковъ. „Работы по землеустройству въ Сѣверной Америкѣ". Спб. 1907 г.

болѣе засушливыхъ районахъ—устройствомъ гигантскихъ системъ оросительныхъ каналовъ. Въ 1889 г. этими каналами орошалось 1,3 милл. дес., въ 1899 г. 2,8 милл., а въ 1902—3,5—милл. дес. и на орошенной площади жило 2 милл. человѣкъ. Въ первое время орошеніе находилось въ рукахъ частныхъ акціонерныхъ компаній, а съ конца 1890-хъ гг. оно начинаетъ переходить къ администраціи штатовъ, и правительственный оросительный фондъ къ 1908 г. достигъ 37 мил. долларовъ. Большинство акціонерныхъ компаній теперь превратилось въ кооперативныя товарищества фермеровъ, обрабатывающихъ орошенныя земли *).

Если прибавить къ этому единственную въ мірѣ сѣть опытныхъ сельско-хозяйственныхъ учрежденій и метеорологическихъ станцій, то будетъ ясно, что Америка сумѣетъ избѣжать кризиса экстенсивнаго земледѣлія и совершитъ быстрый и безболѣзненный переходъ къ интенсификаціи.

По примѣру Соединенныхъ Штатовъ, страны самой послѣдней колонизаціи—Канада и Аргентина, вытѣсняющія теперь Соед. Штаты съ арены мірового хлѣбнаго рынка, завели такую же систему хуторовъ—homestead'овъ.

Европа, какъ и Россія, находилась въ совершенно иномъ положеніи: за океаномъ землеустройство предшествовало не только интенсификаціи, но и заселенію пустынныхъ областей; здѣсь же оно явилось однимъ изъ средствъ уничтожить вліяніе уже разразившагося кризиса экстенсивныхъ системъ и ускорить переходъ на болѣе высокую ступень сельско-хозяйственной культуры. Съ другой стороны, въ Европѣ уже тысячу лѣтъ вся земля была занята, феодальный строй уничтожилъ остатки древней волостной общины и заглушилъ зародыши уравнительно-передѣльнаго механизма; семейно-захватное право перешло въ частную собственность, и землеустроительнымъ начинаніямъ правительства пришлось пробивать себѣ дорогу сквозь густыя заросли частно-правовыхъ интересовъ. Въ зависимости отъ природныхъ условій и отъ политическихъ факторовъ—главнымъ образомъ, интересовъ господствующихъ классовъ,—землеустройство разныхъ странъ западной Европы было различнымъ. Въ Англіи оно тянулось 600 лѣтъ параллельно съ съ огораживаніемъ и захватомъ крестьянскихъ полей и закончилось превращеніемъ почти всей земли въ собственность крупныхъ владѣльцевъ, которые разрѣзали ее на довольно большіе хутора и стали сдавать въ аренду фермерамъ. На континентѣ Европы хуторская система развилась на сѣверѣ—въ Голштиніи, Швеціи, Даніи (въ XVI—XVIII вв.); черезъ Швецію она пере-

*) Рутченко. „С.-хоз. и землеустройство въ Соед. Штатахъ". См также Саловъ· „Земледѣліе — главная основа благосостоянія Россіи". Спб. 1909 г.

бросилась въ нашу Финляндію Въ Прибалтійскомъ краѣ, какъ и въ Англіи, хутора созданы помѣщиками

Распространеніе хуторовъ на сѣверѣ объясняется благопріятными природными условіями· обиліемъ водъ, разнообразіемъ естественныхъ угодій. Третье необходимое условіе—относительное многоземелье: большинство крестьянскихъ хозяйствъ въ этихъ странахъ имѣютъ площадь въ 20—100 гектаровъ.

Въ остальной западной Европѣ, если исключить гористыя мѣстности, преобладала деревенская форма поселеній съ неизбѣжной чрезполосицей. Первыя попытки землеустройства (если не считать альгаусскаго движенія, окончившагося безрезультатно) были сдѣланы въ XVIII в. въ Пруссіи и нѣкоторыхъ другихъ германскихъ государствахъ. Тогда, по словамъ проф. Лучицкаго, еще „была сильна вѣра въ могущество мѣръ и убѣжденіе, что правительство все можетъ сдѣлать“ *). Въ Пруссіи помѣщики вводили выгонную мекленбургскую систему, которой препятствовала чрезполосица ихъ владѣній съ крестьянскими,—отсюда у правительства явилась тенденція къ уничтоженію общины. „Для пользы страны, для развитія земледѣлія и увеличенія количества скота“, Фридрихъ Великій повелѣлъ подлежащимъ властямъ энергично взяться за уничтоженіе общинныхъ земель, сначала „путемъ увѣщаній и основательныхъ представленій“. Когда увѣщанія не помогли, король провозгласилъ: „Отнынѣ всѣ общинныя земли и пользованія, равно какъ и чрезполосица... объявляются отмѣненными и подлежащими разверстанію“. Этотъ указъ вышелъ въ 1781 г., но и онъ не далъ особенныхъ результатовъ. Уже послѣ смерти короля Фридрихъ Вильгельмъ III пытался было снова поднять вопросъ о землеустройствѣ, но неудачно Въ 1821 г., подъ вліяніемъ ученія Тэера и въ связи съ освободительной реформой, издается „положеніе о раздѣлѣ общихъ пользованій“, похожее на нашъ теперешній законъ, по которому каждый членъ общины имѣлъ право требовать выдѣла своего участка, при чемъ не нужно было даже доказательствъ, что этотъ выдѣлъ не будетъ вреденъ остальнымъ сочленамъ. Но уже въ 1838 г. это право ограничивается согласіемъ $^1/_4$ части совладѣльцевъ, въ 1847 г. запрещено дѣлить общинныя земли, служащія для покрытія расходовъ самой общины, въ 1881 г. прекращенъ раздѣлъ общинныхъ лѣсовъ, а въ 1885 г. для разверстанія требуется согласіе владѣльцевъ половины площади Аналогичное требованіе выставляется и въ Австріи, гдѣ землеустройство началось въ 1883 г.

Такъ прусская землеустроительная политика, наиболѣе радикальная въ Европѣ, шагъ за шагомъ сдавала свои позиціи, принимая все болѣе мягкія формы, становясь все болѣе осто-

*) Лучицкій. „Раздѣлъ общинныхъ земель въ Германіи XVIII в.“ В. Евр 1909 г. № 7.

рожной и соотвѣтствующей интересамъ большинства. Теперь даже прусское землеустройство все чаще сводится только къ улучшенію дорожной сѣти, гидротехническимъ мелiораціямъ и неполному складыванію полосъ. За 1874—83 гг. въ Пруссіи было разверстано 424 тыс. гектаровъ, принадлежавшихъ 173 тыс. влад.; до разверстанія у нихъ было 1602 тыс. полосъ—по 9,3 полосы на 1 владѣльца, послѣ—382 тыс.—по 2,2 пол. Въ Австріи, къ концу 1907 г. окончательно оформлено разверстаніе только 101,2 тыс. гектаровъ (у 28,5 тыс. хоз.)

Еще осторожнѣе производятъ разверстаніе южно-германскія государства. Главное вниманіе ихъ обращено не на межеваніе и сверстку полосъ, а на гидротехнику и дороги. „Коренным принципомъ западнаго землеустройства стало положеніе, что земельныя владѣнія должны размѣщаться на основѣ гидротехнической и дорожной сѣти, а не эта сѣть приспособляться къ очертаніямъ владѣній“ Орошенію и осушенію стали придавать „въ послѣднее время на Западѣ чрезвычайно крупное значеніе. Это находится въ связи съ успѣхами агрикультурныхъ наукъ, выяснившими чрезвычайно важную, почти первенствующую роль для земледѣлія урегулированія почвенной влаги“ *). Вслѣдствіе этого, въ Баденѣ, въ 1905 г землеустройство произведено всего на 83 тыс гектаровъ, да и то, въ большинствѣ случаевъ, чрезполосица не уничтожена, а только уменьшена. „При сильномъ различіи хозяйственныхъ условій въ различныхъ частяхъ дачи (почва, влажность, родъ угодій, рельефъ мѣстностей) интересы владѣльцевъ будутъ только тогда удовлетворены, если новое владѣніе нарѣзано имъ не въ одномъ отрубѣ, и въ нѣсколькихъ мѣстахъ“. Теперь на 1 владѣльца въ Баденѣ приходится, въ среднемъ, 5 участковъ Вообще западное землеустройство, за послѣднее время, стало осторожнымъ, гибкимъ, приспособленнымъ ко всѣмъ особенностямъ мѣстнаго хозяйства и землевладѣнія, а потому и чрезвычайно разнообразнымъ. „Чрезвычайный партикуляризмъ западнаго землеустройства, столь затрудняющій его изученіе, могъ бы служить блестящимъ доказательствомъ, въ какой сильной степени землеустройство должно быть согласовано съ мѣстными условіями и особенностями землевладѣнія“

Этой моралью мы закончимъ нашу коротенькую экскурсію въ страны болѣе высокой культуры Перейдемъ къ нашей родинѣ.

Прежде чѣмъ правительство приступило къ осуществленію своей землеустроительной программы, на западѣ Европейской Россіи, кромѣ царства Польскаго и Прибалтійскаго края, образовалось уже нѣсколько (11) самостоятельныхъ районовъ хуторского разселенія въ Витебской, Ковенской, Гродненской, Смолен-

*) Хауке „Баденскій законъ объ улучшеніи устройства полей“ Журн. м-ва юстиціи. 1909 г №№ 5–6

ской, Могилевской и Волынской губ. По подсчету Кофода, къ 1904 г. въ этихъ районахъ разверсталось на хутора 19.540 дворовъ по 9,3 дес. каждый. Съ тѣхъ поръ изслѣдователи открыли еще новые естественные районы въ Псковской, С.-Петербургской и Смоленской губерніяхъ. Такимъ образомъ, если не считать Волынскаго Полѣсья *), естественное движеніе крестьянъ на хутора проявилось у насъ въ сѣверо-западномъ углу Россіи. Мы сразу натолкнемся на главную причину этого явленія, если всмотримся въ данныя о среднихъ размѣрахъ поселеній: по всеобщей переписи, они не превышаютъ здѣсь 50—60 человѣкъ, но и эти цифры, по мнѣнію Билимовича, преувеличены, такъ какъ нѣсколько хуторовъ или мелкихъ поселковъ, при производствѣ переписи соединялись въ одно населенное мѣсто **). Небольшіе размѣры поселеній обусловлены цѣлымъ комплексомъ природныхъ особенностей, описаніе которыхъ мы находимъ въ прекрасной работѣ по изслѣдованію хуторовъ Псковской губ. ***). „Если во многихъ мѣстностяхъ средней и южной Россіи сама природа какъ бы противится образованію мелкихъ хуторскихъ поселеній, то здѣсь, въ Псковской губ., ихъ возникновеніе является логическою необходимостью, результатомъ цѣлаго ряда условій, какъ естественно-историческихъ, такъ и культурно-правовыхъ. Значительная часть Псковской губ. отличается холмистымъ рельефомъ... Холмы небольшіе, изрѣзанные глубокими логами. Благодаря такой изрѣзанности, псковскія деревни разселились весьма дробно и, въ большинствѣ случаевъ, состоятъ изъ очень небольшого числа дворовъ". Еще меньше размѣры разселившихся деревень:

Среднее число дворовъ на 1 селеніе.

	Вообще по уѣзду.	Въ селеніяхъ, разбившихся на хутора.
Псковскій	13	7
Островскій	10	5
Холмскій	8	7

*) По словамъ Ярошевича, въ „полѣсскихъ мѣстностяхъ хуторское разселеніе, находясь въ полномъ согласіи съ привычками населенія, опирающимися на условія мѣстности, представляетъ простое и естественное приспособленіе къ этимъ условіямъ и имѣетъ серьезные шансы для своего развитія". Въ южной части Волыни и Кіевщины, — въ области свекло-сахарнаго хозяйства,—малолѣсистыя и маловодныя равнины, сильное малоземелье представляютъ непреодолимыя преграды для хуторизаціи, и здѣсь возможна лишь комасація (неполное складываніе) полосъ (См. „Очерки экономической жизни Юго-западнаго края, в. I. „Къ освѣщенію хуторскаго вопроса").

**) Билимовичъ, А. „Разборъ положенія о землеустройствѣ". Стр. Кіевъ 1910 г.

***) Хуторскія разселенія на надѣльныхъ земляхъ Псковскаго, Островскаго и Холмскаго у., Псковской губ. по изслѣдованію 1907 г. Псковъ. 1909 г.

Но и въ маленькихъ деревняхъ поля рѣдко находятся въ одномъ кускѣ: очень часто каждое изъ трехъ полей такой деревни состоитъ изъ нѣсколькихъ распаханныхъ бугорковъ, раздѣленныхъ между собой сырыми, извилистыми покосами. Отсюда—невѣроятная чрезполосица, изъ года въ годъ усиливающаяся, благодаря семейнымъ раздѣламъ. Мелко-и многополосица увеличивается пестротой почвъ и ширина полосъ доходитъ до $^3/_4$ аршина.

„Тѣ же природныя условія, создающія столько неудобствъ для общинно-чрезполоснаго хозяйства, крайне благопріятствуютъ хуторскимъ разселеніямъ. Множество ручейковъ и рѣчекъ и близость подпочвенной воды позволяютъ псковскому крестьянину устроить усадьбу почти на любомъ мѣстѣ своего надѣла, а расположеніе пашни „шматками“ крайне облегчаетъ удобное раздѣленіе надѣльной земли на мелкія владѣнія. При этомъ каждое изъ нихъ, обмежеванное въ одномъ кускѣ, легко снабжается главными сельско-хозяйственными угодьями. Однимъ словомъ, задача раздѣленія псковскихъ деревень на хутора столь же проста, сколь сложна и мало выполнима та же задача въ средней Россіи, съ ея громадными деревнями, сплошными, тянущимися на нѣсколько верстъ пашнями, съ рѣдкими рѣчками и ручейками“.

Кромѣ природы, хуторской системѣ помогаетъ отсутствіе передѣльной общины. Въ 6 уѣздахъ Псковской губ. 71,0% общинъ вовсе не передѣлялись съ освобожденія крестьянъ, въ 16,6% общинъ передѣльный механизмъ дѣйствуетъ слабо или вовсе замеръ и только въ 12,4% функціонируетъ исправно. Господствующій типъ землевладѣнія—ревизско-наслѣдственный. Такія мертвыя общины не имѣютъ преимуществъ общинъ живыхъ, а, наоборотъ, обладаютъ въ увеличенномъ масштабѣ главнымъ ихъ недостаткомъ: крайней дробностью и путаницей полосъ, порождающей самую тѣсную зависимость и связанность хозяйствъ. Эта неустойчивая, неопредѣленная форма землевладѣнія, по словамъ изслѣдователей, „рано или поздно должна была уступить какому-нибудь иному, болѣе прочному образованію“. Она могла перейти или въ хуторскую форму или въ форму живой передѣльной общины. И псковскіе крестьяне пошли по обоимъ путямъ, при чемъ, до закона 9-го ноября, возрожденіе общинно-передѣльнаго механизма происходило гораздо чаще, чѣмъ переходъ на хутора. Почти всѣ живыя общины впервые приступили къ передѣламъ за послѣднія 12 лѣтъ передъ изслѣдованіемъ; на хутора перешли только 54 общины. И, кто знаетъ, не воскресла ли бы въ Псковской, какъ и въ другихъ губерніяхъ, община, если бы ея возрожденіе не убилъ въ зародышѣ новый аграрный законъ.

Теперь перенесемся съ сѣверо-западнаго угла Европейской Россіи въ противоположный уголъ—въ юго-восточную Самарскую

губ. Тамъ вѣдь тоже до закона 9 ноября были хутора, хотя возникшіе не вполнѣ самостоятельно, а частью, при воздѣйствіи правительства, дѣлавшаго, начиная со временъ Екатерины, то тутъ, то тамъ слабыя и разрозненныя попытки хуторизаціи. Въ числѣ этихъ попытокъ было устройство такъ называемыхъ „семейныхъ участковъ", въ Самарской и Ставропольской губ., относящееся къ 1840-мъ гг. Каждому семейству давались нарѣзанные отрубами участки въ 40 дес., очень крупная, по тому времени, субсидія въ 95—140 рублей, сѣмена на посѣвъ и хлѣбъ на продовольствіе. Кое-гдѣ были выстроены дома; пашня разбита на 8 полей (2 яровыхъ и 6—подъ залежью). Къ настоящему времени всѣ отруба раздробились, создалась отчаянная чрезполосица, 8-миполье смѣнилось трехпольемъ. Засухи доканали крестьянъ, и множество ихъ распродало свои участки меннонитамъ и разбрелось, кто куда.

Другой опытъ, значительно позже, былъ произведенъ удѣлами въ Николаевскомъ уѣздѣ: удѣльная администрація сдавала нарѣзанные хуторами участки въ долгосрочную аренду поселенцамъ, спеціально вызваннымъ изъ центра Россіи. Теперь большинство арендаторовъ разбѣжалось, частью на родину, частью въ Сибирь; освободившіеся участки снимаются сосѣдями-крестьянами, живущими въ деревняхъ. Главная причина бѣгства — „в о д я н о й г о л о д ъ". „Удѣльное вѣдомство съ самаго начала не приняло достаточно рѣшительныхъ мѣръ къ обезпеченію своихъ арендаторовъ водой, а самостоятельно только немногіе изъ послѣднихъ справились съ этой задачей и то далеко не всегда" *). Затѣмъ наступили неурожаи: устроивши кое-какія мазанки, арендаторы, вопреки контрактамъ, обусловливавшимъ улучшенные пріемы, стали подражать сосѣднимъ сельчанамъ въ хищнической эксплуатаціи земли. Истощенная почва, когда начались засухи, совсѣмъ отказалась давать хлѣбъ: крестьяне продали свой домашній скарбъ, проѣли продовольственную и сѣменную ссуды и разбѣжались.

Гораздо удачливѣе были нѣмцы-колонисты, особенно меннониты. Они сразу во многихъ мѣстахъ перешли на хутора, хотя на отведенныхъ имъ земляхъ были участки, удобные для деревенскихъ усадебъ; впрочемъ, они поставили свои дворы не посрединѣ участковъ, а вытянули ихъ въ одну улицу по краямъ. Колодцы, устроенные казной, оказались негодными — они вырыли свои. Меннонитское хозяйство въ настоящій моментъ является наиболѣе интенсивнымъ въ Самарской губ.: урожаи у нихъ значительно выше не только крестьянскихъ, но и помѣщичьихъ; и въ этомъ засушливомъ районѣ, гдѣ при экстенсив-

*) См. „Подворное и хуторское хозяйство въ Самарской губ.". Опытъ агрономическаго изслѣдованія. Т. I Самара, 1909 г.

номъ хозяйствѣ годы высокихъ урожаевъ чередуются съ годами голодовокъ, у нихъ колебанія урожаевъ, сравнительно, не велики. Почему же русскіе хуторяне погибли, а меннониты процвѣли? Ларчикъ открывается очень просто: у меннонитовъ, въ среднемъ, 93 десятины на семью — въ 3 раза болѣе, чѣмъ у государственныхъ крестьянъ, и въ 18 разъ болѣе, чѣмъ у дарственниковъ. Меннониты обладали порядочными капиталами, когда пришли сюда, и теперь на единицу площади у нихъ больше капитала, чѣмъ у помѣщиковъ и крестьянъ. Они принадлежатъ къ наиболѣе культурнымъ слоямъ сельскаго населенія Наконецъ, они освобождены отъ воинской повинности. Словомъ, всѣ главныя условія, перечисленныя выше для процвѣтанія хуторовъ, у нихъ на лицо: они подходятъ подъ типъ американскихъ фермеровъ ближайшихъ къ западу районовъ, развѣ только, благодаря худшимъ путямъ сообщенія, хозяйство ихъ не такъ приспособлено для сбыта, какъ у американцевъ. Обладая денежными капиталами, меннониты не допускаютъ дробленія земли при наслѣдованіи, а снабдивъ выдѣляющіяся семьи деньгами, посылаютъ ихъ покупать земли въ мѣстностяхъ, гдѣ онѣ еще дешевы. Не всѣ меннониты Самарской губ. таковы: труженики земли, безъ замѣтной эксплуатаціи наемнаго труда. Описанный типъ хозяйствъ распространенъ въ Новоузенскомъ уѣздѣ. Въ Самарскомъ уѣздѣ они уже стали на линію форменныхъ помѣщиковъ, сами заняты лишь надзоромъ за батраками-татарами, и земледѣліе у нихъ поставлено значительно хуже: вмѣсто новоузенскаго пяти-полья, у нихъ обычное трехполье, изрѣдка четырехполье, и засухи отражаются гораздо рѣзче на урожайности. Въ этомъ уѣздѣ у меннонитовъ произошла концентрація землевладѣнія. много хозяевъ ушло въ другія мѣста, оставшіеся прибрали ихъ земли себѣ, такъ что почти половина описанныхъ 64 хозяйствъ имѣетъ болѣе 100 дес., а 7—свыше 200. Эти меннониты, получившіе 9 тыс. дес. отъ казны, давшей имъ столько земли въ надеждѣ, что они создадутъ образцовыя хозяйства, не создали ничего, достойнаго подражанія.

Въ другихъ нѣмецкихъ колоніяхъ хуторяне пошли въ обратную сторону—д р о б л е н і я земли и хозяйство ихъ, сплошь и рядомъ, опустилось до уровня средне-крестьянскаго. Общій выводъ изслѣдователей хуторовъ Самарской губ. таковъ: „одна форма единоличнаго владѣнія землей оказывается безсильной создать хозяйство типа, экономически раціональнаго въ данныхъ условіяхъ“.

Были и другіе опыты, но и этихъ достаточно, чтобы показать, что для правительства, приступавшаго къ хуторизаціи, землеустройство не было совершенно неизвѣстной областью. эти опыты повторяютъ опытъ западной Европы и Америки, указывая, что для правильнаго устройства хуторовъ необходимъ комплексъ перечисленныхъ выше условій, изъ которыхъ главныя

даются природой: обиліе водъ и разнообразіе естественныхъ угодій. Въ степныхъ областяхъ, съ однообразной, годной только для пашни и выгона почвой, хутора возможны только крупныхъ размѣровъ, подобные американскимъ homestead'амъ и хуторамъ меннонитовъ въ 94 — 100 дес., при чемъ хозяева этихъ хуторовъ должны быть состоятельны и культурны.

Воспользовалось ли правительство этими опытами?..

Правительственное землеустройство дѣлится по видамъ землевладѣнія: 1) на землеустройство въ частныхъ имѣніяхъ, перешедшихъ къ крестьянскому банку и купленныхъ черезъ его посредство и 2) на землеустройство надѣльныхъ земель, производимое землеустроительными комиссіями. Отчеты крестьянскаго банка гораздо полнѣе, точнѣе, разностороннѣе отчетовъ землеустроительныхъ комиссій, и по нимъ легче установить тотъ обликъ, который принимаетъ аграрная реформа въ дѣйствительности

Послѣ революціи крестьянскій банкъ стремится провести начала единоличнаго землеустройства въ обоихъ видахъ своихъ операцій при продажѣ собственныхъ земель и при посредническихъ сдѣлкахъ. Въ болѣе или менѣе широкомъ масштабѣ землеустроительную политику ему удается провести съ 1908 г.

	Число десятинъ (въ тысяч.), купленныхъ крестьянами								
	Изъ имѣній банка.			Черезъ посредство банка у помѣщиковъ.			Итого		
	Въ единоличн. влад.	О-вами и товарищ.	% единол. покупокъ	Въ единоличн. влад.	О-вами и товарищ.	% единол. покупокъ	Въ единоличн. влад.	О-вами и товарищ.	% единол. покупокъ.
1906 г. . . .	1,2	38,0	3,1	7,0	476,5	1,4	8,2	515,5	1,6
1907 г. . . .	4,6	175,6	2,6	12,0	740,6	1,6	16,6	915,2	1,8
1908 г. . . .	126,0	198,9	38,8	26,3	667,8	3,8	152,3	886,7	14.9
1909 г. . .	432,5	118,8	78,5	70,2	605,6	10,4	502,7	724,4	41.0
1910 г. *) . .	710,8	52,3	93,2	153,9	632,6	19,6	864,7	684,9	55 8
Итого. . .	1275,1	583,6	68,6	269,4	3123,2	7,9	1544,5	3706,7	29,4

Полтора слишкомъ милліона десятинъ, проданныхъ въ единоличное владѣніе, — таковъ огульный результатъ землеустроительной политики банка за истекшее пятилѣтіе. Непосредственно у банка пріобрѣло 1275,1 тыс. дес. 101,1 тыс. дворовъ. Сверхъ того, запродано хуторами и отрубами къ янв. 1911 г. 60 тыс. дворовъ 886 тыс. дес.; наконецъ, по посредническимъ сдѣламъ 269 тыс. дес. пріобрѣло 25 тыс. дворовъ. Такимъ образомъ, считая проданную и запроданную землю, банкъ насадилъ къ 1911 году 186 тыс. хуторянъ и отрубниковъ на площади въ 2441 тыс. дес.

*) Данныя за 1910 г подсчитаны по трехмѣсячнымъ предварительнымъ итогамъ.

За послѣднее время банкъ пытается (на основаніи правилъ 20 февраля и 3 іюня 1909 г.) распространить единоличное землеустройство не только на земли, переходящія теперь къ крестьянамъ по посредническимъ сдѣлкамъ, но и на земли, перешедшія раньше въ собственность обществъ и товариществъ. Но пока дѣятельность банка въ этомъ отношеніи еще слаба: за 1906—10 гг. на частновладѣльческихъ и товарищескихъ крестьянскихъ земляхъ нарѣзано и выдѣлено 8,9 тыс. хуторовъ и отрубовъ съ площадью въ 96,4 тыс. дес. Повидимому, банкъ собирается приступить вплотную къ этимъ операціямъ съ 1911 г., что позволитъ сдѣлать ему армія землемѣровъ, освобождающаяся послѣ почти законченнаго размежеванія банковскихъ земельныхъ запасовъ.

Изъ этихъ цифръ видно, что землеустроительная дѣятельность банка даетъ картину непрерывнаго развитія вглубь и вширь, по быстротѣ единственнаго въ Европѣ. Но, вотъ вопросъ: какой типъ землеустройства культивируется банкомъ? дѣйствительно ли, какъ полагаетъ широкая публика, банкъ насаждаетъ всюду хутора, тогда какъ мы только что утверждали, что насажденіе мелкихъ хуторовъ во многихъ районахъ Россіи—безнадежное дѣло? Отвѣтъ на этотъ вопросъ даютъ отчеты крестьянскаго банка, болѣе откровенные, чѣмъ отчеты землеустроительныхъ комиссій: изъ нихъ мы узнаемъ, что банкъ насаждаетъ не одинъ, а два вида землеустройства—хутора и отрубные поселки и что площадь подъ отрубами второе превышаетъ нарѣзанную хуторами. По отдѣльнымъ областямъ, проданныя и запроданныя по 1 іюля 1910 г. банкомъ въ единоличное владѣніе земли распредѣляются такъ:

Изъ 100 дес. единол. владѣнія продано и запродано.

	Хуторами.	Отрубами
Сѣверо-западъ: Бѣлоруссія, Литва, Прибалтійскій край	86,9	13,1
Промышлен. центръ: Пріозерн. и Московск. районы	67,2	32,8
Западная и восточная Малороссія . . .	21,0	69,0
Югъ и юго-востокъ (Нижнее Поволжье, Новороссія)	18,8	81,7
Земледѣльческій центръ и Среднее Поволжье	16,3	83,7
Сѣверъ, сѣверо-востокъ	11,7	88,3
Итого 50 губ. Европейской Россіи . .	26,3	73,7

Табличка эта вполнѣ подтверждаетъ наши предпосылки: только въ двухъ областяхъ сѣверо-запада и промышленнаго центра хутора преобладаютъ надъ отрубами; уже на юго-западѣ на одну десятину, нарѣзанную хуторами, приходится двѣ десятины отрубовъ, а въ земледѣльческомъ центрѣ и на юго-востокѣ отрубной типъ землеустройства превышаетъ хуторской въ 5—6 разъ. Отсюда очевидно, что даже банковскіе земле-

устроители уступаютъ природнымъ условіямъ и проводятъ отрубную систему въ тѣхъ районахъ, въ которыхъ хутора были бы гибельны для крестьянскихъ покупателей На сѣверѣ и сѣверо-востокѣ хуторовъ еще меньше: но здѣсь, вѣроятно, главную роль играетъ не отсутствіе воды и однообразіе угодій, а непривычка населенія, неприспособленнаго, въ условіяхъ сурового климата, при почти полномъ бездорожьи, жить изолированно въ глухихъ лѣсахъ. Поэтому можно думать, что и въ Сибири, куда направилъ свои взоры П. А Столыпинъ послѣ своей поѣздки, врядъ ли будетъ осуществлена хуторизація въ чистомъ видѣ.

Какъ вліяетъ расположеніе угодій на тотъ или другой видъ землеустройства, ясно изъ слѣдующей таблички, гдѣ банковскія имѣнія расположены по проценту пахотныхъ земель.

Изъ 100 дес продано и запродано.

	Хуторами.	Отрубами.
Въ губерніяхъ въ которыхъ пашня въ банковскихъ имѣніяхъ составляетъ менѣе 30%	76,3	25,7
„ отъ 30—60%	33,7	66,2
„ свыше 60%	18,2	81,8

Частныя владѣнія вообще отличаются гораздо большимъ разнообразіемъ угодій, чѣмъ крестьянскіе надѣлы, во многихъ мѣстахъ распаханные почти сплошь: поэтому можно думать, что хуторизація надѣловъ—операція еще болѣе трудная и не цѣлесообразная Тѣмъ не менѣе, ревизоры м-ва внутреннихъ дѣлъ упрекаютъ банковскихъ землемѣровъ въ томъ, что они подаютъ дурной примѣръ для надѣльнаго землеустройства Такъ, въ Пензенской губ. ревизія нашла, что „какъ почти повсемѣстно и здѣсь на внутринадѣльное землеустройство оказалъ большое вліяніе порядокъ ликвидаціи банковскихъ земель съ преобладающимъ поселковымъ устройствомъ, неизбѣжными выгонами и нарѣзками отрубовъ довольно длинной формы, разсчитанными на сохраненіе трехполья“. Въ Симбирской губ. „ликвидація земель крестьянскаго банка мало была согласована съ землеустроительными заданіями. Во всякомъ случаѣ, здѣсь получила наибольшее поселково-отрубная система, проведенная въ ущербъ образованію хуторовъ, которыхъ нарѣзано менѣе 10% всѣхъ участковъ: при этомъ отруба располагаются съ такимъ разсчетомъ, чтобы былъ обезпеченъ общій сѣвооборотъ· всегда отводятся особые выгоны, иногда изъ пахотныхъ земель“, Отрубные поселки достигаютъ иногда 60—70 дворовъ, благодаря чему пашня удалена отъ усадьбы на значительное разстояніе: цѣлый рядъ отрубовъ тянется узкими лентами, а крайніе находятся на разстояніи трехъ верстъ отъ двора *)

*) См „Извѣстія Земскаго Отдѣла“ 1909 г № 1.

Хутора, устраиваемые банкомъ, далеко не всегда представляютъ изъ себя обособленные, замкнутые квадраты, на которыхъ крестьянинъ могъ бы найти всѣ нужныя ему угодья Кромѣ того, что форма хуторскихъ площадей часто удлинена иногда изломана въ нѣсколькихъ мѣстахъ, сѣнокосы и выгоны и на отрубахъ, и на хуторахъ сплошь и рядомъ отводятся въ особыхъ мѣстахъ въ общее владѣніе нѣсколькихъ дворовъ. Мы не будемъ брать 1907—1908 гг., когда гг землеустроители, по ихъ собственному признанію, были еще плохо „напрактикованы". Но вотъ данныя двухъ послѣднихъ лѣтъ.

	Продано и запродано (тыс дес.)		Въ общее владѣніе при хуторахъ и отрубахъ (выгонъ и другія угодья)
	Хуторами	Отрубами.	
1909 г	195 1	625,3	28,6
1910 г.	389 9	1084,5	106.6

Ростъ насаждаемой самимъ банкомъ площади общественныхъ владѣній зависитъ, быть можетъ, оттого, что вначалѣ пускались имѣнія, наиболѣе годныя для нарѣзки обособленныхъ хуторовъ· теперь запасъ ихъ истощился, и во вторую очередь идутъ имѣнья, гдѣ волей-неволей приходится отводить довольно значительную площадь общихъ пользованій.

Но это еще не послѣднее уклоненіе банковскаго землеустройства отъ правительственнаго плана. И хуторъ, и отрубъ имѣютъ цѣлью реорганизацію крестьянскаго хозяйства. Эту свою миссію они выполняютъ только тогда, когда крестьянинъ поселяется на нихъ. Если же онъ остается въ деревнѣ и ведетъ хуторское хозяйство „наѣздомъ", какъ его предки вели въ московскую эпоху и какъ теперь крестьяне ведутъ на купленныхъ или взятыхъ въ аренду участкахъ, то понятно, что изъ такой хуторизаціи не получится ни сельско-хозяйственнаго прогресса, ни единоличнаго землеустройства, а только разовьется чрезполосица владѣній, во многихъ случаяхъ еще болѣе вредная, чѣмъ существующая надѣльная. Въ 1909 г. банкъ продалъ въ единоличное владѣніе землю· 21,5 тыс дворовъ съ переселеніемъ и 17,1 дв.—безъ переселенія на купленные участки; въ 1910 г. изъ 38,1 тыс. хозяевъ, купившихъ отрубные участки, безъ переселенія пріобрѣло 25,5 тыс., съ переселеніемъ—12,6 тыс.—только одна треть. Кромѣ того, многіе, купившіе съ переселеніемъ, не переселяются и банкъ долженъ, входя въ положеніе крестьянъ, да и изъ своихъ финансовыхъ соображеній, смотрѣть на это сквозь пальцы Конечно, можетъ. быть, потомъ переселятся не только тѣ, кто взялъ на себя

такое обязательство, но и добровольцы, но можетъ быть и обратное—уже переселившіеся уйдутъ, убѣдившись въ невозможности сносной жизни на новомъ мѣстѣ; такіе примѣры ужъ бывали. Правда, отчетъ банка констатируетъ, что „за послѣднее время учащаются случаи самостоятельнаго водворенія отрубниковъ на своихъ участкахъ. Для осуществленія переселенія нерѣдко выкапывается самими крестьянами колодецъ, а устроиство усадьбы производится постепенно, по бревнышку“ *). Но эта умилительная картина, рисующая хуторянина въ образѣ слабой птички, строющей теплое гнѣздо, нося по соломинкѣ, обнажаетъ предъ нами новые дефекты землеустройства, являющіеся главной причиной, почему крестьяне такъ неохотно переселяются на купленные участки. Въ 1909 г. банкомъ размежевана въ натурѣ огромная территорія въ 1,1 мил. десятинъ. Въ этомъ же году межевые расходы составили 1,113 тыс. руб. а м е л і о р а т и в н ы е—641 тыс. рублей, т. е. на десятину пришлось меліоративныхъ расходовъ 58 копѣекъ. Въ Европѣ на гектаръ (0,9 дес.) падаютъ десятки рублей. У насъ же необходимыхъ гидротехническихъ меліорацій и дорожныхъ сооруженій требуется, конечно, гораздо больше. За три года (1907—9) банкъ вырылъ или только отремонтировалъ 3337 простыхъ колодца, 635 прудовъ и 98 абиссинскихъ и артезіанскихъ колодцевъ—по одному водовмѣстилищу на 25 хозяйствъ. Ясное дѣло, что всѣ прелести хуторского хозяйства меркнутъ передъ перспективой ѣздить за водой за десять верстъ.

И такъ, что же дало пока банковское землеустройство въ технико-хозяйственномъ отношеніи? Оно дало, приблизительно, 45—50 тыс. хуторовъ, 130—140 тыс. отрубовъ, сгруппированныхъ въ поселки, доходящіе до 60—70 дворовъ, и лишь небольшая часть этихъ участковъ оказалась заселенной. Соотвѣтствуютъ ли эти итоги экономической сторонѣ правительственной аграрной программы,—ясно само собой. Мы не старались сгущать краски; мы опирались только на офиціальныя цифры и не касались того, на сколько эти цифры согласованы съ дѣйствительностью; а въ текущей литературѣ уже скопилось не мало фактовъ, доказывающихъ, что офиціозы не прочь эту дѣйствительность прiукрасить...

Какъ мы говорили, политическая сторона правительственной реформы требуетъ „крѣпкихъ и сильныхъ“ хуторянъ и отрубниковъ. Этого же требуетъ и слабость казенной помощи на „домообзаводство“, которая равняется, въ среднемъ, въ сотнѣ рублей на дворъ, тогда какъ оборудованіе хозяйствъ на новомъ мѣстѣ стоитъ, по мнѣнію большинства изслѣдователей, не мѣнѣе 300 рублей. Крестьянинъ, заводя хозяйство на новыхъ нача-

*) Обзоръ дѣятельности крестьянскаго банка по покупкѣ и продажѣ земель. Стр. 47.

лахъ, долженъ разсчитывать, главнымъ образомъ, на свои средства и силы и, сверхъ того, долженъ помнить, что ему придется съ первыхъ же лѣтъ выплачивать банковскіе платежи; понятно, что новые хуторяне должны рекрутироваться изъ болѣе зажиточныхъ слоевъ деревни Такъ выходитъ по апріорнымъ соображеніямъ, а вотъ какъ выходитъ на дѣлѣ:

	Изъ числа купившихъ землю было:				Среднее распредѣл. хозяевъ въ Европ. Россіи (1905 г.).
	Въ 1908—9 гг. (у банка)		Въ 1907—10 гг. (казенную).		
	Единолично.	О-вами и тов-вами.	Единолично.	О-вами и тов-вами.	
Беззем. . . .	28,6	15,8	41,4	3,7	7,0
До 3 дес .	41,8	30,1	29,2	14,4	9,0
„ 3—6 .	17,7	26,6	18,4	34,4	20,5
„ 6—9 .	6 5	15,5	7.6	19,2	24,7
„ 9—15 .	4,0	10,3	2,1	20,3	22,4
Св. 15 дес .	1,4	3,7	1,3	8,0	16,4

Явленіе, вполнѣ аналогичное выходу изъ общины. Тамъ выходятъ преимущественно малоземельные; здѣсь они же, въ компаніи съ большимъ количествомъ совсѣмъ безземельныхъ, фигурируютъ въ качествѣ „крѣпкихъ и сильныхъ“ хуторянъ и отрубниковъ—будущей опоры существующаго „правопорядка“. Число совсѣмъ безземельныхъ единоличныхъ покупщиковъ вчетверо превосходитъ число безнадѣльныхъ дворовъ въ Россіи число многоземельныхъ—въ 12 разъ меньше. Считая недостаточнымъ земельное обезпеченіе двора менѣе 6 дес., получимъ, что 88,1% единоличныхъ покупателей банка относятся къ дворамъ съ недостаточнымъ земельнымъ обезпеченіемъ.

Еще менѣе обезпечены надѣльной землей дворы, переселяющіеся на купленныя земли: въ ихъ средѣ (данныя 1909 г.)— безземельныхъ 34,5%, имѣющихъ до 3-хъ дес.—38,8% т. е. двѣ трети почти совсѣмъ не имѣли земли до покупки Отсюда видно, что хуторизація, въ дѣйствительности, діаметрально противоположна тенденціямъ правительства; она служитъ не средствомъ „выдѣленія крѣпкихъ хозяйственныхъ единицъ“, а является фактически „помощью слабымъ“ *), отвергнутой съ такимъ презрѣніемъ министерствомъ Столыпина. Крестьяне, покупающіе обществами или товариществами, вдвое болѣе обезпечены надѣльной землей: хутора и отруба представляютъ изъ себя относительно крупныя площади, ихъ и пріобрѣтаютъ болѣе нуждающіеся въ землѣ. Но послѣ покупки роли мѣняются и единоличные покупатели становятся многоземельнѣе покупателей обществами и товариществами. Большинство единоличныхъ поку-

*) Въ обзорѣ дѣятельности банка 1906—10 гг. прямо указывается, что въ составѣ покупщиковъ банковской земли находится сравнительно много бывшихъ сельскихъ рабочихъ. Такія же указанія встрѣчаются и у министерскихъ ревизоровъ, напр., по Казанской и Рязанской губ.

пателей концентрируется въ группахъ съ 9—25 дес., большинство общественныхъ—3—15 дес Въ среднемъ, на единоличное хозяйство послѣ покупки приходится 14 дес., а у общественниковъ—9 дес. Большее количество земли у хуторянъ и отрубниковъ требуетъ, естественно, и большей наличности земледѣльческаго капитала. Однако, хотя абсолютно количество скота у единоличныхъ хозяевъ больше, чѣмъ у общественниковъ, и процентъ безлошадныхъ у нихъ меньше (16), но на единицу площади они менѣе оборудованы живымъ инвентаремъ.

	На 100 десятинъ приходится		
	у единоличныхъ покупателей.	общественныхъ.	у всѣхъ крестьянъ вообще (данныя 1900 г.)
Лошадей и воловъ.	13,4	17,6	
Коровъ	10,7	15,9	35,1
Мелкаго скота . .	34,4	54,1	40,5

Если скота у хуторянъ и отрубниковъ на единицу площади въ полтора раза меньше, чѣмъ у общественниковъ и у всѣхъ крестьянъ вообще, то, стало быть, у нихъ меньше и удобренія, и рабочихъ силъ (скота и людей), т. е. основныхъ элементовъ земледѣльческаго капитала и труда. А вѣдь этимъ хозяйствамъ, прежде чѣмъ приняться за обработку земли, надо затратить сотни рублей на превращеніе въ жилой видъ хуторской усадьбы, для чего приходится часто продавать скотину, а затѣмъ съ остальнымъ капиталомъ умудриться поставить хозяйство сразу на такую высоту, чтобы оно не только покрывало личныя и хозяйственныя потребности, но и давало весьма солидный процентъ на продажу для покрытія платежей банку, доходящихъ, при 15 десятинахъ, до сотни и болѣе рублей въ годъ. На сколько неустойчиво, рискованно положеніе такого хозяйства—видно изъ тѣхъ бюджетовъ, которые приводятся офиціальными органами въ доказательство полной возможности хуторянамъ прожить хорошо и даже накапливать сбереженія. Мы не будемъ излагать ихъ цѣликомъ, скажемъ только, что всѣ они базируются на средней урожайности въ 60—70 пудовъ съ десятины, а лугового сѣна 200 пудовъ съ десятины, при цѣнѣ на рожь 85 коп. за пудъ; если урожай понизится до 30—40 пудовъ, сѣно до 100 пудовъ,—„крѣпкій и сильный“ хуторянинъ, лишенный сторонникъ заработковъ, долженъ будетъ выслать свою семью въ деревню побираться подъ окнами общественниковъ. Разгаръ банковскаго землеустройства пришелся на два высоко-урожайныхъ года, совпавшихъ, что бываетъ такъ рѣдко, съ хорошими цѣнами на хлѣбъ. Природа и рынокъ дали хуторскому хозяйству maximum благопріятныхъ условій, но на этотъ maximum пока нельзя разсчитывать, какъ на постоянный факторъ; и только тогда, когда хозяйство новоявленныхъ хуторянъ и отрубниковъ пройдетъ чрезъ годы тяжелыхъ испытаній, мы увидимъ, на сколько великъ среди этихъ хозяйствъ процентъ дѣйст-

вительно крѣпкихъ, которые не погибнутъ въ этой борьбѣ одинъ на одинъ, безъ той, незамѣнимой хотя и малозамѣтной на первый взглядъ поддержки, которую даетъ общеніе съ себѣ подобными въ деревенской жизни.

Такимъ образомъ, банковскіе отчеты позволяютъ намъ утверждать, что пока ни хозяйственно-экономическая, ни политическая цѣль правительственной аграрной реформы землеустройствомъ на частновладѣльческихъ земляхъ не достигаются: вмѣсто хуторовъ насаждаются на $^3/_4$ отрубные поселки; вмѣсто „крѣпкихъ и сильныхъ“ ихъ пріобрѣтаютъ изголодавшіеся въ землѣ сравнительно слабые элементы деревни, а иногда и посторонніе ей люди, на хутора и отруба переселяется меньшая половина покупщиковъ—большая остается въ деревнѣ; переселившіеся, при большихъ расходахъ и малыхъ средствахъ, рискуютъ погибнуть при первыхъ неурожаяхъ Какъ говорятъ сами хуторяне: „Богъ пошлетъ года два урожая—выживемъ Будетъ два года кряду неурожай—пропадать не миновать“. И нынѣшній годъ будетъ первымъ годомъ тяжелыхъ испытаній для вновь испеченныхъ хуторовъ восточной части Россіи. какъ разъ той части, гдѣ до сихъ поръ землеустроительная дѣятельность была наиболѣе оживленной.

Банковскіе отчеты довольно полны и разносторонни; отчеты землеустроительныхъ комиссій, дающіе характеристику надѣльнаго землеустройства, крайне общи, туманны, полны пробѣловъ, умолчаній, вообще, они производятъ впечатлѣніе казенной отписки, гдѣ истинное положеніе вещей скрывается подъ шаблонными цвѣтами канцелярскаго краснорѣчія. Землеустройство надѣльныхъ земель, по офиціальнымъ отчетамъ, распадается на единоличное и групповое Мы не будемъ останавливаться на этомъ послѣднемъ. Главное мѣсто въ групповомъ землеустройствѣ занимаетъ размежеваніе общихъ владѣній нѣсколькихъ поселеній—этихъ остатковъ волостной общины, сохранившихся преимущественно на сѣверѣ и сѣверо-востокѣ, а затѣмъ разверстаніе чрезполосицы крестьянъ съ помѣщиками, т. е. ликвидація грѣховъ освободительной реформы. Вредъ отъ этой чрезполосицы для крестьянскаго хозяйства общеизвѣстенъ и уничтоженіе ея есть лишь запоздалый актъ справедливости, значеніе котораго всецѣло зависитъ отъ его осуществленія на дѣлѣ. Наиболѣе же культурные виды этого землеустройства—выдѣлъ земли подъ выселки и раздѣлъ земель въ цѣляхъ перехода къ многопольной системѣ полеводства—составляютъ ничтожную величину: изъ 241,6 тыс. хозяйствъ, принявшихъ въ 1907 –10 гг. групповое землеустройство, только 8,7 тыс относятся къ этимъ двумъ видамъ. Вообще эта форма землеустроительной дѣятельности комиссій не создаетъ новаго типа землевладѣнія и хозяйства, и при огульности фактическаго матеріала, о ней нельзя сказать ничего ни хорошаго, ни плохого.

Единоличное землеустройство надѣльныхъ земель за 4 года даетъ такія цифры (въ тысячахъ):

	Поступило заявленій	Принято населеніемъ проектовъ. Дворовъ.	Площадей.	На 100 заявленій исполнено и принято населеніемъ.
1907 г	81,3	8,2	88,9	10,1
1908 г . . .	194 2	42,1	486,5	21,7
1909 г . . .	343.0	118 5	1222.5	34.5
1910 г	344.7	150 3	1459.4	43.6
Итого	963,2	319,1	3207,3	33,1

Съ внѣшней стороны эти цифры указываютъ на быстрый поступательный ростъ единоличнаго землеустройства; къ 1911 г. на надѣльныхъ земляхъ оказалось устроенныхъ хуторами и отрубами 319 тыс. дворовъ—почти вдвое больше, чѣмъ на банковскихъ земляхъ. Какъ умудрились комиссіи въ такой короткій срокъ произвести такую трудную сложную и отвѣтственную работу,—вслѣдствіе туманности офиціальныхъ отчетовъ, мы не знаемъ. Мы знаемъ только, что, какъ и на банковскихъ земляхъ, на крестьянскихъ надѣлахъ подъ общей рубрикой „единоличнаго“ землеустройства скрываются двѣ совершенно различныхъ системы: единоличное хуторское землеустройство и групповое-отрубное. Только что вышедшій въ свѣтъ отчетъ „Землеустройство 1907—10 г.г.“ сообщаетъ намъ, что на надѣльныхъ земляхъ практикуется 5 формъ землеустройства: 1) хутора квадратные съ усадьбой посрединѣ, 2) хутора удлиненные, съ усадьбой въ хвостѣ или головѣ участка, 3) хутора, участки которыхъ раскинуты въ нѣсколькихъ мѣстахъ—т. е хутора, такъ сказать, чрезполосные, 4) отруба, въ которыхъ весь надѣлъ сведенъ въ одно мѣсто, 5) отруба, заключающіе въ одномъ участкѣ только пашню, а всѣ остальныя угодья въ другихъ мѣстахъ. Отчетъ умалчиваетъ, насколько распространена каждая форма землеустройства, но у насъ есть вѣскія основанія думать, что здѣсь преобладаетъ отрубная система въ размѣрахъ гораздо большихъ, чѣмъ на банковскихъ земляхъ. Исходный пунктъ для обоснованія этого предположенія дается вышеуказаннымъ офиціальнымъ отчетомъ, въ которомъ говорится: „устройство отрубныхъ владѣній вмѣсто хуторовъ вызывается очень часто невозможностью обезпечить водоснабженіе отдѣльныхъ участковъ, а слѣдовательно, и перенести туда усадебную осѣдлость, а также и другими, весьма различными причинами, какъ бытового, такъ и хозяйственнаго свойства. Иногда крестьяне не желаютъ покидать своихъ насиженныхъ старыхъ усадьбъ, вполнѣ довольствуясь близостью къ полямъ въ $^1/_2$—$1^1/_2$ версты. Въ другихъ случаяхъ, хотя усадьбы и переносятся на новое мѣсто, но крестьяне не соглашаются селиться

каждый порознь и предпочитаютъ образовывать небольшое поселеніе“ (стр. 42). „При неблагопріятныхъ условіяхъ мѣстности, напр., при необезпеченности ея водою, образованіе хуторовъ дѣлается невозможнымъ и наиболѣе совершеннымъ является разверстаніе на отруба, нарѣзанные немногочисленными группами въ непосредственной близости къ усадьбамъ, располагаемымъ небольшими поселками на мѣстахъ, вполнѣ обезпеченныхъ водою“ (стр. 31).

Такимъ образомъ, главное техническое препятствіе устройству хуторовъ — отсутствіе воды; второе — расположеніе угодій: „вспомогательныя угодья—лѣсъ, луга и пр.—бываютъ расположены, обычно, на краю надѣла, или даже совершенно отдѣльно отъ пахотныхъ угодій“.

Выше мы видѣли, что въ районахъ засушливыхъ — въ земледѣльческомъ центрѣ и на юго-востокѣ — даже на банковскихъ земляхъ $^5/_6$ участковъ нарѣзаются отрубами. Надѣлы гораздо болѣе, чѣмъ помѣщичьи имѣнія, обездолены природой при освобожденіи: тутъ и водныхъ источниковъ меньше и угодья не такъ разнообразны. На крестьянскихъ надѣлахъ, по даннымъ 1887 г., пашни 60,5%, на помѣщичьихъ земляхъ—только 37%

А между тѣмъ, надѣльное землеустройство проявляется наиболѣе интенсивно въ черноземныхъ районахъ, съ ихъ сухимъ климатомъ и безводными степями.

(1907—1910 г.г.)

Приходилось на области:	Изъ 100 поданныхъ объ единоличномъ землеустройствѣ заявленій	Изъ 100 приведенныхъ въ исполненіе и принятыхъ крестьянами проектовъ.	
		Дворовъ	Десятинъ
Сѣверъ, сѣв.-востокъ . .	1,9	0 5	0 8
Пріозерный, Московскій р	13,8	12,1	11,1
Землед. центръ, среднее Поволжье	19,9	17,6	14,4
Новороссія, Нижнее Поволжье	29,9	31,6	42,1
Малороссія, юго-западъ .	20,5	22,0	13,4
Бѣлоруссія, Литва . .	14,0	16,2	18,2

Почти $^3/_4$ (71,2%) землеустроенныхъ надѣловъ приходятся на земледѣльческій центръ, юго-западъ и юго-востокъ. При такихъ условіяхъ, преобладаніе отрубовъ надъ хуторами неизбѣжно, ибо у землемѣровъ нѣтъ въ рукахъ жезла Моисея, исторгающаго воду изъ скалъ и сухой земли.

Далѣе, комиссіи отдаютъ преимущество разверстаніямъ цѣлыхъ селъ. „Въ отношеніи порядка выполненія работъ, при недостаточности землемѣрныхъ силъ, первое мѣсто отводится разверстаніямъ сельскихъ о-въ на хутора или отруба, или вы-

дѣламъ надѣльной земли въ единоличную собственность значительнымъ группамъ домохозяевъ; выдѣлы же единоличныхъ крестьянъ относятся къ первой очереди лишь въ случаѣ показательнаго ихъ значенія“ (стр. 33). Такихъ выдѣловъ произведено лишь 69 тыс —пятая часть всѣхъ разверстаній Остальная масса представляетъ изъ себя разверстаніе общинныхъ и подворныхъ селъ въ полномъ составѣ, при чемъ развертавшіяся села были довольно крупныхъ размѣровъ на одну разверстанную общинную деревню приходится, въ среднемъ, 47 дворовъ и 492 дес Итоговыя средніе получаются изъ суммированія весьма разнородныхъ поселеній. и небольшихъ поселковъ въ 5—10 дворовъ на сѣверо-западѣ. и такихъ селъ-городовъ, какъ Покровская слобода Самарской губ., 40 тыс. душъ. Разверстать крупныя села на хутора, когда на ихъ надѣльной землѣ цѣлыя версты заняты сплошь однимъ угодьемъ, а за водой хуторянину окраиннаго участка придется ѣздить чуть ли не цѣлыя сутки,—такъ же легко, какъ разрѣшить задачу квадратуры круга. Понятно, это сплошное размежеваніе болѣе или менѣе крупныхъ селъ фактически приводитъ не къ единоличному, а къ г р у п п о в о м у разселенію — въ лучшемъ случаѣ, съ проведеніемъ отрубной системы въ чистомъ видѣ и къ образованію изъ одной деревни нѣсколькихъ поселковъ въ 10 — 15 дворовъ, въ худшемъ—съ нарѣзкой каждаго надѣла въ 5 — 6 мѣстахъ и образованіемъ болѣе крупныхъ поселеній, т е., въ сущности — къ коммассаціи чрезполосицы (неполному складыванію полосъ). По даннымъ о количествѣ выданныхъ ссудъ, мы можемъ установить, что не только разселеніе на хутора, но и образованіе небольшихъ отрубныхъ поселковъ подвигается весьма туго. Къ 1911 г. ссудъ на землеустройство вообще было выдано крестьянамъ и на банковскихъ, и на надѣльныхъ, и на казенныхъ земляхъ — 9230 тыс. рублей на 118 тыс. дворовъ. Три четверти дворовъ (по свѣд 1909 г.) — приблизительно, 90 тыс.—получили ссуды на „домообзаводство“, связанное съ переносомъ усадьбы на новыя мѣста. Почти каждый крестьянинъ, переселяющійся на землеустроенный участокъ, получаетъ такую ссуду и, слѣдовательно, по числу этихъ ссудъ можно судить о числѣ крестьянъ, дѣйствительно перешедшихъ къ хозяйству новаго типа. На банковскихъ земляхъ число переселенцевъ-хуторянъ и отрубниковъ равняется 45—50 тысячамъ; значитъ, число крестьянъ, получившихъ ссуды для устройства на хуторахъ и отрубахъ, выдѣленныхъ изъ надѣльныхъ земель, не должно превышать 40—45 тыс. Большинство этихъ ссудъ выдано, вѣроятно, настоящимъ хуторянамъ, но и отрубникамъ досталась нѣкоторая часть, такъ что, въ дѣйствительности, число хуторянъ, заслуживающихъ такого названія, т. е. переселившихся или серьезно намѣренныхъ переселиться, судя по количеству ссудъ, вѣроятно, составляетъ менѣе восьмой части всѣхъ дворовъ, устроенныхъ „единолично“

Послѣднее доказательство преобладанія отрубовъ на надѣльной землѣ—небольшіе, сравнительно размѣры землеустроенныхъ хозяйствъ: въ среднемъ, на дворъ приходится 10,5 дес — площадь, почти совпадающая съ площадью средняго крестьянскаго надѣла по всей Россіи, что объясняется преобладающей разверсткой цѣлыхъ селеній. Эта площадь, мало достаточная для деревенскаго хозяйства, при условіяхъ общности пользованія нѣкоторыми угодьями и при существованіи сторонніхъ заработковъ, совершенно недостаточна для хуторянина, который долженъ имѣть отдѣльно полный комплектъ нужныхъ угодій и весь свой бюджетъ строить только на доходахъ отъ сельскаго хозяйства. Банковскіе хутора въ 1910 г, не считая общихъ пользованій, нарѣзались по 14,8 дес, въ среднемъ, отруба — 12,7 дес. Такъ какъ средняя величина землеустроеннаго надѣльнаго участка меньше не только банковскаго хутора, но и отруба, то отсюда можно заключить, что хуторская система на надѣльныхъ земляхъ еще менѣе распространена, чѣмъ на банковскихъ.

Всѣ эти доводы приводятъ насъ къ убѣжденію, что на надѣльныхъ земляхъ еще сильнѣе, чѣмъ на банковскихъ, преобладаетъ фактически, не единоличное, а г р у п п о в о е землеустройство, связанное лишь въ небольшомъ числѣ случаевъ съ переселеніемъ на новыя мѣста, т. е. съ окончательнымъ расторженіемъ связи со старымъ деревенскимъ укладомъ. Вѣроятнѣе всего, что наиболѣе распространена такая картина: крестьянинъ остается въ деревнѣ, а его надѣлъ, сведенный въ одинъ или нѣсколько отрубовъ, лежитъ отъ двора, можетъ быть, на разстояніи 2—3 верстъ. Если у него есть купленная черезъ банкъ земля, — а она есть теперь у милліоновъ, — то она отрѣзана, опять таки, въ другомъ мѣстѣ. Въ третьемъ—пріютилась десятина-другая арендованной пашни. Чѣмъ лучше этотъ конгломератъ клочковъ, разбросанныхъ на пространствѣ нѣсколькихъ верстъ, современной общинной чрезполосицы? Иногда, наобо о ъ, это новое землеустройство способно отбросить крестьянъ къ эпохѣ переложнаго земледѣлія и „отъѣзжихъ“ пашень, разбросанныхъ клочками по территоріи волостныхъ общинъ въ средніе вѣка. Представимъ себѣ еще послѣдствія мобилизаціи земель, купли-продажи отрубовъ по частямъ, аренды-сдачи, дробленія при переходахъ по наслѣдству: очевидно, такое землеустройство не можетъ повысить ни производительности земли, ни производительности труда и недолго будетъ радовать начальственныя сердца.

Перейдутъ ли хотя бы всѣ землеустроенные дворы на новыя мѣста зависитъ, во 1-хъ, отъ того, на сколько удобно нарѣзаны новые участки, а во вторыхъ — отъ правительственной и земской помощи. На банковскія земли переходятъ, почти исключительно, малоземельные бѣдняки; въ разверстаніи надѣловъ

участвуютъ, несомнѣнно, всѣ слои деревни, такъ какъ деревни, разверстываются цѣликомъ. Вслѣдствіе того, что въ деревняхъ вообще преобладаютъ средніе слои, обычно еле сводящіе концы съ концами и капиталовъ, необходимыхъ даже для переноса усадебъ, не накопившіе,—имъ такъ же, какъ и банковскимъ покупщикамъ, необходимы ссуды на переселеніе. Правительство признаетъ нормальной ссуду въ 150 руб. на дворъ. Чтобы всѣ 506 тыс. „единоличныхъ“ хуторянъ и отрубниковъ дѣйствительно могли стать таковыми, на „домообзаводство“ имъ нужно отпустить 75 милл. рублей, а чтобы всѣ 15 мил. дворовъ въ Европѣ и Азіи разселились по своимъ надѣламъ и кунчимъ землямъ, потребуется кругленькая сумма въ $2^1/_2$ милліарда. И эта сумма окупаетъ не болѣе половины затратъ лишь на переустройство усадебъ, опредѣляемыхъ большинствомъ изслѣдователей minimum въ 300 руб. на дворъ. Но одинъ переносъ усадебъ еще ничего не дастъ; правительству и земству не отвертѣться отъ возрастающихъ въ геометрической прогрессіи расходовъ по агрономической помощи населенію, организаціи кредита, гидротехническимъ и дорожнымъ сооруженіемъ.

Самъ П. А. Столыпинъ въ своей запискѣ признаетъ, что „землеустройство само по себѣ — только средство, только ступень. Оно даетъ возможность производительнаго труда. — но и только одну возможность“. А между тѣмъ, „къ организаціи агрономической помощи только что приступлено и при томъ въ скромныхъ размѣрахъ“, выражающихся въ затратахъ 2 мил. рублей въ 1910 г. и 4 милліоновъ—въ 1911 г. Съ другой стороны, „при настоящихъ условіяхъ владѣльцами отрубовъ и хуторовъ почти безъ исключенія являются крестьяне, не обладающіе достаточнымъ оборотнымъ капиталомъ для какихъ либо улучшеній въ хозяйствѣ: оно ведется у нихъ все тѣми же первобытными пріемами“ (курсивъ нашъ Н. О.). Нуженъ кредитъ, и опять таки кредитъ многомилліонный.

Намъ нечего прибавлять къ этимъ краснорѣчивымъ признаніямъ: чѣмъ шире развертывается землеустроительная эпопея, тѣмъ все яснѣе становится, какую огромную ношу взвалило на себя правительство и какъ быстро наростаетъ тяжесть этой ноши. Но пока оно не чувствуетъ этой тяжести и, отдѣлываясь грошами при созиданіи труднѣйшихъ формъ землеустройства, тѣшитъ себя громадными цифрами, даже гордится тѣмъ, что въ Россіи дѣло спорится вдесятеро быстрѣе, чѣмъ въ Европѣ, и насмѣхается надъ нѣмецкой щепетильностью. Между тѣмъ, искренно относящіеся къ дѣлу землеустроители сознаются въ необходимости взвѣшивать, обдумывать каждый шагъ въ этой необычайно сложной работѣ творчества новыхъ хозяйственныхъ организмовъ „Неся на себѣ трудъ внутри-надѣльнаго землеустройства, говорятъ харьковскіе землеустроители, съ его чрезвычайными трудностями, неизбѣжно убѣждаешься, что здѣсь работать форсиро-

ванно, спѣшно, работать на показъ — грѣшно и невозможно". Громадныя цифры землеустроенныхъ хозяйствъ, при ничтожныхъ затратахъ, показываютъ, что работа ведётся именно „грѣшно и невозможно", на показъ своему начальству, а что за этимъ показомъ скрывается — начальство прячетъ отъ насъ; но пройдетъ, быть можетъ, не болѣе 2 — 3 лѣтъ — и все тайное станетъ явнымъ

V.

Выводы.

Организованный правящей властью земельный переворотъ имѣетъ главной цѣлью на развалинахъ общины создать политически-консервативный, экономически-сильный и хозяйственно-прогрессивный классъ мелко-буржуазныхъ собственниковъ-хуторянъ. Дѣятельность правительства слагается изъ двухъ актовъ: акта разрушенія старыхъ порядковъ землепользованія и акта созиданія новыхъ формъ крестьянскаго хозяйства. Въ своихъ „Очеркахъ по исторіи земельныхъ отношеній въ Россіи" мы отмѣтили разницу въ степени осуществимости актовъ разрушающихъ, и актовъ созидающихъ извѣстныя экономическія отношенія. „Достаточно сильная государственная власть въ состояніи разрушить, уничтожить какой-либо изъ элементовъ въ этихъ отношеніяхъ, но она не можетъ его создать, не опираясь на реальныя условія экономической жизни: вопреки этимъ условіямъ, власть не можетъ создать ничего, кромѣ пустыхъ предписаній, которыя такъ и останутся на бумагѣ" *). И, дѣйствительно, „землеразстройство"—разрушеніе общины, какъ показываютъ вышеизложенные факты, дало наибольшіе результаты: полтора милліона уже укрѣпившихся дворовъ и свыше двухъ милліоновъ заявленій о выдѣлѣ. Однако, при всей своей грандіозности, результаты эти далеко не оправдываютъ разсчетовъ правительства. Оно разсчитывало, что изъ общины выйдутъ въ первую голову „крѣпкіе и сильные", многоземельные хозяева, а на самомъ дѣлѣ уходятъ слабые малоземельные слои, которые не имѣли глубокихъ корней въ деревнѣ и которые большую часть средствъ существованія добывали не земледѣліемъ, а сторонними заработками. Оно разсчитывало, что община, являясь тормазомъ сельско-хозяйственнаго прогресса, заставитъ пойти на выдѣлъ крестьянство болѣе интенсивныхъ районовъ, — въ дѣйствительности, великорусская община разрушается на экстенсивномъ югѣ и юго-востокѣ, — тамъ, гдѣ она не могла укрѣпиться вслѣдствіе кратковременности своего существованія, гдѣ крестьяне еще не успѣли, какъ слѣдуетъ, осѣсть и гдѣ въ массѣ сильнѣе бродячіе инстинкты. Правда, вліяніе закона 9-го ноября, начиная съ юго-восточнаго угла, распространяется концентрическими кругами вглубь страны,

*) См „Закономѣрность аграрной эволюціи", т. II, стр. 330.

но вмѣстѣ съ тѣмъ ослабѣваетъ интенсивность стремленія къ выдѣлу, и вездѣ этому закону идутъ навстрѣчу захудалые, неустойчивые элементы деревни. Очевидно, разрушеніе общины развиваетъ соціальную дифференціацію. полупролетарскія хозяйства смѣшаннаго земледѣльческо-промысловаго типа превращаются въ чисто-пролетарскія. городъ порываетъ связи съ деревней, деревня обособляется отъ города, становится болѣе однороднымъ по своему составу конгломератомъ чисто земледѣльческихъ хозяйствъ

Но соціальная дифференціація—не главный результатъ закона 9-го ноября разрушеніе общины происходитъ преимущественно въ земледѣльческихъ областяхъ; вообще, наша промышленность не на столько сильна, чтобы дать заработокъ сразу милліонамъ новыхъ рабочихъ, и надо полагать, что большинство малоземельныхъ „укрѣпленцевъ“ имѣетъ своей цѣлью найти въ другихъ мѣстахъ достаточное количество земли для самостоятельнаго хозяйства. Они составляютъ главные кадры переселенцевъ, они же являются первыми покупателями банковскихъ хуторовъ и отрубовъ Свобода выхода изъ общины усиливаетъ передвиженіе крестьянъ по лицу земли русской и могла бы, хотя отчасти, привести къ удовлетворенію земельной нужды, если бы правительственная политика устремила свое вниманіе на эту сторону. Но, собираясь пустить въ продажу сибирскій казенный фондъ, наваливая на бѣдныхъ хуторянъ и отрубниковъ тяжелые платежи, правительство разбиваетъ мечты изголодавшихся по землѣ выходцевъ изъ общины и несомнѣнно породитъ въ ближайшемъ будущемъ только пролетаризацію многихъ изъ этихъ „рисковыхъ“ людей Съ другой стороны, оставшіеся въ общинѣ не могутъ воспользоваться освободившимися надѣлами, потому что, не имѣя наличныхъ денежныхъ средствъ, рядовые крестьяне не въ состояніи пріобрѣсти эти надѣлы, и ихъ расхватываютъ деревенскіе кулаки, расчитывая на тройные барыши при сдачѣ въ аренду.

Такимъ образомъ, разрушеніе общины до сихъ поръ не давало удовлетворенія ни правительству, ни самимъ крестьянамъ, какъ выдѣляющимся въ общинѣ: правительству—потому, что оно вовсе не способствовало созданію крѣпкаго и сильнаго класса самостоятельныхъ производителей, крестьянамъ—потому, что мобилизуемый земельный фондъ или попадаетъ въ руки нуждающихся въ землѣ на условіяхъ. способствующихъ большему раззоренію и безъ того захудалыхъ хозяйствъ, или проходитъ мимо нихъ, переходя въ собственность земельныхъ эксплуататоровъ.

Законъ 9-го ноября пошелъ по линіи наименьшаго сопротивленія: захвативъ малоземельные, неустойчивые слои и районы съ неокрѣпшимъ общиннымъ механизмомъ, волны выдѣла стали затихать Пойдетъ-ли дальше разрушеніе общины, затронетъ ли оно крѣпкія жизнеспособныя общины центра и средніе слои

крестьянъ, живущихъ преимущественно земледѣліемъ? Исторія показываетъ, что разрушеніе сложившихся хозяйственно-экономическихъ отношеній иногда удавалось правительству, и во всякомъ случаѣ, давленіе сверху, особенно въ моменты хозяйственнаго перелома, можетъ дать весьма осязательные результаты. Законъ 14-го іюня уничтожилъ однимъ почеркомъ пера возможность возрожденія общинъ не только съ замершимъ передѣльнымъ механизмомъ, но и тѣхъ, гдѣ онъ началъ уже работать въ видѣ частныхъ свалокъ-навалокъ Такихъ общинъ и официальные матеріалы, и извѣстный знатокъ этого вопроса К Р Качоровскій насчитываютъ около половины, но такъ какъ это, преимущественно, небольшія общины бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, то обнимаютъ онѣ, по разсчетамъ К Р. Качоровскаго, всего 29,3% населенія и 27,3% земли. Часть этихъ мертвыхъ или полуживыхъ общинъ, вѣроятно, уже разложилась подъ вліяніемъ закона 9-го ноября, остальная часть можетъ погибнуть отъ закона 14-го іюня. Останутся общины, жизнедѣятельность которыхъ будетъ признана не только объективными изслѣдователями, но и административной властью. Ихъ дальнѣйшая судьба, конечно, сильно зависитъ отъ грядущихъ политическихъ факторовъ, но появленіе этихъ факторовъ на исторической сценѣ, при современномъ состояніи нашихъ знаній, предугадать нельзя, поэтому мы не вправѣ строить на нихъ какихъ-либо предположеній. Другое дѣло—смѣна хозяйственныхъ формъ; неизбѣжность перехода къ болѣе интенсивнымъ системамъ земледѣлія теперь уже общепризнана, и съ этой стороны дальнѣйшее существованіе нашей передѣльной общины зависитъ отъ того, на сколько она сумѣетъ приспособиться къ новымъ запросамъ сельскаго хозяйства.

При интенсификаціи земледѣлія, несомнѣнно, пріобрѣтаетъ гораздо большее значеніе, чѣмъ теперь, „право затраченнаго личнаго труда“. Главнымъ мотивомъ противниковъ общины изъ крестьянской среды „является именно мотивъ спокойнаго труда и возможности улучшеній для отдѣльныхъ хозяевъ на ихъ участкахъ безъ боязни, что послѣдніе будутъ при передѣлѣ отобраны другими, т. е. желаніе именно полнаго и чистаго осуществленія права затраченнаго труда“ *).

Борьба между сторонниками и противниками общины на идейной почвѣ сводится къ борьбѣ соціальнаго стимула „права на трудъ“ съ индивидуалистическимъ „правомъ труда“—требованіемъ, чтобы каждому хозяину были оплачены всѣ затраты, весь трудъ, вложенный имъ въ тотъ участокъ, которымъ онъ пользуется въ данный моментъ. Переходъ къ интенсивному хозяйству, при которомъ затраты на улучшеніе плодородія почвы увеличиваются въ нѣсколько разъ, а priori долженъ соотвѣт-

*) К. Р. Качоровскій „Народное право“, стр. 152.

венно повысить притязанія личнаго труда. „На сколько плугъ беретъ глубже сохи, на сколько глубже укореняется и личное право" аргументъ „сколько я пота пролилъ"—уступаетъ передъ аргументомъ „сколько я навоза ввалилъ" *). Но почему же, какъ мы видѣли, какъ разъ въ районахъ, идущихъ впереди другихъ по пути сельско-хозяйственнаго прогресса, гдѣ плугъ повсюду вытѣснилъ соху, гдѣ всѣ хозяева навозятъ свои полосы, община не распадается не только подъ вліяніемъ интенсификаціи, но и крѣпче другихъ устояла передъ натискомъ закона 9-го ноября? Потому что личное право труда наиболѣе опасно для общинныхъ принциповъ только тогда. когда въ массахъ хозяйствъ еще не назрѣла способность обработки земли: тогда, дѣйствительно, отдѣльные крестьяне, идущіе впереди своихъ сосѣдей, воздерживаются отъ усиленныхъ затратъ своей земли и негодуютъ, что ихъ хорошо удобренные загоны не даютъ имъ настоящаго плода. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ мы произвели подсчетъ числа хозяевъ, удобряющихъ землю въ Воронежской губ., въ передѣльныхъ и безпередѣльныхъ общинахъ: въ первыхъ такихъ хозяевъ оказалось 9,6%, во вторыхъ 14,%% **). Но сельско-хозяйственная исторія создается не единицами, а массами И въ средѣ частныхъ владѣльцевъ были помѣщики, сто лѣтъ тому назадъ вводившіе многопольные сѣвообороты, однако и по-сейчасъ въ большинствѣ имѣній господствуетъ трехполье. Сельско-хозяйственная эволюція менѣе всего зависитъ отъ воли отдѣльныхъ лицъ: главнымъ двигателемъ ея является такой универсальный факторъ, какъ ростъ населенія, отражающійся такъ или иначе на всѣхъ хозяйствахъ данной мѣстности и побуждающій ихъ добывать съ единицы площади возрастающее количество продуктовъ. И при такой, творимой всѣмъ „скопомъ" эволюціи, готовая коллективность общины оказываетъ ей большія услуги, подталкивая отсталыхъ. Выдѣлъ изъ общины малоземельныхъ упалыхъ хозяйствъ дѣлаетъ болѣе однородными въ хозяйственномъ отношеніи оставшіеся дворы и побудитъ ихъ, какъ это наблюдается уже теперь, къ массовымъ улучшеніямъ. Тѣмъ не менѣе, надо предвидѣть, что вопросъ о личномъ правѣ труда при интенсификаціи будетъ возникать все чаще въ уцѣлѣвшихъ общинахъ и, для сохраненія передѣльнаго механизма, потребуется широкое проведеніе принципа качественнаго уравненія, т. е. добавочнаго вознагражденія за лучше обработанные и удобренные участки.

Второе затрудненіе, съ которымъ должна будетъ сладить община, возникаетъ отъ необходимости въ трансформаціи типа

*) Ibidem, стр. 153.

**) Впрочемъ, необходимо замѣтить, что передѣльныя общины Ворон. губ втрое крупнѣе безпередѣльныхъ (въ среднемъ у первыхъ на 1 общину приходится 249 дворовъ, а у вторыхъ—82 дв.). Въ крупныхъ общинахъ въ силу дальнеземелья, удобреніе примѣняется рѣже.

поселеній и въ уничтоженіи вредной чрезполосицы. Если при выдѣлѣ изъ общины отдѣльныхъ хозяйствъ преобладаютъ малоземельные, то въ разверстаніи на хутора и отруба участвуютъ, преимущественно, цѣлыя села. Грядущая интенсификація все настойчивѣе будетъ требовать приближенія земли къ крестьянину и, при разселеніи большихъ селъ, при складываніи полосъ, неполномъ и полномъ—вплоть до отрубовъ, передѣльный механизмъ, чтобы уцѣлѣть, долженъ обнаружить большую гибкость и изобрѣтательность. Начавшійся въ болѣе культурныхъ районахъ переходъ на широкія полосы показываетъ, что сохраненіе общиннаго принципа, при переходѣ къ новымъ хозяйственнымъ формамъ, вполнѣ возможно; но нельзя отрицать и того факта, что до сихъ поръ живыя общины оказывались, главнымъ образомъ, въ крупныхъ поселеніяхъ, а въ значительной части мелкихъ деревень господствовала мертвая ревизско-наслѣдственная разверстка.

Итакъ, сохраненіе уцѣлѣвшихъ до сихъ поръ общинъ зависитъ отъ двухъ условій: отъ той или иной политической конъюнктуры и отъ степени приспособляемости общиннаго уклада къ требованіямъ интенсивной агрикультуры. Мы не отрицаемъ разрушительной силы централизованной бюрократіи, но все-таки болѣе существеннымъ, какъ постоянный и при томъ все усиливающійся факторъ, мы признаемъ второе условіе. Разъ сохранится деревенская форма поселеній, община, если она жизнеспособна, т. е. необходима для крестьянскихъ массъ, можетъ возродиться и въ отрубныхъ поселкахъ. Дальнѣйшее размноженіе населенія придастъ новую силу соціальному принципу „право на трудъ", тѣмъ болѣе, что приростъ сельскихъ жителей у насъ долго будетъ находиться въ иныхъ условіяхъ, чѣмъ въ Европѣ. Въ Европѣ сельское населеніе убываетъ, весь приростъ перетекаетъ въ города и за океанъ, или, какъ во Франціи, мужикъ сознательно сокращаетъ свое потомство. Нѣтъ основаній думать, что въ Россіи, въ ближайшемъ будущемъ, произойдетъ что либо подобное; а наростающія поколѣнія земледѣльцевъ скоро потребуютъ у породившихъ ихъ старшихъ права на жизнь, неразрывно связаннаго съ правомъ на землю. Главное значеніе современной общины въ томъ, что она является страховымъ союзомъ для обезпеченія землей приростающаго населенія; въ Европѣ прироста нѣтъ—тамъ и надобности въ такомъ союзѣ не ощущается. У насъ же неизбѣжный и многомилліонный приростъ еще не разъ станетъ грозой для принципа „священной" частной собственности на землю во всѣхъ ея видахъ.

Но все-таки мы допускаемъ, что въ ближайшемъ будущемъ община, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ районахъ, не сумѣетъ сладить съ давленіемъ сверху и снизу и не доживетъ до лучшихъ дней. Вспышки общинныхъ традицій, конечно, еще долго будутъ проявляться въ разныхъ мѣстахъ, правовое творчество свободнаго народа, можетъ быть, сумѣетъ претворить ихъ въ болѣе высокія

формы общежитія, но сейчасъ индивидуалистическія тенденціи въ крестьянствѣ еще сильны, личная земельная собственность для многихъ имѣетъ большую притягательную силу и въ этомъ отношеніи существующее правительство сможетъ добиться максимальныхъ успѣховъ.

Но формы собственности еще не предрѣшаютъ хозяйственныхъ формъ, и разрушеніе общины составляетъ только одинъ параграфъ правительственной аграрной программы. Въ связи со своими политическими тенденціями, современная власть стремится разрушить не только общину, но и деревню, разселить милліоны крестьянъ всей Россіи по хуторамъ, и мы говорили вначалѣ, что если оно не осуществитъ этой задачи—вся, такъ хитро задуманная комбинація развалится, какъ карточный домикъ.

Но создавать, творить новыя и при томъ жизнеспособныя формы х о з я й с т в а—задача совсѣмъ иного рода, чѣмъ разрушать коллективныя формы земельной с о б с т в е н н о с т и въ подходящій историческій моментъ. Законъ 9-го ноября упалъ на психически подавленную массу, пламенныя упованія которой были разбиты вдребезги промчавшейся бурей, соціальные инстинкты заглохли—наружу выступили грубыя эгоистическія поползновенія. Использовать эти поползновенія, подловить малоземельныхъ крестьянъ на стремленіи какъ-нибудь измѣнить свою судьбу,—„хоть гирше, да инше“—было не такъ ужъ трудно Но творчество новыхъ хозяйственныхъ формъ зависитъ не только отъ людей, а еще больше отъ природы страны, требуетъ совсѣмъ иныхъ исполнителей, чѣмъ тѣ, которыхъ могутъ дать бюрократическіе кадры, медленной упорной работы нѣсколькихъ поколѣній и огромныхъ матеріальныхъ затратъ. Хуторизація въ Россіи, по крайней мѣрѣ, теперь, въ большомъ масштабѣ, неосуществима.

Во 1-хъ, потому, что въ большинствѣ районовъ *) негдѣ

*) Изъ этого положенія мы исключаемъ сѣверо-западные районы, гдѣ еще до 1906 г проявилось естественное движеніе на хутора. Тамъ хуторская система не только возможна, но и полезна въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ До сихъ поръ тамъ культивирована еще небольшая часть всей площади, остальная пропадаетъ въ разныхъ пустошахъ подъ лѣсомъ, кустарникомъ, болотнымъ лугомъ. Изслѣдованіе псковскихъ хуторовъ показываетъ, что хуторяне прежде всего принимаются за меліорацію такихъ пустошей Впрочемъ, изслѣдователи утверждаютъ, что и общинники, получивъ въ надѣлъ заросли и болотные луга, съ такимъ же успѣхомъ превратили бы ихъ въ пашни и сѣнокосы. „Въ надѣлѣ эти земли лежали безплодными только потому, что были отведены въ видѣ слишкомъ отдаленныхъ участковъ или поддачъ“, т е здѣсь главную роль сыграла не форма землеустройства, а приближеніе земли къ крестьянину. Для всей черноземной Россіи, гдѣ земли, которыя могли давать какой-либо урожай, распаханы вдоль и поперекъ, а неудобными считаются только дѣйствительно никуда негодные солонцы и пески, необходимо не осушеніе, а орошеніе: поставить дѣло орошенія на правильную почву не по силамъ отдѣльнымъ хуторянамъ — оно доступно только крупнымъ коллективнымъ организаціямъ: правительству, земству или такимъ могучимъ кооперативамъ, о которыхъ мы пока не смѣемъ мечтать. Хуторизація же не облегчитъ, а затруднитъ раціональную постановку орошенія

достать воды, невозможно распланировать всѣ угодья съ удобствомъ для хуторянъ, т. е. природа ставитъ ей непреодолимыя преграды.

Во 2-хъ, потому, что хутора возможны лишь при многоземельи (въ особенности, въ засушливыхъ районахъ)—для милліоновъ хуторовъ потребуется десятки милліоновъ десятинъ добавочнаго фонда, откуда ихъ возьметъ нынѣшнее министерство, мечтающее не только сохранить, но и пріумножить помѣстное дворянство, насадивши его въ сибирской тайгѣ?

Въ 3-хъ, раціональная хуторизація требуетъ милліардныхъ расходовъ со стороны правительства и народа, на которые ни правительство, ни народъ пойти не могутъ.

Въ 4-хъ, устойчивое хуторское хозяйство базируется на культурности и состоятельности населенія—наши крестьяне невѣжественны и бѣдны.

Въ 5-хъ, та самая частная собственность, которая культивируется такъ усиленно, поставитъ рядъ своего рода проволочныхъ загражденій и волчьихъ ямъ, въ которыя уже начали попадать хуторяне вмѣстѣ съ землеустроителями *).

Неосуществимость этой затѣи, за которую могли приняться только ослѣпленные самовластіемъ, переоцѣнившіе свои силы люди, вознесенные капризомъ исторіи на одинъ моментъ вверхъ станетъ совершенно очевидной, если сравнить цифры, характеризующія успѣхи разныхъ сторонъ аграрной реформы до 1911 г Вышло изъ общины полтора милліона, „землеустроилось“—полмилліона, а поселилось не только на хутора, но и на отруба не болѣе 90 тыс., да и съ тѣми творится что-то неладное, и недаромъ правительство такъ долго не опубликовываетъ результатовъ изслѣдованія хуторовъ въ 28 губерніяхъ. Чтобы только удесятерить эту послѣднюю цифру, понадобится со стороны правительства 150 милліоновъ на одно „домообзаводство“, не считая агрономической помощи, кредита, гидротехники, да столько же отъ самихъ крестьянъ, да на покупку нѣсколькихъ милліоновъ десятинъ еще больше.

Уступая перечисленнымъ и другимъ препятствіямъ, встрѣчающимся на каждомъ шагу, землеустройство на мѣстахъ, въ большинствѣ мѣстностей, создаетъ не хуторскую систему, а въ лучшемъ случаѣ—групповую, поселковую систему отрубовъ. На самомъ дѣлѣ и отрубные поселки пока существуютъ, главнымъ образомъ, на бумагѣ, такъ какъ болѣе $^5/_6$ землеустроенныхъ крестьянъ еще не выселилось на новыя мѣста.

Такимъ образомъ, насажденіе той формы землеустройство, которую избрало наше правительство, идетъ пока очень туго, еще меньшій успѣхъ ожидаетъ попытку ускорить, на почвѣ

---

*) Примѣръ—исторія смоленскихъ хуторовъ, разсказанная г. Петрищевымъ въ апрѣльскомъ № „Русск. Бог.“.

этого землеустроиства, прогрессъ сельскаго хозяйства въ Россіи Даже въ Германіи, гдѣ всѣ условія для этого прогресса были гораздо болѣе благопріятными, удвоенія урожаевъ удалось достигнуть лишь въ теченіе столѣтняго промежутка. ясно, на сколько утопична мечта однимъ махомъ, „въ предѣлахъ одного министерства“, добиться подобныхъ результатовъ съ нашими ничтожными средствами.

Если бы правительство смогло отказаться отъ хуторизаціи, если бы групповая система разселенія сконцентрировала на себѣ все вниманіе достаточно опытныхъ землемѣровъ, то она могла бы дать достаточно прочный базисъ для коренныхъ хозяйственныхъ улучшеній. Представимъ себѣ поселокъ въ 30—40 дворовъ съ площадью въ 300—400 десятинъ. Если эта площадь имѣетъ квадратную форму и усадьбы расположены посрединѣ, то до дальняго конца поля будетъ не болѣе версты—разстояніе доводящее до необходимаго minimum'а непродуктивныя затраты на передвиженіе и транспортъ тяжестей. Главное условіе, необходимое для интенсификаціи хозяйства, будетъ соблюдено. Соблюдено и другое условіе—достаточная ширина участковъ, допускающая продольную и поперечную вспашку. Организація такого поселка, сравнительно съ хуторами, въ десятки разъ сокращаетъ расходы на гидротехнику и дорожную сѣть. Тутъ возможны и болѣе сложныя меліораціи и примѣненіе самыхъ крупныхъ сельско-хозяйственныхъ машинъ—плуговъ съ механическими двигателями и паровыхъ молотилокъ.

Съ экономической стороны, такой поселокъ обезпечиваетъ развитіе кооперацій всякаго рода, съ культурной—приближаетъ школу къ дѣтямъ. Наконецъ, при болѣе высокомъ культурномъ развитіи, при сплоченности всѣхъ членовъ общества, здѣсь можетъ найти подходящую почву та или иная форма производительной кооперації. Земледѣльческія артели—тотъ идеалъ, къ которому все ускоряющимся шагомъ приближается трудовое крестьянство культурныхъ странъ, гораздо легче привьются въ такихъ небольшихъ поселкахъ, чѣмъ въ крупныхъ селахъ, гдѣ и техническія условія не соотвѣтствуютъ требованіямъ интенсивнаго хозяйства, и экономическая разслоенность сильнѣе, и больше всякихъ дрязгъ, несогласій, ссоръ, иногда раскалывающихъ концы села на двѣ враждебныя партіи.

Хуторская система возможна только на сѣверо-западѣ: отрубная конечно, тоже осуществима и полезна далеко не во всѣхъ мѣстахъ; тамъ, гдѣ ни хутора, ни отруба не нужны, гдѣ села не слишкомъ велики и длинноземелье не очень обутительно,—тамъ было бы достаточно простой сверстки полосъ. Но такая землеустроительная политика, которая была бы болѣе раціональной съ точки зрѣнія простого здраваго смысла, противорѣчитъ цѣлямъ правительства, стремящагося не къ сплоченію, а къ разъединенію крестьянской массы, памятуя принципъ „раз-

дѣляй и властвуй". Правительство убѣждено, что только у изолированныхъ хуторянъ можетъ глубоко вкорениться принципъ частной собственности, вражда къ деревенской массѣ и смиренная покорность передъ власть имѣющими. „Хуторское хозяйство по своей природѣ приспособлено быть основной сильной централизованной бюрократіи" — говоритъ Марксъ *). Отказаться отъ этой оноры теперешнему правительству невозможно, и, вопреки природѣ и здравому смыслу, оно будетъ упрямо требовать хуторовъ отъ провинціальныхъ землеустроителей. А предъ этими послѣдними сплошной стѣной стоитъ непроходимая чаща природныхъ, соціально-экономическихъ, финансовыхъ, культурныхъ, наконецъ, психологическихъ преградъ; и врубаться имъ въ эту чащу приходится съ перочиннымъ ножикомъ въ рукахъ. Понятно, что иначе работать, какъ „напоказъ" строить потемкинскія декораціи, они не могутъ, если бы и хотѣли, и хуторская система фактически въ жизнь не пройдетъ. А если она не пройдетъ въ жизнь, то не пройдетъ и организація консервативнаго, мелко-буржуазнаго класса—главная цѣль правительственной программы.

Но если правительство не сумѣетъ при помощи землеустроительныхъ махинацій создать такой классъ, то можетъ ли все-таки его аграрная политика повести къ развитію экономической дифференціаціи и классового антагонизма въ крестьянской средѣ? Правительство совершенно открыто ставитъ дифференціацію своей цѣлью: что она неизбѣжно разовьется—въ этомъ убѣждена либеральная и марксистская интеллигенція и ея опасаются представители народническаго направленія. И, дѣйствительно, реальная обстановка аграрной реформы даетъ всякіе поводы для такихъ надеждъ и опасеній, хотя не въ тѣхъ самыхъ мѣстахъ и не въ тѣхъ формахъ, на которыя можно было бы разсчитывать, исходя изъ теоретическихъ соображеній.

Теоретическія соображенія приводили къ выводу, что мобилизація земель крестьянскаго банка, при томъ въ видѣ хуторовъ и отрубовъ, должна создать кадры „крѣпкихъ и сильныхъ". Но правительство отпугнуло ихъ высокими платежами и, вопреки ожиданіямъ, банковскіе хутора разбираются, въ большинствѣ, изголодавшейся по землѣ деревенской голытьбой. Какъ это ни странно, но теперь банковскій фондъ идетъ на помощь слабымъ слоямъ, помощь очень опасную, но именно, въ силу своей опасности, неспособную усилить, въ замѣтныхъ размѣрахъ, мелко-буржуазное землевладѣніе. Забравши въ свои руки большую часть мобилизуемыхъ земель, правительство преслѣдуетъ три цѣли, порой сталкивающіяся между собой, какъ поѣзда пущенные съ разныхъ концовъ по однимъ и тѣмъ же

*) Цитаты заимствованы изъ книги Финна-Енотаевскаго: „Современное хозяйство Россіи", стр. 504.

рельсамъ. Оно стремится вызволить помѣщиковъ изъ бѣды, пріумножить свою собственную казну и привлечь разсчетливыхъ и толковыхъ хозяевъ, способныхъ не только оплатить подачки помѣщикамъ и расходы казны, прокормить себя, но и накопить капиталы, необходимые для интенсификаціи. Понятно, что пока цѣны на банковскую землю будутъ расти также стремительно мелко-буржуазные элементы деревни устранятся отъ этой рискованной операціи.

Иное дѣло—надѣльная земля Мобилизація надѣловъ, продаваемыхъ за полцѣны, обезземеливаетъ нижніе слои и соблазняетъ деревенскихъ скупщиковъ, которые найдутъ въ этой мобилизаціи легкій и вѣрный способъ наживы. При слабой постановкѣ мелкаго кредита, извѣстная концентрація надѣльнаго землевладѣнія вполнѣ возможна на первыхъ порахъ, и денежные капиталисты деревни могутъ стать относительно крупными землевладѣльцами.

Но, во 1-хъ изъ этого не слѣдуетъ, что концентрація землевладѣнія поведетъ за собой концентрацію хозяйства, въ 2-хъ—чтобы она стала постояннымъ явленіемъ и укрѣпилась бы на десятки и сотни лѣтъ. Закономѣрная тенденція аграрной эволюціи вездѣ и всюду ведетъ къ территоріальному дробленію хозяйствъ—въ земледѣліи царитъ законъ „деконцентраціи", какъ называетъ его г. Билимовичъ; у насъ этотъ законъ долженъ проявляться сильнѣе, чѣмъ въ Европѣ, вслѣдствіе большого прироста земледѣльческаго населенія. Стянувши къ себѣ земельные надѣлы, деревенскіе капиталисты, какъ и ихъ предмѣстники—крупнопомѣстные землевладѣльцы, предпочтутъ сдавать ихъ въ аренду за повышенную плату, а не заводить самостоятельное хозяйство, такъ какъ сдача въ аренду для нихъ будетъ болѣе выгодной. Вырвать изъ ихъ рукъ возможность барышничества землей, при помощи раціональнаго законодательства и планомѣрной организаціи народнаго кредита, будетъ гораздо легче, чѣмъ уничтожить капиталистически организованное хозяйство.

Въ Пруссіи, аграрная исторія которой имѣетъ много близкихъ чертъ съ нашей—только она идетъ впередъ, приблизительно, на полвѣка—разверстаніе общинныхъ земель, при освобожденіи крестьянъ, явно благопріятное помѣщикамъ и Grossbauer'амъ, такъ же сопровождалось нѣкоторой дифференціаціей: за 1816—59 гг. средніе и мелкіе крестьяне потеряли въ пользу крупныхъ около 2% своихъ земель. Но послѣднія переписи показываютъ, что вмѣстѣ съ интенсификаціей земледѣлія съ каждымъ десятилѣтіемъ развивается обратный процессъ дробленія, и средніе слои давно уже, съ огромнымъ процентомъ, получили то, что у нихъ отняла однобокая аграрная реформа. Политическіе факторы, идущіе сверху, не въ первый разъ отымаютъ землю отъ трудового народа; но земля, послѣ дол-

гихъ блужданій по чужимъ господамъ, въ концѣ концовъ всегда находитъ своего истиннаго хозяина. И эта послѣдняя попытка оторвать землю отъ трудового земледѣльца, гораздо менѣе опасна, чѣмъ захватъ земли господствующими классами, длившійся сотни лѣтъ и ликвидируемый у насъ на глазахъ, при благосклонномъ содѣйствіи самого правительства..

Въ общемъ, что же далъ нашъ анализъ первыхъ итоговъ „великой реформы"? Много, конечно, неясностей, неопредѣленныхъ выводовъ, глухихъ, малоговорящихъ огульныхъ фактовъ Намъ кажется, однако, достаточно яснымъ одинъ выводъ правящая власть въ состояніи развалить въ нѣкоторыхъ областяхъ созданныя народомъ формы землевладѣнія, для чего достаточно одного „нажима", однихъ разрушительныхъ талантовъ, но построить на расчищенномъ мѣстѣ крѣпкое зданіе мелко-буржуазнаго класса для комфортабельнаго долголѣтняго житья — ей не по силамъ: слишкомъ не подходящая почва для фундамента, плохъ матеріалъ—зыбучій песокъ, а не кирпичъ и камень; слишкомъ непривычны къ такому труду неискусные работники, слишкомъ безталантны архитекторы, да и времени для постройки осталось не такъ много. Придетъ пора, появятся новые строители и дружно возьмутся за постройку новаго зданія — зданія народнаго счастья...

Въ защиту „доктринерства."

I.

Переворотъ внизу и наверху.

Наиболѣе существеннымъ проявленіемъ совершающагося у насъ аграрнаго переворота я считаю вступленіе сельскаго хозяйства въ интенсивный фазисъ эволюціи. Переходъ къ интенсификаціи у насъ, какъ и всюду, совершается подъ напоромъ двухъ стихійныхъ факторовъ: уплотненія сельско-хозяйственнаго населенія и развитія рынка, происходящаго въ результатѣ индустріализаціи страны. Оба фактора предъявляютъ къ сельскому хозяйству одинаковыя требованія — увеличенія количества продуктовъ, добываемыхъ съ той же самой площади, т. е. толкаютъ землевладѣльцевъ къ развитію производительности земли, достигнуть котораго можно лишь путемъ интенсификаціи. Отсюда и возникаетъ переходъ въ интенсивный фазисъ, влекущій за собой цѣлый рядъ самыхъ разнообразныхъ послѣдствій; изъ нихъ я остановлюсь лишь на одномъ, имѣющемъ существенное значеніе для дальнѣйшаго изложенія

Это послѣдствіе — развитіе денежныхъ отношеній Европейскій типъ интенсивныхъ плодосмѣнныхъ сѣвооборотовъ, по которому начинаетъ реформироваться и наше земледѣліе, приспособленъ къ производству, въ значительной части, чисто рыночныхъ продуктовъ; съ другой стороны, интенсивное хозяйство требуетъ усовершенствованныхъ орудій, минеральнаго удобренія, улучшенныхъ сѣмянъ и другихъ средствъ производства, пріобрѣтаемыхъ на рынкѣ. Вытѣсненіе натуральныхъ формъ хозяйства денежными при интенсификаціи продолжается до предѣловъ, поставленныхъ природой сельскаго хозяйства (въ которомъ потребляется натурой большое количество кормовъ, соломы, удобренія, отбросовъ и другихъ не рыночныхъ продуктовъ) и господствомъ въ немъ мелкихъ, по преимуществу потребительныхъ слоевъ хозяйствующаго населенія.

Въ интенсивномъ фазисѣ безъ извѣстнаго запаса денежныхъ средствъ, безъ мѣнового оборота не могутъ обойтись ни

крупное, ни мелкое хозяйство. Мелкимъ хозяйствамъ, которымъ, въ случаѣ ихъ разрозненности и изолированности, денежныя средства гораздо менѣе доступны, чѣмъ крупнымъ, приходитъ на помощь кооперативная организація кредита, и необычайно быстрый ростъ кредитныхъ товариществъ у насъ показываетъ, насколько обострилась за послѣднее время денежная нужда у нашего крестьянства. Но и интенсификація и денежный кредитъ не одинаково доступны различнымъ слоямъ крестьянства. Въ другихъ своихъ работахъ *) я старался доказать, что малоземельнымъ крестьянамъ достаются въ данномъ случаѣ лишь нищенскія крохи, падающія со стола средне-и многоземельныхъ, что при вступленіи въ интенсивный фазисъ ихъ положеніе только ухудшается, что интенсификація не смягчаетъ, а обостряетъ хозяйственный кризисъ у малоземельныхъ. Это заставляетъ ихъ частью порывать окончательно связи съ землей и искать средствъ къ существованію въ быстро растущихъ городахъ и индустріи, частью—стремиться расширить свое землевладѣніе всѣми возможными способами. „Великой реформой“ Столыпина воспользовались, преимущественно, малоземельные, неустойчивые элементы крестьянства, въ судьбѣ которыхъ послѣ 1905 г. произошли большія перемѣны. Большинство 1.787 000 „укрѣпленцевъ“, болѣе или менѣе добровольно вышедшихъ изъ общины, состояло изъ малоземельныхъ; изъ нихъ къ 1913 г., по преуменьшеннымъ официальнымъ свѣдѣніямъ, 581.000 дворовъ успѣли продать свои земли, уйти въ города и переселиться въ Сибирь. Ихъ надѣлы перешли къ 554.000 дворамъ, причемъ въ большинствѣ раіоновъ главные кадры покупщиковъ состояли также изъ безземельныхъ и малоземельныхъ. До 400.000 хозяйствъ въ числѣ которыхъ 95% было безземельныхъ и имѣющихъ менѣе 10 дес. на дворъ,—переселились въ Азію. Около 600.000 хозяевъ изъ которыхъ 85% вовсе не имѣли земли или имѣли менѣе 9 десятинъ, купили участки черезъ Крестьянскій банкъ и неизвѣстное намъ количество пріобрѣло землю помимо банка. Такимъ образомъ значительно болѣе полутора милліоновъ хозяйствъ, изъ которыхъ до $^3/_4$ принадлежали къ низшимъ слоямъ деревни, расширили свое землевладѣніе на 12—13 милл. дес. въ Европейской Россіи **) и на 20 милл дес. въ Азіатской. Такъ какъ въ Европейской Россіи купчее землевладѣніе трудового кресть-

*) См. „Закономѣрность аграрной эволюціи“ т III. в. I (Введеніе) M. 1914 Статьи: „Современный аграрный вопросъ и кооперативы“ (Сборн. „Кооперативн. жизнь“ 1914 г. № 1); „Съ небесъ на землю“ (Программа текущей аграрной политики) „Завѣты“ 1913 г. № 12. „Die Agrarfrage in Russland seit 1905“. Archiv für Sozialwissenschaft. B. XXXVII (H. 3. November. 1913); „Очерки по аграрному вопросу“, „Вѣстникъ Европы“ 1913 г. № 9 и др.

**) 8,2 милл. дес. куплено черезъ Крестьянскій Банкъ, надѣльной земли мобилизовано 2,2 милл. дес.; вѣроятно, не менѣе, а скорѣе болѣе 2 милл. дес. пріобрѣтено у частныхъ владѣльцевъ помимо Банка

янскаго класса (до 50 дес.) къ 1905 г. не превышало 16 милл. дес. то очевидно, что въ послѣднее семилѣтіе оно увеличилось болѣе, чѣмъ въ $1^1/_2$ раза. Но эта масса земель въ коренной Россіи пріобрѣтена за высокую плату, преимущественно, при посредствѣ ипотечнаго кредита. Съ тѣхъ поръ, какъ правительство и въ Сибири намѣрено перейти отъ даровой раздачи къ продажѣ земель—устраненіе крестьянскаго малоземелья, при современныхъ политическихъ условіяхъ почти во всѣхъ областяхъ будетъ возможно не иначе, какъ на основѣ ипотечнаго кредита. Такимъ образомъ, въ то время какъ верхніе и средніе слои крестьянства, не особенно нуждающіеся въ землѣ, приспособленные по своимъ размѣрамъ и средствамъ къ интенсификаціи, будутъ пользоваться, главнымъ образомъ, производительнымъ краткосрочнымъ кредитомъ, направленнымъ на улучшеніе ихъ хозяйства, нижніе—для того, чтобы, перейдя въ ряды среднихъ, могли устоять при интенсификаціи, вынуждены обременять себя непроизводительнымъ ипотечнымъ кредитомъ, ложащимся на нихъ тяжелымъ многолѣтнимъ бременемъ Благодаря ипотечному кредиту, они тоже попадаютъ въ круговоротъ денежныхъ отношеній и денежныхъ формъ хозяйства

Третья форма кредита, которая также въ ближайшіе годы должна выступить на авансцену—кредитъ меліораціонный. При родныя условія южной черноземной полосы Россіи близки къ американскимъ. Въ Соединенныхъ Штатахъ, какъ только сталъ назрѣвать переходъ къ интенсификаціи, сразу явилась потребность къ широкой организаціи оросительныхъ меліорацій; у насъ потребность въ обводненіи и орошеніи на югѣ еще острѣе. Въ нечерноземной полосѣ однимъ изъ главнѣйшихъ препятствій къ переходу на продуктивное скотоводство—а это существеннѣйшій элементъ интенсивныхъ системъ,—является недостатокъ луговъ: обиліе болотъ, большинство которыхъ легко превратимо въ луга, выдвигаютъ, здѣсь потребность въ осушительныхъ меліораціяхъ. На очереди теперь раціональная постановка меліораціоннаго кредита—направленіе его въ сторону трудовыхъ массъ деревни и сѣвера, и юга.

Итакъ, интенсификація приводитъ прямо или косвенно къ развитію денежныхъ отношеній въ деревнѣ. Это—первая характерная черта совершившагося у насъ аграрнаго переворота. Вторую создаетъ правительственная аграрная политика, распространяющаяся по всѣмъ направленіямъ начала частной земельной собственности Въ настоящій моментъ,—несмотря на то, что болѣе или менѣе добровольный выходъ изъ общины (по указу 9 ноября) рѣзко упалъ съ 1910 г,—благодаря закону 14 іюня, фактическая возможность передѣловъ аннулирована и община погружена въ состояніе своеобразнаго анабіоза. Юридическихъ личныхъ собственниковъ крестьянъ теперь болѣе 8 милліоновъ. общинниковъ—5 милліоновъ, но эти 5 милліоновъ.

въ дѣйствительности, не могутъ воспользоваться своимъ правомъ передѣловъ, такъ какъ при первомъ слухѣ о передѣлѣ на выдѣлъ устремляются „многодушники“, имѣющіе право, въ силу закона, укрѣплять за собой излишки надѣловъ, которыми они пользуются сверхъ нормы. Какъ показалъ Б. Н. Черненковъ въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“, передъ наступающимъ срокомъ передѣла сразу вдругъ повышается количество „укрѣпленцевъ“, расхищающихъ общинныя земли. Чтобы предупредить соблазнъ дальнѣйшаго расхищенія, у общины нѣтъ иного средства, какъ только вовсе отказаться отъ передѣловъ, превратиться въ „живой трупъ“, перейдя фактически къ подворному землепользованію.

Развитіе частной собственности въ крестьянской средѣ происходитъ не только при укрѣпленіи, а и благодаря землеустройству, идущему впередъ быстрыми шагами: по послѣднимъ свѣдѣніямъ Департамента земледѣлія, число единолично землеустроенныхъ дворовъ (на надѣльной, банковской и казенной землѣ) къ 1914 году достигло 1 357.000. Въ большинствѣ случаевъ, на отруба переходятъ цѣлыми селеніями, причемъ предварительнаго укрѣпленія, по закону, не требуется.

Одна изъ причинъ успѣха землеустроительной реформы — невозможная путаница юридическихъ формъ землевладѣнія, особенно развившаяся съ 1906 г. Общинникъ, купившій надѣлъ у укрѣпленца, да сверхъ того кусокъ земли у Крестьянскаго банка, владѣетъ всѣми тремя участками на самыхъ различныхъ правахъ собственности и пользованія. Сведя всѣ свои участки къ одному мѣсту, онъ добивается вмѣстѣ съ тѣмъ и однообразной формы землевладѣнія, благодаря чему цѣнность землеустроенныхъ участковъ, сравнительно съ тѣми, которыя остаются въ прежней хозяйственной и юридической чрезполосицѣ, увеличивается обычно чуть ли не вдвое.

Въ Государственной Думѣ лежитъ сейчасъ куча правительственныхъ законопроектовъ, имѣющихъ цѣлью превратить въ частную собственность государственный земельный фондъ. Индивидуализація государственнаго фонда началась съ 1906 г., съ передачи казенныхъ и удѣльныхъ „оброчныхъ статей“ для продажи черезъ Крестьянскій банкъ и землеустроительныя комиссіи. Теперь правительство стремится индивидуализировать право собственности на землю, находящуюся въ пользованіи азіатскихъ старожиловъ, переселенцевъ и туземцевъ и считающуюся до сихъ поръ государственнымъ владѣніемъ. Сибирская община почти цѣликомъ подпадаетъ подъ первую статью закона 14 іюня и сразу вырывается съ корнемъ, какъ какая-то бородавка. Киргизы, изъ опасенія дальнѣйшихъ отрѣзковъ, десятками тысячъ покидаютъ родовой бытъ и становятся сразу „культурными“ отрубниками и хуторянами Съ 1913 г. въ западныхъ областяхъ нашихъ азіатскихъ колоній переселенческій фондъ не раздается даромъ, а сдается въ аренду, при-

чемъ на арендаторовъ налагается обязательство пріобрѣсти участки въ собственность, какъ только законопроектъ о продажѣ пройдетъ въ жизнь Съ этого же года казенная удобная земля отводится въ собственность не только переселенцамъ, но и крупнымъ помѣщикамъ—„культурнымъ“ скотоводамъ. Наконецъ, частной предпріимчивости предполагается предоставить на выборъ „впустѣ лежащія“ полуторамилліардныя пространства казенныхъ земель на сѣверѣ Европы и въ Азіи. Разъ ступивши на стезю уничтоженія національнаго земельнаго фонда, правительство судорожно торопится добѣжать по ней до конца. Всѣ эти законопроекты, имѣющіе много шансовъ пройти въ жизнь при современной политической конъюнктурѣ, поведутъ къ быстрой индивидуализаціи общенароднаго достоянія.

Какъ видно изъ вышеизложеннаго, правительство легко и быстро уничтожаетъ общину, и, по утвержденіи лежащихъ въ Думѣ законопроектовъ, возможно, что черезъ десятокъ-другой лѣтъ отъ мало-мальски удобныхъ государственныхъ земель остается одно воспоминаніе. Индивидуалистическое начало земельной собственности, повидимому, воцаряется на всѣхъ позиціяхъ и это обстоятельство настолько повліяло на нѣкоторыхъ руководителей нашей общественной мысли, что они начинаютъ смотрѣть на современный переворотъ въ формахъ землевладѣнія, не только, какъ на результатъ правительственной политики, но и какъ на естественное послѣдствіе закономѣрной экономической эволюціи „Пробудившіяся индивидуалистическія тенденціи въ средѣ нашего земледѣльческаго населенія—говорится въ передовой статьѣ „Русскихъ Вѣдомостей“ (отъ 1-го ноября 1913 г.)—составляютъ въ конечномъ счетѣ, неизбѣжное послѣдствіе вступленія Россіи на путь капиталистическаго развитія, со всѣми его положительными и глубоко отрицательными сторонами“ Въ другой передовицѣ, отъ 7-го ноября, развитіе индивидуализма признается не только неизбѣжнымъ, но и желательнымъ (въ извѣстныхъ предѣлахъ). „Ни насиліе, ни доктринерство не могутъ искоренить этого (инвидуалистическаго) начала“ и ему „теперь должно быть отведено въ русской экономической жизни и, въ частности, въ области аграрныхъ отношеній соотвѣтствующее мѣсто“. „Какъ ни безобразны аграрные законы эпохи Столыпина, тѣмъ не менѣе нельзя отрицать того, что они открыли выходъ для индивидуалистическихъ стремленій, зародившихся въ крестьянской средѣ раньше и независимо отъ Столыпинской политики, подъ вліяніемъ общаго направленія экономической эволюціи Россіи въ сторону денежнаго хозяйства и широкаго мѣнового оборота“.

Этотъ поворотъ газеты такого строго выдержаннаго направленія, какъ „Русскія Вѣдомости“, не можетъ не обратить на себя широкаго общественнаго вниманія. „Русскія Вѣдомости“

поставили передъ нами ребромъ вопросъ о соотвѣтствіи между нашимъ стремленіемъ къ обобществленію земли и закономѣрнымъ ходомъ аграрной эволюціи, ведущей къ развитію денежныхъ отношеній и началъ индивидуализма. Если такого соотвѣтствія быть не можетъ, если аграрная эволюція антагонистична, по существу, принципу обобществленія земли — тогда мы, дѣйствительно, окажемся безпочвенными доктринерами. Вотъ почему я и считаю необходимымъ посвятить этому вопросу настоящую статью.

II.

Формы землевладѣнія и формы хозяйства.

Изъ приведенныхъ цитатъ видно, что авторъ передовицъ въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ считаетъ „индивидуалистическія тенденціи“ всякаго рода, въ томъ числѣ и переходъ отъ общиннаго землевладѣнія къ личной собственности на землю, не только результатомъ правительственныхъ аграрныхъ законовъ, но и неизбѣжнымъ послѣдствіемъ „общаго направленія Россіи въ сторону денежнаго хозяйства и широкаго мѣноваго оборота“. Иными словами, индивидуализація собственности, по его мнѣнію, является послѣдствіемъ не только политическихъ факторовъ, но „капиталистической“ эволюціи, причемъ подъ таковой авторъ подразумѣваетъ не концентрацію производства, а лишь развитіе денежно-мѣновыхъ отношеній въ крестьянскомъ хозяйствѣ.

Проблема вліянія рыночныхъ отношеній на формы и размѣры сельско-хозяйственныхъ предпріятій послужила темой для не такъ давно изданной работы П. И. Лященко „Очерки аграрной эволюціи Россіи“. Въ этомъ трудѣ онъ доказываетъ, что развитіе денежныхъ отношеній, ставя сельско-хозяйственныя предпріятія въ зависимость отъ рынка и торговаго капитала, въ концѣ концовъ, неизбѣжно поведетъ къ концентраціи производства въ сельскомъ хозяйствѣ. Эта теорія опровергнута жизнью: параллельно съ интенсификаціей и развитіемъ мѣноваго оборота земледѣльческія хозяйства, какъ извѣстно, не концентрируются, а дробятся; съ другой стороны, мелкія индивидуальныя хозяйства нашли способъ избавиться отъ ига торговаго посредническаго капитала, при помощи кооператизаціи сбыта и покупки с.-хозяйственныхъ предметовъ и продуктовъ. „Русскія Вѣдомости“ не стоятъ на такой точкѣ зрѣнія, тѣмъ не менѣе развитію мѣновыхъ отношеній онѣ придаютъ громадное значеніе въ аграрной эволюціи, полагая, что онѣ индивидуализируютъ не только формы хозяйства, но и формы землевладѣнія.

Мнѣ представляется необходимымъ, прежде всего, подвергнуть это положеніе фактической повѣркѣ. Во II томѣ „Законо-

мѣрности аграрной эволюціи“ (очерки по исторіи земельныхъ отношеній въ Россіи), анализируя сельско-хозяйственную эволюцію Россіи въ разныя эпохи, я пришелъ къ выводу, что крестьянское хозяйство, въ сущности, никогда не было чисто-натуральнымъ Въ кіевскую эпоху самый типъ звѣроловнаго и бортническаго хозяйства понуждалъ къ довольно развитому и притомъ международному обмѣну. Въ удѣльную и московскую эпохи, когда міровые торговые пути были перерѣзаны, когда господствующей системой сельскаго хозяйства стало экстенсивное зерновое хлѣбопашество, продукты котораго гораздо менѣе транспортабельны, чѣмъ продукты охотничьяго промысла (мѣха, медъ, воскъ)—крестьянское хозяйство стало болѣе натуральнымъ, но лишь въ томъ смыслѣ, что оно не было денежнымъ. Однако въ то же время оно не было и „замкнутымъ“, самопотребляющимъ, какимъ обычно считается натуральное хозяйство. По выраженію Ключевскаго, у тогдашняго крестьянина во дворѣ все было „наемное и заемное“. Земля, на которой онъ сидѣлъ, принадлежала помѣщику или государству, изба въ которой онъ жилъ, лошадь и даже орудія, которыми онъ пахалъ, наконецъ, даже порой „сѣмены—ѣмены“—все сплошь и рядомъ давалось ему помѣщикомъ, за все мужикъ платилъ ренту; вначалѣ натурой, потомъ, съ развитіемъ рыночныхъ отношеній—кое-гдѣ и деньгами. На почвѣ задолженности крестьянина, какъ извѣстно, и выросло крѣпостное право. Въ крѣпостную эпоху крестьяне-оброчники выплачивали оброкъ (въ XIX в.) почти всегда деньгами. Послѣ освобожденія, казна и земство сразу навалили на крестьянъ значительные для того времени денежные платежи; затѣмъ, когда въ крестьянской средѣ развилось потребленіе продуктовъ индустріи—косвенные налоги на предметы первой необходимости дублировали денежные расходы крестьянъ.

Все это доказываетъ, что на протяженіи тысячелѣтней исторіи Россіи обмѣнъ въ томъ или иномъ видѣ всегда являлся составнымъ элементомъ крестьянскаго хозяйства. Крестьянское хозяйство никогда не было чисто натуральнымъ: оно всегда было смѣшаннымъ—натурально-мѣновымъ. Такимъ оно останется и впредь въ интенсивномъ фазисѣ, при развитомъ обмѣнѣ, такъ какъ самому трудовому производителю потреблять продовольственные продукты, при нормальныхъ условіяхъ, всегда будетъ выгоднѣе, чѣмъ покупать ихъ на рынкѣ, ибо на рынкѣ, къ себѣ стоимости продукта приростаютъ побочные расходы на транспортъ, оплату посредниковъ и т. д. *). Поэтому разница

*) Отклоненіе отъ этого общаго правила наблюдается при нѣкоторыхъ высоко-интенсивныхъ культурахъ. Крестьянинъ-огородникъ, виноградарь, хлопководъ и пр сбываютъ на рынокъ весь свой продуктъ и покупаютъ хлѣбъ, привезенный изъ экстенсивныхъ странъ. Но такія, чисто рыночныя трудовыя хозяйства пока являются исключеніемъ.

между современной эпохой и прежними, въ смыслѣ развитія денежныхъ отношеній, не качественная, а количественная. Во всякомъ случаѣ, развитіе обмѣна въ сельскомъ хозяйствѣ, находясь теперь въ зависимости отъ роста внѣ-земледѣльческаго населенія и интенсификаціи, происходитъ медленно и постепенно и уже поэтому не можетъ считаться главной причиной того внезапнаго переворота, который произвела правительственная политика въ формахъ землевладѣнія.

На это можно возразить, что постепенное развитіе обмѣна подготовляло почву для индивидуализаціи землевладѣнія, и теперь когда эта почва оказалась достаточно подготовленной, правительство сразу во всѣхъ углахъ Россіи увѣренной рукой разсыпаетъ сѣмена частной собственности, приносящіе всюду богатые всходы. Но въ томъ и дѣло, что подготовка почвы—распространеніе обмѣна—въ различныхъ областяхъ Россіи находится на самыхъ разнообразныхъ стадіяхъ. Въ Россіи, приблизительно, по направленію съ востока на западъ мы наблюдаемъ „живую исторію“ всѣхъ элементовъ с.-хозяйственной эволюціи, въ томъ числѣ и обмѣна Отъ киргизскихъ степей, гдѣ денежная часть бюджета полукочевого хозяйства достигаетъ едва 15—20%, и до царства Польскаго, съ его плодосмѣннымъ сѣвооборотомъ и отчужденіемъ на рынокъ большей половины продуктовъ,—дистанція огромнаго размѣра, между двумя гранями которой происходитъ цѣлый рядъ промежуточныхъ ступеней. Однако правительство, ни сколько не смущаясь разнообразіемъ хозяйственныхъ формъ, проводитъ повсюду свою политику разрушенія созданныхъ народомъ разнообразныхъ формъ землепользованія и насажденія однообразной формы единоличной собственности. Что всего интереснѣе—эта политика имѣетъ наибольшій успѣхъ въ областяхъ съ самымъ экстенсивнымъ земледѣліемъ и натуральнымъ бюджетомъ. Даже киргизы—и тѣ десятками тысячъ выходятъ на отруба. Этому движенію отсталыхъ экономически областей есть свои особыя причины, о которыхъ здѣсь не мѣсто распространяться, но самый фактъ его существованія показываетъ наглядно, что „индивидуалистическія“ тенденціи въ крестьянской массѣ, если онѣ даже и зарождались самопроизвольно, ни въ какой связи съ эволюціей Россіи въ сторону денежнаго хозяйства и широкаго мѣнового оборота“ не стоятъ.

Итакъ, между формами хозяйства и формами землевладѣнія прямой зависимости не наблюдается Въ исторіи можно отыскать десятки примѣровъ, когда какой-либо политическій факторъ—внѣшнее завоеваніе, воля абсолютнаго монарха—сразу производили переворотъ въ формахъ земельной собственности въ то время, какъ формы хозяйства оставались почти безъ перемѣны. Стоитъ вспомнить перевороты, произведенные московскими князьями и царями въ завоеванныхъ областяхъ Россіи,

Вильгельмомъ Завоевателемъ въ Англіи, землеустройство Сигизмунда Августа въ царствѣ Польскомъ (волочная система), чтобы понять, что на исторію землевладѣнія, помимо экономическихъ условій, всегда оказывалъ огромное вліяніе факторъ политическій. Благодаря этому фактору, въ сельскомъ хозяйствѣ формы и размѣры землевладѣнія постоянно расходятся съ формами и размѣрами хозяйства, чего въ индустріи совершенно не наблюдается Въ индустріи подобнаго расхожденія нѣтъ и не можетъ быть· тамъ размѣры предпріятій обязательно связаны съ размѣрами собственности на средства производства, и крупная собственность—фабрика—обыкновенно требуетъ и крупнаго хозяйства, мелкая собственность—мастерская—мелкаго.

Но въ сельскомъ хозяйствѣ владѣлецъ латифундіи совершенно свободенъ въ выборѣ размѣровъ своего хозяйства: онъ можетъ ограничиться обработкой своего огорода въ полъ-десятины, можетъ совсѣмъ ничего не обрабатывать, но можетъ разрабатывать всю площадь. Между территоріальными размѣрами землевладѣнія и хозяйства во всемъ мірѣ наблюдается значительное расхожденіе,—такъ же, какъ и между ихъ формами. Всюду господствуютъ индивидуальныя формы хозяйства, уживаясь съ различными формами землевладѣнія, сводящимися къ тремъ основнымъ видамъ: государственнаго, частнаго и общественнаго (общиннаго, муниципальнаго, областного, коллективнаго).

Такимъ образомъ господствующія теперь повсюду индивидуальныя формы хозяйства въ земледѣліи мирно уживаются съ весьма разнообразными формами землевладѣнія, а территоріальные размѣры индивидуальныхъ хозяйствъ, въ большинствѣ случаевъ, далеко не совпадаютъ съ размѣрами ихъ землевладѣнія. Рыночныя отношенія мало вліяютъ не только на размѣры землевладѣнія, но и на размѣры хозяйства. Мы выше сказали, что, параллельно съ развитіемъ мѣновыхъ отношеній, хозяйства не концентрируются, а дробятся: между тѣмъ, если бы эволюція рынка непосредственно отражалась на размѣрахъ хозяйствъ, она неминуемо должна бы была повести къ ихъ концентраціи, какъ логически правильно и разсуждали въ свое время представители нашего аграрнаго марксизма—Вл. Ильинъ, Лященко и др., ибо крупно-капиталистическія хозяйства, по своей природѣ, болѣе „рыночны“—натуральные расходы въ ихъ бюджетѣ играютъ гораздо меньшую роль, чѣмъ въ мелкихъ хозяйствахъ потребительнаго типа. Но они упускали изъ вида основную особенность сельско-хозяйственнаго производства — его „ограниченность“,благодаря которой мелкія трудовыя хозяйства оказываются не только способными производить тѣ же продукты, что и крупныя, но и вытѣсняютъ эти послѣднія, вслѣдствіе своей большей приспособленности къ интенсификаціи. Уплотненіе населенія и развитіе рынка, т. е. ростъ внѣ-земле-

дѣльческаго населенія, дѣйствуютъ въ одномъ и томъ же направленіи, побуждая земледѣльцевъ къ интенсификаціи, и что приводитъ, въ конечномъ счетѣ, къ хозяйственному дробленію.

Иными словами, эволюція размѣровъ хозяйства зависитъ непосредственно не отъ эволюціи обмѣна, а отъ специфическихъ чертъ эволюціи сельско-хозяйственнаго производства.

Тѣмъ болѣе нѣтъ непосредственной связи между развитіемъ рыночныхъ отношеній и индивидуализаціей формъ землевладѣнія. Институтъ частной земельной собственности возникъ въ сельскомъ хозяйствѣ, благодаря другой его особенности—несоздаваемости главнаго средства производства, земли. Земля представляетъ даровое благо природы, но благо ограниченное, вслѣдствіе чего политически могущественные классы были на извѣстной стадіи эволюціи заинтересованы въ захватѣ этого блага, въ монопольномъ его обладаніи Черезъ всю европейскую исторію проходитъ многовѣковая полоса захвата земель политически могущественными классами и развитія на почвѣ монопольнаго обладанія землей разнообразныхъ формъ эксплоатаціи трудового населенія. Способы эксплоатаціи трудовыхъ массъ мѣнялись съ ходомъ экономической исторіи. Сначала частные владѣльцы взимали за пользованіе землей ренту въ различныхъ ея видахъ; затѣмъ, когда начали рости города, появился рынокъ—стало разрастаться экстенсивное крупно-помѣстное хозяйство, на основѣ даровога барщиннаго труда. Политическія революціи и реформы отняли у крупныхъ владѣльцевъ даровой трудъ, но оставили въ ихъ рукахъ значительную долю земли. Однако быстрый ростъ земледѣльческаго населенія и колоссальный ростъ городского потребовали невыгоднаго и непосильнаго крупно-капиталистическому хозяйству развитія производительности земли—благодаря чему, это хозяйство вытѣсняется трудовымъ Въ народно-хозяйственныхъ интересахъ трудовому хозяйству необходимо предоставить право не только на существованіе, но и на дальнѣйшее развитіе; но крупный землевладѣлецъ и городской капиталистъ нашли въ институтѣ частной земельной собственности новые способы эксплоатаціи трудовыхъ земледѣльцевъ, первый—при помощи арендныхъ отношеній, второй—ипотечнаго кредита.

Арендныя отношенія въ Западной Европѣ, Соединенныхъ Штатахъ и Россіи чрезвычайно распространены. Къ концу XIX в. въ 7 государствахъ Европы число арендующихъ хозяйствъ достигало до 40,3%; у насъ по разсчетамъ проф. Мануйлова арендуютъ 37% крестьянскихъ дворовъ; такой же процентъ фермеровъ-арендаторовъ въ Соединенныхъ Штатахъ. Съ теченіемъ времени число арендаторовъ на югѣ и западѣ Европы растетъ, а собственниковъ убываетъ: во Франціи (1882—92 гг.) число собственниковъ упало съ 4,3 милл. до 3,4 милл.; въ Бельгіи (1866—1896) число первыхъ уменьшилось съ 321.000 до 231.000,

вторыхъ возросло съ 424.000 до 598.000 Въ Нидерландахъ за 1895—1904 гг. число арендаторовъ возросло на 16% Въ Англіи количество арендаторовъ, какъ извѣстно, колоссально—около $^{9}/_{10}$ всѣхъ фермеровъ. Систематическая и весьма замѣтная убыль арендаторовъ наблюдается лишь въ сѣверныхъ „крестьянскихъ“ странахъ. Даніи, Швеціи, Норвегіи. Аренда наглядно показываетъ, насколько еще въ настоящее время расходятся землевладѣніе и хозяйство Эти десятки милліоновъ арендаторовъ всего міра, рекрутирующіеся почти исключительно изъ трудовыхъ классовъ, выплачиваютъ землевладѣльцамъ-рентьерамъ ежегодно многомилліардную ренту, какъ данъ институту личной собственности Рента за пользованіе землей, въ виду ограниченности и несоздаваемости послѣдней, неизбѣжна и при иныхъ формахъ собственности; но существованіе института частной собственности повышаетъ арендную плату сверхъ уровня доходности и создаетъ все растующую абсолютную ренту, которая, по словамъ Каутскаго, не образовалась бы, если бы земля принадлежала государству или общественнымъ организаціямъ (см. статью Сталинскаго въ „Русскомъ Богатствѣ“ 1913 г. №№ 11—12).

Если крестьянинъ пріобрѣтаетъ землю въ собственность,— за отсутствіемъ наличныхъ денежныхъ средствъ, онъ попадаетъ въ петлю ипотечнаго кредита При частной собственности на землю, при все возрастающей нуждѣ въ землѣ, продажныя цѣны бѣшено растутъ, а вмѣстѣ съ ними растетъ и ширится ипотечная задолженность· все большую и большую долю своихъ продуктовъ крестьянинъ вынужденъ отчуждать на уплату непроизводительныхъ расходовъ по покрытію ипотечныхъ обязательствъ. Въ Западной Европѣ уже начинаютъ приходить къ тому выводу, что бремя земельныхъ долговъ, лежащее на крестьянинѣ, отражающееся невыгодно на его производительности и приводящее, въ концѣ концовъ, къ вздорожанію жизни въ городахъ, становится неудобоносимымъ для всего населенія страны, и единственный способъ уничтожить это зло руководители передовыхъ общественныхъ теченій начинаютъ видѣть въ національзаціи земли Мы только что вступаемъ въ эру господства частно-правовыхъ отношеній въ землевладѣніи, земля только теперь у насъ становится сплошь товаромъ, и примѣръ Западной Европы наглядно указываетъ намъ на неизбѣжное послѣдствіе этого превращенія. Впрочемъ, о томъ же свидѣтельствуютъ и у насъ выбрасыванія на улицу середь зимы и публикаціи о продажѣ десятковъ тысячъ владѣній вновь испеченныхъ „сильныхъ“ хуторянъ Крестьянскаго банка У насъ земельная нужда сильнѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, а покупательныя средства населенія значительно слабѣе: при такихъ условіяхъ широчайшее распространеніе ипотечной задолженности, при господствѣ частной поземельной собственности, неотвратимо, и можно съ

увѣренностью сказать, что если не въ другихъ, то въ этомъ отношеніи мы скоро не только догонимъ, а быть можетъ, и перегонимъ Европу.

Два отмѣченныхъ сейчасъ результата частной земельной собственности—аренда и ипотека—зависятъ, въ значительной мѣрѣ, отъ продолжающейся еще концентраціи ея въ рукахъ крупныхъ землевладѣльцевъ. Трудовыя хозяйства, расширяясь все болѣе и болѣе, вынуждаются посредствомъ этихъ обоюдоострыхъ орудій вести губительную для нихъ самихъ „борьбу за землю“ съ монопольными ея обладателями. Но кромѣ того, какъ я указывалъ въ другомъ мѣстѣ (въ „Кооперативной Жизни“) ипотечныя операціи неизбѣжно разовьются у насъ, благодаря землеустройству, ибо недробимость хуторовъ и отрубовъ заставитъ выдѣлять сонаслѣдниковъ, и услужливое правительство уже собирается предложить вновь испеченнымъ хуторянамъ ипотечный кредитъ для обезпеченія выдѣляющихся деньгами въ размѣрѣ до 90% стоимости участка. Но если даже этотъ проектъ не будетъ осуществленъ, владѣльцы хуторовъ и отрубовъ, по хозяйственнымъ соображеніямъ, часто сами должны будутъ прибѣгать къ кредитору для выдѣла сонаслѣдниковъ, такъ какъ дробленіе такого цѣльнаго хозяйственнаго организма, какъ отрубъ или хуторъ, будетъ зачастую также невозможно или вредно, какъ раздѣленіе пополамъ фабрики или мастерской на полномъ ходу.

Ростомъ арендныхъ цѣнъ и ипотечныхъ долговъ, при современномъ состояніи аграрной эволюціи, не ограничатся вредныя послѣдствія всеобщаго распространенія частной собственности. Развитіе производительныхъ силъ неразрывно связано съ *обобществленіемъ* мелкихъ индивидуальныхъ хозяйствъ. Обобществленіе производства у мелкихъ хозяйствъ является conditio sine qua non развитія продуктивности ихъ труда. Лучшимъ доказательствомъ служитъ сама дѣйствительность, въ которой мы видимъ, какъ на нашихъ глазахъ, кооперируются однѣ стороны трудового хозяйства за другими. Но кооператизація сейчасъ идетъ *сверху*, она начинается съ кредита, обмѣна, затѣмъ перебрасывается на третью стадію с.-хозяйственнаго производства — стадію технической переработки сырья. До сихъ поръ она почти не коснулась двухъ первыхъ стадій—подготовки почвы и ухода за растеніями и животными. И несомнѣнно, что проникновенію кооператизаціи вглубь, до этихъ коренныхъ процессовъ производства, становится поперекъ дороги собственность на землю. Частная земельная собственность увеличиваетъ загражденія на пути къ такому обобществленію, и, можетъ быть, благодаря ей, производительныя товарищества на тѣхъ стадіяхъ сельско-хозяйственнаго производства, которыя *непосредственно связаны съ землей*, до сихъ поръ такъ туго распространяются по крайней мѣрѣ, тотъ фактъ, что

такія товарищества легче всего прививаются на арендованной, а не на собственной землѣ, подтверждаетъ это предположеніе. Мелкая индивидуальная собственность препятствуетъ зачастую осуществленію даже такихъ несложныхъ и безусловно выгодныхъ операцій, какъ совмѣстныя меліораціи, коллективное землеустройство, размежеваніе, проведеніе дорогъ и т. д. И чѣмъ сильнѣе съ ходомъ сельско-хозяйственной эволюціи будетъ назрѣвать потребность въ обобществленіи производства, тѣмъ все ярче станетъ обнаруживаться эта отрицательная сторона индивидуализаціи землевладѣнія, еще усиливающаяся, благодаря его измельчанію.

Итакъ, созданный не столько экономическими, сколько политическими факторами институтъ частнаго землевладѣнія, втеченіе цѣлаго ряда вѣковъ приносилъ трудовымъ земледѣльческимъ классамъ тяжелое бремя рабства, крѣпостничества, налоговъ, платежей, разнаго рода. Сами трудовые классы вырабатывали иныя формы землевладѣнія, не индивидуальныя, а к о л л е к т и в н ы я, отличающіяся отъ двухъ другихъ формъ—національной и частной,—тѣмъ, что онѣ въ гораздо большей степени зависятъ отъ хозяйственно-экономическихъ факторовъ. Поскольку въ исторіи и современной жизни можно прослѣдить развитіе этихъ, созданныхъ народомъ, коллективныхъ формъ независимо отъ воздѣйствія на нихъ политическихъ факторовъ — можно констатировать ихъ тѣсную связь съ общимъ ходомъ аграрной эволюціи.

Въ прекрасной работѣ А. А Кауфмана („Русская община въ процессѣ ея зарожденія и роста“) тщательно прослѣжено органическое развитіе поземельной общины у кочевыхъ народовъ въ нашихъ азіатскихъ владѣніяхъ по мѣрѣ ихъ осѣданія на землю. Причины, обусловившія возникновеніе коллективнаго землевладѣнія, противоположны причинамъ, породившимъ частную земельную собственность. Эта послѣдняя является результатомъ захвата, а общинное землевладѣніе, въ разныхъ его видахъ, является п р о т и в о в ѣ с о м ъ захвату: оно стремится обезпечить для массъ необходимую на данномъ уровнѣ эволюціи равномѣрность въ пользованіи даровыми благами природы, пресѣчь возможность превращенія земли въ монополію меньшинства.

Первоначальная исторія коллективнаго землевладѣнія въ высшей степени сходственна во всѣхъ странахъ. Пока людей мало, а земли много, сѣвшіе на землю крупные коллективы — племена, роды—ограничиваются раздѣломъ земли между собой, предоставляя внутри ограниченной территоріи каждому члену своего племени захватывать земли, сколько кому полюбится, — „куда топоръ и соха ходили“. По мѣрѣ разростанія населенія, идетъ дальнѣйшій дѣлежъ племенныхъ территорій на волостныя, волостныхъ—на деревенскія, причемъ право личнаго захвата соотвѣтственно суживается. Если въ какой-либо моментъ

этой эволюціи наиболѣе сильныя члены общины—захватчики — не пріобрѣтаютъ политической власти и не закрѣпляютъ при ея помощи захваченной земли въ свою собственность, то по мѣрѣ утѣсненія въ землѣ начинается внутри общины о б р а т н ы й процессъ—борьбы на землю,—кончающійся отобраніемъ излишковъ земли у захватчиковъ и установленіемъ тѣхъ или иныхъ уравнительныхъ нормъ землепользованія, обязательныхъ для каждаго отдѣльнаго члена общины.

Отсюда ясно, что эволюція общины тѣсно связана съ ростомъ населенія; а такъ какъ этотъ ростъ до послѣдняго столѣтія, до начала развитія рынка, являлся единственнымъ факторомъ сельско-хозяйственной эволюціи, то отсюда возникла тѣсная связь трансформаціи общиннаго землевладѣнія съ фазисами хозяйственной эволюціи. Такъ, фазису переложнаго землевладѣнія соотвѣтствовала вольно-захватная община; при постепенномъ переходѣ къ трехполью, захватныя формы также постепенно замѣнялись уравнительными. Западно-европейская община была уничтожена феодализмомъ, разросшимся и окрѣпшимъ въ моментъ перехода общины отъ захватныхъ формъ къ уравнительнымъ, у насъ она сохранилась и развилась естественнымъ путемъ, хотя не безъ благосклоннаго содѣйствія централизованной власти, усмотрѣвшей въ общинѣ весьма удобный административный и фискальный аппаратъ. Не вдаваясь въ многолѣтній споръ о происхожденіи коллективныхъ формъ землевладѣнія, можно привести изъ настоящей жизни примѣръ, показывающій, что даже современному, усовершенствованному аппарату бюрократической организаціи не удалось искусственно привить такія формы. По степному положенію 1869 года у киргизъ создавались несуществующія у нихъ административныя волости и аулы съ общиннымъ землевладѣніемъ. У киргизъ до послѣдняго времени царилъ родовой бытъ: они селятся и владѣютъ землей мелкими родовыми группами (въ тѣхъ случаяхъ, когда имѣютъ зимовки и занимаются сѣнокошеніемъ и хлѣбопашествомъ) въ 10 — 15 кибитокъ каждая. Послѣ введенія степного положенія подати они стали выплачивать по административнымъ ауламъ и волостямъ, а владѣть землей и вести свои поземельные счеты продолжали по „хозяйственнымъ ауламъ“—территоріямъ родовыхъ группъ. Этотъ примѣръ еще разъ доказываетъ, что созданіе общинныхъ формъ землевладѣнія не поддается административному творчеству въ тѣхъ случаяхъ, когда это творчество антагонизируетъ съ хозяйственными условіями мѣста и времени.

Но р а з р у ш и т ь сверху сложный и, надо сознаться, хрупкій механизмъ коллективнаго землевладѣнія всегда было легко, однако не потому, что община становится поперекъ дороги экономической эволюціи. Въ средніе вѣка въ Европѣ общину задавилъ феодализмъ, феодализмъ уничтожилъ ее и въ Польшѣ. Нѣтъ никакихъ сомнѣній въ томъ, что 50 лѣтъ назадъ

при освобожденіи крестьянъ, великорусская община могла бы быть уничтожена съ такой же легкостью, съ какой она уничтожается сейчасъ въ Сибири при аналогичныхъ условіяхъ (въ моментъ окончательнаго отграниченія и отвода земельныхъ надѣловъ). Всѣ эти факты снова подтверждаютъ, что экономическія и, въ частности, рыночныя отношенія тутъ не причемъ Правящая власть во всякое время могла бы разрушить общину совершенно независимо отъ того или иного момента аграрной эволюціи Легкость разрушенія общины зависитъ отъ того, что общинное землевладѣніе, какъ и всякая коллективная форма собственности и пользованія, противорѣчитъ нѣкоторымъ личнымъ интересамъ отдѣльныхъ членовъ коллектива Община, по существу, представляетъ страховой союзъ взаимнаго земельнаго обезпеченія Въ добровольныхъ союзахъ всякая единица поступается частью своихъ интересовъ для того, чтобы пріобрѣсти еще большія выгоды. Но, чтобы взвѣсить потерянное и пріобрѣтаемое, при добровольномъ вступленіи въ такіе сложные коллективы, какъ земельные союзы, гдѣ выгоды отдѣльныхъ членовъ реализуются втеченіе долгихъ десятилѣтій, нужна извѣстная дальновидность, которой у темныхъ массъ нѣтъ. Эту дальновидность въ исторически сложившейся общинѣ замѣняла традиція. Традиція заглушается теперь разбуженными „великой реформой“ антиобщественными инстинктами отдѣльныхъ личностей Столыпинская реформа, дѣйствительно, пробудила индивидуалистическія тенденціи въ крестьянской средѣ. Но она пробудила ихъ не на почвѣ развитія экономическихъ отношеній, требующихъ теперь болѣе, чѣмъ когда-либо, солидарности, объединенія мелкихъ индивидуальныхъ хозяйствъ въ компактныя группы, а на почвѣ личныхъ, національныхъ и групповыхъ антагонизмовъ. Она воспользовалась ею же возбужденными антагонизмами старожиловъ и переселенцевъ въ Сибири, киргизъ и переселенцевъ въ азіатскихъ степяхъ, многодушниковъ и малодушниковъ въ общинахъ, хуторянъ и отрубниковъ при землеустройствѣ *). Реформа, пробуждающая такія индивидуалистическія тенденціи, идетъ наперекоръ хозяйственной эволюціи, требующей сглаживанія личныхъ антагонизмовъ и соединенія распыленной земли, капиталовъ и труда.

Я не отрицаю того, что современная община, соединенная съ чрезполосицей и принудительнымъ сѣвооборотомъ, оказываетъ иногда задерживающее вліяніе на сельско-хозяйственныя улучшенія. Она тормазитъ иниціативу передовыхъ ея членовъ, заставляетъ всѣхъ непроизводительно растрачивать время и трудъ на переѣзды съ полосы на полосу и т. д. Словомъ, современная

*) Землеустройство зачастую начинается съ того, что нѣсколько крестьянъ выдѣляются на хутора и имъ отводятся лучшіе участки. Чтобы предупредить дальнѣйшій соблазнъ къ такой хуторизаціи, все село рѣшается разверстаться на отруба Много фактовъ такого рода накопилось въ печати.

община, выработанная при трехпольномъ сѣвооборотѣ, также не пригодна для интенсивнаго плодосмѣна, какъ захватная община была непригодна для фазиса трехполья. Но я убѣжденъ, что крестьяне, съ помощью агрономовъ, при переходѣ къ интенсификаціи, сумѣли бы приспособить къ ней общинныя формы землевладѣнія, какъ они сумѣли это сдѣлать даже безъ агрономовъ при переходѣ къ трехполью. Что общинное землевладѣніе не задержало бы, а лишь содѣйствовало сельскому хозяйству—показываетъ такой фактъ Въ Тверской губ., за послѣднее время, распространились у крестьянъ посѣвы льна, грозящіе, по словамъ мѣстныхъ агрономовъ, при сохраненіи стараго трехполья, быстрымъ истощеніемъ почвы и неминуемымъ вслѣдъ затѣмъ крахомъ крестьянскаго благосостоянія. Пока крестьяне еще не разорились, благодаря своей „ставкѣ на ленъ", необходимы широкія агрикультурныя мѣропріятія, содѣйствующія переходу на травопольную систему, такъ какъ въ многополи съ клеверосѣяніемъ мѣстные агрономы видятъ единственное средство для возстановленія падающаго плодородія почвы. Главное управленіе земледѣлія ассигновало 75 тысячъ на введеніе травосѣянія, земство тоже субсидировало это предпріятіе, агрономовъ крестьяне встрѣчаютъ съ распростертыми объятіями,—они сами загорѣлись желаніемъ приступить къ передѣлу полей для введенія многополья, но, увы, не могутъ этого сдѣлать, такъ какъ въ Тверской губ. три четверти общинъ уничтожены 1-ой статьей закона 14 іюня Въ этой губерніи крестьяне раньше землей не интересовались — до сихъ поръ „живыхъ" общинъ съ коренными передѣлами тамъ было очень мало. Теперь, когда передѣлы понадобились во имя сельско-хозяйственнаго прогресса,—принудительное уничтоженіе общины поставило ему непреодолимыя преграды Въ результатѣ, агрономическая работа оказывается возможной только въ 25% живыхъ общинъ *).

Вообще община съ точки зрѣнія сельско-хозяйственнаго прогресса незамѣнима въ тѣхъ случаяхъ, когда потребность въ улучшеніи своего хозяйства уже сознана болѣе или менѣе значительной частью ея членовъ,—когда начинается массовый сдвигъ со старыхъ хозяйственныхъ устоевъ. Тогда общинная форма землепользованія подгоняетъ отсталое меньшинство и массовые переходы къ многополью съ травосѣяніемъ въ нечерноземной полосѣ получили такое широкое распространеніе, несомнѣнно, благодаря этой характерной чертѣ общиннаго землевладѣнія **)...

---

*) См. докладъ В. Курочкина „Задачи Тверского земства въ области культуры льна".

**) Интересно отмѣтить, что разрушеніе общины и землеустройство начинаютъ тормозить и меліораціонное дѣло. „Выходя за предѣлы отдѣльныхъ владѣній, осушительныя (а также оросительныя, песчано овражныя и

Вотъ вкратцѣ тѣ основанія, по которымъ я считаю несоотвѣтствующимъ дѣйствительности взглядъ автора передовицъ „Русск. Вѣд." на связь эволюціи рыночныхъ отношеній съ эволюціей формъ земельной собственности. Рыночныя отношенія, по моему мнѣнію, мало вліяютъ не только на формы собственности, но даже на формы и размѣры сельско-хозяйственныхъ предпріятій, такъ какъ, въ силу особенностей сельско-хозяйственнаго производства, и мелкія и крупныя предпріятія могутъ производить одни и тѣ-же продукты Размѣры сельско-хозяйственныхъ предпріятій, зависящіе, главнымъ образомъ, отъ техническихъ условій производства, конечно, тѣсно связаны съ размѣрами ихъ землепользованія. Но формы собственности на территорію отдѣльныхъ хозяйственныхъ единицъ зависятъ главнымъ образомъ отъ внѣшнихъ, политическихъ факторовъ, благодаря чему между размѣрами землевладѣнія и территоріальными размѣрами хозяйства мы наблюдаемъ постоянное расхожденіе. Это расхожденіе существуетъ при обѣихъ, преобладающихъ у насъ формахъ собственности на землю—частной и коллективной (общинной), но при частной собственности оно значительно сильнѣе и глубже и притомъ гораздо тяжелѣе отражается на наиболѣе жизнеспособномъ въ сельскомъ хозяйствѣ, трудовомъ классѣ крестьянства. Нѣкоторыя хозяйственныя преимущества частной собственности (относительный просторъ для иниціативы отдѣльныхъ лицъ) настолько не велики, что они съ избыткомъ покрываются крайне вредными для трудовыхъ классовъ послѣдствіями ея распространенія (ростъ земельныхъ цѣнъ, аренды, ипотечной задолженности). Съ другой стороны общинная форма землевладѣнія, тормазящая иниціативу передовыхъ хозяйствъ въ тотъ моментъ, когда они считаются единицами, незамѣнима при распространеніи массовыхъ хозяйственныхъ улучшеній.

Въ общемъ и частная, и коллективная формы землевладѣнія имѣютъ свои отрицательныя стороны, благодаря которымъ задерживается и искажается нормальное теченіе аграрной эволюціи. Частное землевладѣніе всегда приводило и приводитъ къ тому, что квалифицированное меньшинство тѣмъ или инымъ способомъ эксплоатировало трудящееся большинство; современныя формы коллективнаго землевладѣнія, наоборотъ, подчиняютъ волѣ инертнаго порой большинства иниціативу культурно-спо-

пр *Н. О.*) работы, въ большинствѣ случаевъ, затрагиваютъ интересы цѣлой группы лицъ и требуютъ ихъ общаго соглашенія. Въ такихъ случаяхъ землеустроительныя работы могутъ затруднять производство меліорацій, такъ какъ, при разверстаніи надѣла, вмѣсто общины, владѣющей нерѣдко всѣмъ пространствомъ болотъ и ближайшими водонріемниками, образовалось много владѣній на правахъ личной собственности" („2 обл. съѣздъ инженеръ-гидротехниковъ 8—15 января 1913 г." т. III, стр. 90). Это говорятъ совершенно безпристрастные спеціалисты и даже казенные гидротехники, которые не разъ вступали по этому поводу въ конфликтъ съ землеустроителями.

собнаго меньшинства. Только такой огромный коллективъ, какъ нація, можетъ примирить интересы большинства и меньшинства, предоставить полный просторъ энергіи отдѣльныхъ хозяевъ, пресѣчь всякую возможность эксплоатаціи, развивающейся на основѣ монопольнаго обладанія землей и поставить на прочный базисъ организацію обобществленнаго хозяйства, составляющаго конечный идеалъ современной демократіи. Поэтому нѣтъ никакихъ основаній отказывается отъ этого основного пункта нашей программы.

Но осуществленіе этого принципа возможно при демократизаціи власти, т. е. въ болѣе или менѣе далекомъ будущемъ. А что же дѣлать сейчасъ?.. И, прежде всего, какъ быть съ общиной? Принципіально оставаясь на той позиціи, что общинное землевладѣніе представляетъ въ хозяйственномъ, экономическомъ и соціальномъ отношеніяхъ преимущества передъ частнымъ, что община представляетъ довольно гибкую организацію, которую, при содѣйствіи агрикультурныхъ и техническихъ мѣръ, вполнѣ возможно приспособить къ условіямъ интенсивнаго земледѣлія, что по этому ея сохраненіе и развитіе имѣло бы большее значеніе,—слѣдуетъ признать, что внутренній антагонизмъ между индивидуальными интересами отдѣльныхъ лицъ и коллективными интересами общины дѣлаетъ эту организацію хрупкой, легкой подвергающейся разрушенію сверху. Въ настоящій, критическій для общины моментъ—моментъ перехода въ интенсивный фазисъ эволюціи, требующій наивысшаго напряженія всѣхъ жизненныхъ силъ общины,—для этого требуется добровольный уходъ крестьянъ изъ общины, а добровольный выходъ, послѣ того, какъ по признанію самого министра финансовъ, съ ней разстались „исключительныя“ группы—безхозяйственные низы и небольшая часть „многодушниковъ“ изъ верхнихъ слоевъ,—совсѣмъ замираетъ. Остается еще около 8 милліоновъ дворовъ, не заявившихъ желанія разстаться съ общиной. Меньшая половина ихъ юридически превращена въ частныхъ собственниковъ, но, быть можетъ, даже не подозрѣваетъ объ этомъ. Большая половина юридически остается общинниками, но фактически, какъ я уже говорилъ, лишена закономъ возможности производить передѣлы. Ясное дѣло, что если законъ привелъ общину въ состояніе анабіоза—только законъ и можетъ вывести ее изъ окоченения Съ теченіемъ времени, подъ вліяніемъ развивающихся теперь разрушительныхъ процессовъ, изъ которыхъ наиболѣе важны правительственное землеустройство и мобилизація земель—окочененіе превратится въ полную смерть Это надо предвидѣть: надо предвидѣть, что если въ ближайшія десятилѣтія не удастся добиться перемѣны закона—община будетъ уничтожена безповоротно. И поэтому пересмотра аграрнаго законодательства слѣдуетъ добиваться въ союзѣ со всѣми прогрессивными слоями общества, отрицательно относящимися къ насильственному разрушенію общины.

Но въ законодательныхъ сферахъ народническому теченію суждено пока играть незначительную роль Гораздо сильнѣе его вліяніе можетъ сказаться на той творческой работѣ, которая идетъ сейчасъ внизу, гдѣ происходитъ коренное переустройство всего крестьянскаго хозяйства. Та агрикультурная, экономическая и техническая организаціонная дѣятельность, о которой я говорилъ въ 12.№ „Завѣтовъ“, неизбѣжно приводитъ къ д е ц е н т р а л и з а ц і и многихъ сторонъ аграрной политики. Мѣстныя земскія и кооперативныя учрежденія начинаютъ требовать передачи имъ агрикультурныхъ, меліоративныхъ, значительной части экономическихъ и даже землеустроительныхъ операцій,—и этому требованію правительство идетъ и по необходимости должно пойти навстрѣчу, ибо культурно-организаторская работа на мѣстахъ ему одному не по силамъ. Воспитанная на этой работѣ демократія будетъ расти и крѣпнуть—таковъ „историческій ходъ вещей“ И если даже община погибнетъ, при этой творческой работѣ отыщутся возможности возродить то, самое цѣнное начало, которое было въ старой общинѣ—начало к о л л е к т и в н а г о землепользованія. Пока у насъ существуетъ малоземелье, пока избыточному деревенскому населенію нѣтъ иныхъ выходовъ кромѣ земли—стимулы, создавшіе общину, сохранятъ свою дѣйственную силу и, опираясь на нихъ, мы сможемъ осуществить проведеніе въ жизнь принципа коллективизма въ землепользованіи—при помощи ли арендныхъ товариществъ, товариществъ для покупки земли, мелиоративныхъ, добровольныхъ союзовъ земельнаго страхованія и т. д.

Итакъ, я нисколько не опасаюсь того, что вмѣстѣ съ общиной отомрутъ наши принципы,—они не могутъ умереть, потому что они связаны съ б у д у щ и м ъ, а не съ прошедшимъ, крѣпко спаяны со счастьемъ, а не съ бѣдой трудящагося человѣчества.

Община въ Россіи.

(Статистическій очеркъ).

А) Состояніе общины къ концу XIX в. До конца 1890-хъ гг. многочисленные изслѣдователи русской общины ограничивались по б. ч накопленіемъ и анализомъ матеріаловъ описательнаго характера, а земскія изслѣдованія иногда вовсе не разрабатывались, если же подвергались разработкѣ, то, главнымъ образомъ, въ цѣляхъ опять-таки классификаціонныхъ, для болѣе полнаго и точнаго описанія и схематизаціи общинныхъ формъ. Этотъ подготовительный періодъ изученія общины, давшій рядъ весьма цѣнныхъ трудовъ, напр. г. В. В., А. А. Кауфмана и, наконецъ, К. Р. Качоровскаго (Русская община), не далъ, однако, результатовъ отчетливой цифровой картины, какъ степени распространенія тѣхъ или иныхъ общинныхъ формъ въ Россіи, такъ и ихъ эволюціи или разложенія. Единственную, но зато весьма широко задуманную попытку выяснить статистически общинную проблему, сдѣлалъ К. Р. Качоровскій, работавшій надъ собираніемъ статистическаго матеріала много лѣтъ, но опубликовавшій лишь ничтожную часть—суммарные итоги—въ двухъ трудахъ: его книги „Народное Право“, (изд. 1906 г.) и въ выпущенной подъ его редакціей популярной книгѣ П. Веніаминова „Крестьянская Община“ (1908 г.). Итоги эти охватываютъ: а) по статикѣ—данныя 191 у. у. 35 губ. Евр. Росс.—изъ 358 изъ всѣхъ уѣздовъ этихъ губ. б) по динамикѣ—66 у. у. 7 районовъ, т. е. большей половины районовъ Россіи. Первыя данныя основаны частью на земско-статистическихъ изслѣдованіяхъ конца 90-хъ г.г., частью на доставленныхъ въ 1902 г. волостными правленіями отвѣтахъ на постановленные К. Р. Качоровскимъ вопросы. Общіе выводы о состояніи общинно-передѣльнаго механизма въ этомъ періодѣ времени представлены въ нижеслѣдующей таблицѣ (въ $^0/_0$ отношеніяхъ).

Количество семей (въ процентномъ отношеніи) въ общинахъ съ разверстками.

Районы.	I гр. Безпередѣльная, по ревизіи душамъ получивш. надѣлы на 40 л. и >.	II гр. Тоже съ начавшеся борьбой за передѣлы.	III гр. Слабыя уравнительныя поправки безъ передѣльно-ревизск.	IV гр. Передѣлы по неопред. и смѣш	V гр. Тоже по рабочимъ силамъ семей.	VI гр. Тоже по потребит (преим. по наличн. душамъ м. п.)
Сѣверный	19,8	4,4	3,7	21,5	14,6	36,0
Восточный	10,3	9,7	10,3	17,2	11,2	41,3
Промышленный . .	9,7	4,5	10,8	21,9	33,5	19,5
Приволжскій . . .	7,9	3,7	7,4	9,5	8,9	62,7
Черноземный . .	20,7	3,2	3,9	2,8	2,0	67,4
Южный . .	8,4	3,3	8,0	2,9	6,4	71,0
Западный	35,5	11,2	12,3	10,7	13,6	16,7
Сѣверо-зап.	45,9	4,6	5,4	6,7	9 3	28,1
уѣзд . . .	16,6	5,2	7,6	11,3	12,3	47,0
По всѣмъ 37 і . . .	16,9	5,1	7,3	10.8	11,2	48,7

Такимъ образомъ, по этому изслѣдованію, въ омертвѣлыхъ общинахъ не производившихъ передѣловъ со времени послѣдней ревизіи, оказалось 16,9% всѣхъ общинныхъ хозяйствъ, 12,4% уже проявили первые признаки жизнедѣятельности (II и III гр.), а въ остальныхъ 3-хъ группахъ, охватывавшихъ, въ общей сложности, 70,7 всѣхъ общинниковъ дѣйствовалъ болѣе или менѣе регулярно передѣльный механизмъ. Признаки замѣтнаго разложенія общины обнаруживали районы западный и сѣверо-западный (губ. Калужская, Смоленская, Витебская, Черниговская, Псковская, Петроградская, Новгородская, частью Тверская, Ярославская, Орловская),—т. е. по б. ч. тѣ самыя, въ которыхъ, съ большимъ успѣхомъ, за послѣднее время, развивалось укрѣпленіе земли, хуторское и отрубное хозяйство. Обратная зависимость между жизненностью общины и ея разрушеніемъ, видна, напр., изъ данныхъ по Новгородской губ., гдѣ оказалось

Уѣзды.	% общинъ передѣлявш. земли.	% домохоз.. укрѣпившихъ земли
Кириловскій	21,5	3,2
Череповецкій	19,3	10,5
Устюжскій	8,3	19.6

По замѣчанію авторовъ изслѣдованія, чѣмъ сильнѣе въ уѣздѣ развита общинная форма землевладѣнія, тѣмъ слабѣе въ немъ нашелъ свое отраженіе новый законъ о личномъ владѣніи.

Б) Эволюція общины. Въ распоряженіи К. Р. Качоровскаго имѣлись данныя по динамикѣ общинныхъ формъ а) въ 6.830 общинахъ 66 у. у за періодъ 1880 — 1902 г г. (1/3 всѣхъ общинъ), б) по 2.573 общинахъ Саратовской губ. (9/10 общинъ) съ 1870 г. в) по Владимірской губ. (16%) за 1870 — 902 г г и г) по Московской губ (2/3 общинъ за 1870—98 г г.). Сводка этихъ данныхъ представляетъ такіе результаты (въ %).

Изъ 100 общинъ.

	I гр.	II гр.	III гр	IV гр	V гр.
	Безпередѣльно-тесныя, развертка, полное отсутствіе развертки и передѣлы	То же, но съ частичными передѣлами (сватика-на валка душъ).	Правильные общіе передѣлы по „новымъ“ и мужскимъ наличнымъ душамъ	Правильные общіе и частные передѣлы по работникамъ.	Правильные общіе и частные передѣлы по ѣдокамъ и счёты принц (раз-ѣдок)
66 у. у. Начал 80 гг. . .	64,7	9,3	11.3	9,1	5,6
1897—1902 г . . .	11 7	2,6	59,1	7,7	18.9
Измѣн въ % + или — . .	— 81,9	— 72,0	+ 423,0	— 15,4	+ 237,5
Саратовская губ. 1870 г . .	42,0	21,6	32,4	0,6	3,4
„ „ 1880 „ . .	36,0	21,1	34.0	5.3	3,6
„ „ 1890 „ . .	22,2	20,0	31.4	23,0	3.4
„ „ 1900 . . .	16,0	17,0	22,0	41,3	3.7
Изм. въ % + или —	— 61.9	— 21,3	— 32,1	+ 6783,3	+ 8,8
Владимірская губ 1870 г .	69.3	4,1	10,4	2,2	6,7
„ „ 1902 „ .	4,9	1,3	41,5	40.7	11.6
Измѣн. въ %	— 92.9	— 68,3	+ 299,0	+ 1750	+ 73,1
Московская губ. 1870 г . .	47,2	26,2	2.0	22,4	2,2
„ 1897—1899 гг.	6,1	17,4	4 6	52.8	19,1
Изм. въ %	— 87,1	— 33,6	+ 130 0	+ 135,7	+ 768.1

Эта таблица указываетъ, что во всѣхъ, рѣшительно, уѣздахъ, и губ. относительно которыхъ имѣлись приведенныя данныя, происходилъ процессъ оживленія общины: число безпередѣльныхъ неподвижныхъ общинъ и тѣхъ, въ которыхъ, при отсутствіи общихъ передѣловъ, начались частныя свалки-навалки, сократилось; число общинъ съ правильными передѣлами всюду возрасло. Причемъ самые принципы разверстки дѣлались все болѣе совершенными—такъ, значительное мѣсто стала занимать разверстка по ѣдокамъ — т. е. наличнымъ душамъ не только мужескаго пола, но и женскаго.

Новѣйшія земскія изслѣдованія оставляютъ, по б. ч. въ сторонѣ вопросъ объ эволюціи общины. Данныя такого рода мы нашли лишь въ сборникахъ 1) „Новоузенскій у:“ въ естественно-историческомъ и хозяйственномъ отношеніяхъ“ (изд. 1912 г.),

гдѣ приведены свѣдѣнія о передѣлахъ въ русскихъ и нѣмецкихъ общинахъ съ 70-хъ г г.

	Количество передѣловъ.	
	Въ русскихъ общинахъ.	Въ нѣмецкихъ общинахъ.
Въ 1870-хъ г.	24	33
„ 1880 „ „ . . .	73	77
„ 1890 „ „	24	27
1900-хъ (по 1908 г.) . .	40	36

Передѣлы начались съ конца 1870-хъ и съ начала 80-хъ г.г. Большинство общинъ передѣлялось 2, 3 и даже 4 раза. Какъ видно изъ приведенной сводки, наибольшую жизненность общины Новоузенскаго у. проявили въ 1880 и въ 1900 г.г — не только передъ новѣйшей аграрной реформой, но и послѣ нея: въ 1907 — 8 г.г было 10 случаевъ передѣловъ. Составители сборника указываютъ, въ послѣднее время причинной коренныхъ передѣловъ служитъ выходъ крестьянъ на хутора и отруба. 2) Такое же явленіе наблюдалось и въ Мещовскомъ у. Калужской губ. гдѣ, какъ только возникли случаи выхода на отрубные участки, крестьяне приступали къ передѣлу. Но въ общемъ, въ Мещовскомъ у. число передѣловъ сокращалось съ каждымъ десятилѣтіемъ.

	Число передѣловъ
1879—1889	53
1889—1899	42
1899—1909	32

Впрочемъ, составители сборника (см. „статистич. описаніе Кал. губ.“ т VI вып. II, изд. 1912 г.), указываютъ, что въ первое 10-лѣтіе раздѣлъ земель происходилъ въ эпоху бѣгства крестьянъ отъ земли, и широко развившагося на этой почвѣ обычая свалокъ-навалокъ, создавшаго необходимость раздѣленія земли по работникамъ въ цѣляхъ равномѣрнаго распредѣленія податной тяготы. Въ 1890-хъ г. г. начинаетъ наблюдаться обратная тяга къ землѣ, свалки-навалки исчезаютъ и уничтожается вызванная ими необходимость въ коренныхъ передѣлахъ: за то выдвигается на первый планъ какъ мотивъ для передѣловъ, — уничтоженіе мелкополосицы — того самого явленія, ради котораго новѣйшее аграрное законодательство проводило принципъ разрушенія общины. Въ первое 10-лѣтіе было три передѣла въ цѣляхъ уничтоженія мелкополосицы, во 2-е—7, въ 3-е—15 Необычайно развившееся дробленіе полосъ заставляло крестьянъ производить передѣлы съ цѣлью ихъ умепьшенія. 3) Наконецъ, въ Казанской губ (см. сб. „Крестьянское землевладѣніе въ Казанской губ.) до конца 1870 г.г. уравнительные передѣлы почти не практиковались. Но уже въ

70-хъ и въ началѣ 80-хъ г. г многія общины подѣлили землю на новыхъ основаніяхъ и къ 1893 г на 1.148 общинъ, пользовавшихся землей по старому, приходилось 1 717 общинъ съ распредѣленіемъ земли по наличнымъ душамъ, или, въ небольшомъ числѣ случаевъ, по другимъ разверсточнымъ единицамъ. Процессъ этотъ продолжался и въ послѣдующіе годы и къ 1 окт. 1907 г. осталось только 868 общинъ, въ которыхъ ревизская душа сохранила прежнее значеніе, въ остальныхъ же 2 133 произошелъ переходъ на наличныя души. Такимъ образомъ и новѣйшія данныя указываютъ на то, что самодѣятельность общинъ эволюціонировала, не только до момента проведенія въ жизнь указа 9-го ноября 1906 г. и закона 1910 г., но, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, даже наоборотъ, этотъ законъ оказалъ на нее импульсирующее воздѣйствіе. Впрочемъ, какъ общее правило, судя по послѣднимъ свѣдѣніямъ, аграрное законодательство послѣднихъ лѣтъ дѣйствовало обратнымъ образомъ оно, повидимому, задерживало осуществленіе передѣловъ. Какъ только общинники начинали говорить о передѣлахъ, „много душники“—крестьяне, имѣющіе право, по закону, укрѣплять за собой излишки надѣловъ, которыми они пользовались сверхъ нормы, подавали заявленія объ укрѣпленіи за ними ихъ участковъ Чтобы предупредить дальнѣйшее расхищеніе общинныхъ земель, у общинниковъ не было иного средства, какъ только отказываться отъ передѣловъ, и поэтому, передѣлы, въ настоящее время, повидимому стали рѣдкимъ явленіемъ и возникаютъ лишь въ связи съ переходомъ нѣкоторыхъ членовъ общины на хутора и отруба, когда произвести передѣлъ для остальныхъ общинниковъ, становится необходимымъ, за-частую, въ силу причинъ чисто техническаго характера.

Вліяніе новѣйшаго аграрнаго законодательства на разрушеніе общины

I. Укрѣпленіе земель.

Число крестьянъ, укрѣпившихъ свою землю по указу 9-го ноября достигло на 1-е мая 1915 г. 1.992,2 тыс. дв. съ 13 932,6 тыс. дес. земли. Сверхъ того, что по закону 14 іюня 1910 г получило удостовѣрительныхъ актовъ на право владѣнія личнаго надѣльной землей къ этому же времени 456,8 хоз., владѣющихъ 2 686 тыс дес., а всего, слѣдовательно, общее количество общинниковъ, перешедшихъ добровольно къ личному владѣнію землей, достигаетъ 2.449.700 хозяйствъ съ 19 067,6 тыс. дес или 24.1% всѣхъ общинниковъ въ губерніяхъ, захваченныхъ дѣйствіемъ новыхъ законовъ. По годамъ

движеніе къ выходу изъ общины происходило слѣдующимъ образомъ:

(Въ тысячахъ).

	Число домохозяевъ заявившихъ требованія объ укрѣпленіи.	Число домохозяевъ окончательно вышедшихъ изъ общины
1907 г.	211,9	48,3
1908 „	840,1	508,5
1909 „	649,9	579,4
1910 „	341,9	342,2
1911 „	242,3	145,6
1912 „	152,4	122,3
1913 „	160,3	134,6
1914 „	120,3	97,9
1915 „ (до 1-го мая) .	17,0	14,8
Всего . . .	2736,1	1992,9 *)

Б) Выдача удостовѣрительныхъ актовъ.

1910 г.	53,8	3,2
1911 „	252,2	167,3
1912 „	117,5	108,7
1913 „	102,2	97,8
1914 „	68,0	65,3
1915 „ (до 1-го мая) . .	9,5	9,9
Всего . . .	603,2	457,2 *)

II Выдач удостовѣрительныхъ актовъ.

Но, кромѣ этого количества, согласно ст. 1-ой закона 1910 г., всѣ общества и селенія имѣющія надѣльныя владѣнія, въ которыхъ не было общихъ передѣловъ со времени надѣленія ихъ землею, признаются перешедшими къ наслѣдственному (участковому или подворному) владѣнію Такихъ обществъ насчитано правительствомъ 116,000 съ 3,543,000 домохозяевъ. Однако, по установившейся практикѣ, по свидѣтельству ср. пр. Мануилова (см ст „Новѣйшее законодательство о земельной общинѣ", въ 1912 г.) подъ дѣйствіе ст. 1 фактически подпадаютъ только тѣ общества и селенія, изъ состава которыхъ надѣльные домохозяева возбудили ходатайства о выдачѣ удостовѣрительныхъ актовъ Такихъ обществъ и селеній на 1-е мая 1915 г. оказалось 86,992; въ которыхъ, по приблизительному

*) Цифры погоднаго распредѣленія укрѣпленій и выдачъ удостовѣрительныхъ актовъ, опубликованныя въ послѣдней объяснительной запискѣ М-ра Финансовъ на 1916 г. (ч. II), немного расходятся съ итоговыми данными о 1-е мая 1915 г.) помѣщенными въ „Изв. Земск. Отдѣла" (1915 г. № 12).

подсчету *), проживало 2,002.700 хоз., а за вычетомъ 304,700 отдѣльныхъ хозяевъ получившихъ удостовѣрительные акты— 1,698,000 дворовъ. Отсюда общій итогъ всѣхъ бывшихъ общинниковъ, перешедшихъ добровольно, или переведенныхъ принудительно, согласно закону, въ разрядъ личныхъ собственниковъ достигаетъ 4,147,000 дворовъ, общее же количество общинниковъ въ губерніяхъ, подпавшихъ подъ воздѣйствіе новыхъ законовъ, достигало въ 1912 году 10,167,100, а во всѣхъ губерніяхъ Европейской Россіи—10,393,400 такъ что въ настоящее время около 6,2 милліоновъ общинниковъ остаются еще при мірскихъ формахъ землевладѣнія.

Нижеслѣдующая таблица рисуетъ процессъ разложенія общины въ отдѣльныхъ раіонахъ Европейской Россіи на первое мая 1915 года.

Раіоны.	Число укрѣпившихся дворовъ	Число дворовъ получивш. удост. акты	Предполагаем количество дв. въ селеніяхъ гдѣ отдѣльн. х-ва получ удостовѣр. акты.	Всего дв. укрѣпившихся и получившихъ акты.	Выѣдетъ со всѣми Домохоз тѣхъ селеніи въ которыхъ отдѣльныхъ х-ва получ акты	Число всѣхъ общинниковъ.	Процентъ домохоз добровольно вышедшихъ изъ общинъ по всѣмъ общинамъ	Процентъ перешедшихъ добровольно и принужд и части собств. по всѣмъ общинамъ
	В ъ т ы с я ч а х ъ							
Литовско-бѣлорус.	111,8	27,5	78,7	139,3	207,9	261,6	53,3	79 5
Прюзерный. . . .	62,2	45,6	209,8	107,8	279,3	510,3	21,1	54,7
Московско промыш	253,4	159,5	529,7	412.9	856,5	1709,9	24,1	50.1
Сѣверный	21,8	7,3	49,3	29.1	72,6	315,3	9.3	23,0
Сѣверо-вост . . .	60,8	14,4	155.7	75.2	220,9	1258,9	6,0	17,5
Всего въ нечер. пол.	510,0	264,3	1023,2	764.3	1636,7	4056,0	18,8	40,4
Малорус.	140,7	33,8	177,0	174,5	324,9	716,7	24,3	45,3
Централь	460,2	92,8	518,0	553,0	996,1	1912,9	28,9	52.0
Средне-волжск. . .	330.7	17,1	123.3	347 8	461,5	2012,0	17,3	22,9
Новорос	382.8	46.4	125,0	429,2	519,8	973,4	44,1	53,4
Нижне-волжск. . .	167,8	12,4	36,2	180,2	208,0	505,1	35,7	41,2
Всего черно-зем пол	1482,2	202,5	979,5	1684,7	2510,3	6120,1	27,5	41,0
Итого въ 40 губ Евр. Рос . . .	1992,2	456,8	2002,4	2449,0	4147,0	10176,1	24.1	40,8

*) Подсчетъ произведенъ по слѣдующему способу: количество дворовъ, въ селеніяхъ каждой губерніи. изъ которыхъ были поданы отдѣльныя ходатайства о выдачѣ удостовѣрительныхъ актовъ, опредѣлялось по численному составу обществъ въ тѣхъ же губерніяхъ, возбудившихъ въ цѣломъ подобныя ходатайства, за исключеніемъ губерній—Псковской, Симбирской, Бессарабской, Херсонской, Самарской, Уфимской, гдѣ, въ виду слишкомъ большихъ отклоненій отъ средней населенности всѣхъ селеній вообще, была взята эта послѣдняя

Какъ видно изъ этой таблицы, процессъ разрушенія общины въ нечерноземной полосѣ правильно эволюціонировалъ по направленію съ востока на западъ, въ черноземной же полосѣ онъ болѣе или менѣе равномѣрно охватилъ почти всѣ раіоны Поволжья, колеблясь въ предѣлахъ 41—53%, за исключеніемъ Средняго Поволжья, гдѣ онъ понижался до 23%. Если же взять только тѣхъ укрѣпленцевъ, которые **добровольно** ушли изъ общины, то въ нечерноземной полосѣ мы увидимъ ту же самую правильность, а въ черноземной, скорѣе обратное явленіе: максимумъ выходовъ изъ общины упадаетъ на сравнительно рѣдко населенные экстенсивные раіоны Новороссіи и Нижняго Поволжья, а въ болѣе культурныхъ—малороссійскомъ и центральноземледѣльческомъ процентъ выходцевъ оказывается гораздо ниже. Поэтому, далеко нельзя сказать, что выходъ изъ общины связанъ съ стремленіемъ крестьянъ къ агрикультурному прогрессу, тѣмъ болѣе, что, обобществленіе всѣхъ сторонъ сельскохозяйственнаго производства мелкихъ хозяевъ—главнѣйшее средство для развитія производительности ихъ труда Насколько назрѣла сейчасъ необходимость обобществленія—видно изъ необычайнаго роста кооперативовъ въ сельскомъ хозяйствѣ, самыхъ разнообразныхъ формъ и видовъ. Но пока кооперативація идетъ отъ вершинъ с.-хоз производства, охватывая тѣ его стороны, которыми оно соприкасается съ внѣшнимъ міромъ—кредитъ и обмѣнъ, затѣмъ третью стадію самаго производства—техническую переработку сырья. Да первыя стадіи сел.-хозяйственныхъ процессовъ, связанныя непосредственно съ землей—подготовка почвы и уходъ за растеніями и животными, пока туго поддаются обобществленію и одной изъ причинъ этого, несомнѣнно является, всеобщее распространеніе **частной** земельной собственности, вредъ которой еще усиливается распыленіемъ землевладѣнія на мелкія, обособленныя ячейки. Въ этомъ отношеніи, напр у насъ уже успѣло сказаться разрушеніе общины Даже казенные гидротехники жалуются, что разрушеніе общины затормазило производство меліорацій, т к меліораціи обыкновенно „затрагиваютъ интересы цѣлой группы лицъ и требуютъ ихъ общаго соглашенія“. Разрушенную общину, въ данномъ случаѣ, замѣнятъ меліоративныя товарищества, отрицательныя стороны индивидуальныхъ формъ землевладѣнія будутъ постепенно сглаживаться развитіемъ арендныхъ товариществъ, ипотечныхъ союзовъ, союзовъ взаимнаго земельнаго страхованія, на почвѣ которыхъ понемногу образуютъ новыя коллективныя формы хозяйства, но полнаго расцвѣта обобществленія можно ожидать лишь послѣ уничтоженія института индивидуальной собственности.

Изнанка „великой реформы".

На-дняхъ самарское земство выпустило въ свѣтъ разработку матеріаловъ подворной переписи Самарскаго уѣзда, произведенной въ началѣ 1911 года. Публикація подворныхъ переписей крестьянскаго населенія, произведенныхъ послѣ изданія указа 9-го ноября, представляетъ рѣдкое явленіе, и каждое новое изслѣдованіе такого рода должно заинтересовать не только спеціалистовъ, но и широкую публику, потому что только такими объективными массовыми изслѣдованіями можно выяснить истинное значеніе реформаторской дѣятельности правительства, т. е. тѣхъ многомилліонныхъ огульныхъ цифръ, которыя оно выставляетъ на показъ въ своихъ оффиціальныхъ отчетахъ.

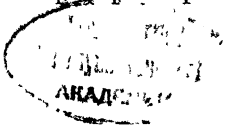
Интересъ усугубляется тѣмъ, что Самарская губернія идетъ впереди другихъ по числу крестьянъ, укрѣпившихъ надѣлы въ собственность. Въ частности въ Самарскомъ уѣздѣ къ моменту переписи число „укрѣпленцевъ" достигло 32,1% всѣхъ наличныхъ дворовъ, а къ 1-му октября 1911 г. оно выросло до 39,5%, т. е. до $^2/_5$ общаго количества. Но „укрѣпленцы", это—только личные собственники, а не единоличные хозяева. Перепись Самарскаго уѣзда раскрываетъ намъ то, о чемъ мы могли раньше лишь догадываться,—что почти вся операція укрѣпленія производится только на бумагѣ. Изъ общаго числа укрѣпленцевъ владѣющихъ землей чрезполосно оказалось 90,6%, выдѣлилось на отруба 6,5%, а настоящихъ хуторянъ насчитано только 2,9%,—241 хозяйство. „Такимъ образомъ,—говоритъ авторъ текстоваго описанія переписи Г. И. Баскинъ,—болѣе 90% хозяйствъ изъ числа укрѣпившихъ надѣльную землю не порвали окончательно своихъ связей съ общиной". Ихъ надѣлы лежатъ разбросанными полосами на общинныхъ поляхъ рядомъ съ полями крестьянъ, оставшихся вѣрными общинѣ, ихъ скотъ пасется на общемъ выгонѣ, ихъ избы стоятъ въ общемъ „порядкѣ" на деревенскихъ улицахъ. Со стороны хозяйственной техники и экономики все осталось по-старому и даже хуже стараго, потому что община потеряла возможность регулировать чрезполосицу, и эта послѣдняя—благодаря куплѣ-продажѣ, переходамъ по наслѣдству и пр. превратится въ ближайшемъ будущемъ въ отчаянную путаницу полосъ, при кото-

рой не то что переходъ къ интенсивному земледѣлію, а даже сохраненіе традиціонной „трехполки“ будетъ крайне затруднено

Единственный результатъ, который указъ 9-го ноября далъ до сихъ поръ самарскимъ крестьянамъ, это—право „раскрестьяниваться“, продавать надѣлы когда вздумается или когда одолѣетъ нужда. И они широко воспользовались этимъ правомъ 33% —третья часть укрѣпленной земли,—уже перешли въ другія руки за четыре года съ небольшимъ до момента переписи Послѣ переписи распродажа надѣловъ сильно увеличилась, потому что 1911 г. былъ голоднымъ для Самарской губерніи за одно второе полугодіе распродана третья часть всего количества надѣловъ, ликвидированныхъ съ начала укрѣпленія Изъ продавцовъ 93% принадлежали къ малосостоятельнымъ и только 7%—къ средне-зажиточнымъ „Что идетъ у насъ въ селахъ—страсть,—разсказывали объ этомъ времени крестьяне:—укрѣпляютъ за собой надѣлъ и спускаютъ за безцѣнокъ, на вѣкъ нищими остаются. Пріѣхалъ къ намъ хохолъ изъ Екатеринославской губерніи, созвалъ народъ на сборню и говоритъ, кто желаетъ продать души,—покупаю Сразу записалось 132 человѣка. Крикомъ кричатъ, а продаютъ“.

Покупатели принадлежатъ къ зажиточнымъ слоямъ. Изъ комбинаціонныхъ таблицъ, приложенныхъ въ концѣ сборника, видно, что 87,5% надѣловъ, купленныхъ въ своей или чужой общинѣ, перешли въ руки хозяйствъ, засѣвавшихъ болѣе 9-ти дес., въ томъ числѣ 58,4%—въ руки деревенскихъ богатѣевъ съ посѣвомъ свыше 20 десятинъ. И какъ было не покупать эту землю, которая сама шла въ руки богатымъ за ничтожную цѣну въ 12, 17 и 20 руб. Но, пріобрѣтая охотно надѣлы, крестьянская буржуазія не спѣшитъ воспользоваться всѣми благами землеустройства и порвать связи съ общиной. „Количество надѣльной земли, выдѣленной въ хутора и отруба, несомнѣнно, обнаруживаетъ опредѣленную тенденцію къ п о н и ж е н і ю отъ низшихъ группъ къ высшимъ“. Хутора и отруба почему-то оказываются не особенно привлекательными для тѣхъ самыхъ „крѣпкихъ“ хозяевъ, для которыхъ они главнымъ образомъ предназначались..

Такова неприглядная изнанка „великой реформы“, обнаруженная послѣдней подворной переписью въ той мѣстности, гдѣ эта реформа проходитъ съ наибольшимъ успѣхомъ.



ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
1) Первые итоги «великой реформы»	3—73
2) Въ защиту «доктринерства»	74—92
3) Община въ Россіи	93—100
4) Изнанка «великой реформы»	101—102